

СЛАВЯНО

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

*Взр. о.у.
м.с. с. р.и.с. н.а.к.*

СЛАВЯНО ·

2001

· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1
2001
ЯНВАРЬ •
ФЕВРАЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

- Грачев В.П.* (Москва). Сербский вопрос на переговорах 1812 года между Россией и Турцией о заключении Бухарестского мира 3
- Белов М.В.* (Нижний Новгород). О некоторых тенденциях в историографии сербского восстания 1804–1813 годов 18
- Агапкина Т.П.* (Москва). Русские контакты Ярослава Ивашкевича. 1945–1950-е годы (По материалам архивных разысканий) 28
- Невекловский Г.* (Клагенфурт). Языковое состояние на территории распространения бывшего сербскохорватского языка 39
- Багдасаров А.Р.* (Москва). Социально-политические аспекты функционирования лексической системы современного хорватского языка (90-е годы XX века) 51
- Яклова А.* (Чешске-Будеёвице). Развитие понятия *арго* в чешской лингвистике 58

СООБЩЕНИЯ

- Крумлинг А.А.* (Москва). "Псалтирь Рифмотворная" Симеона Полоцкого (1680) в перепечатках Андрея Решетникова (1809 и 1811 годов) 63
- Стыкалин А.С.* (Москва). Новое свидетельство о роли советского фактора в чехословацких событиях 1968 года (К выходу в свет мемуаров генерала А.М. Майорова) 76
- Лаптева Л.П.* (Москва). Мерчин Новак-Нехорньский: видный деятель серболужицкой культурной и национальной жизни 86

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Носов Б.В.* М. Czeppe. Kamaryla Pana z Dukli. Ksztaítowanie sík obozu politycznego Jerzego Augusta Mniszcha 1750–1763 88
- Агапкина Т.П.* G. Wiśniewski. Pięć polskich losów w Rosji 92
- Досталь М.Ю.* Fondy a sbírky Archivu Akademie věd České republiky / Nana Barvíková, Helena Janderová, Václav Podaný 95
- Досталь М.Ю.* Listy L'udovíta Štúra. IV. Dodatky / Na vydanie pripravil Vladimír Matula 96

<i>Мечковская Н.Б.</i> M. Schoferowa. Grzedowie , opowieść z Zimnego Podola. Exodus , sztuka sceniczna.....	98
<i>Мечковская Н.Б.</i> A. McMillin. Belarusian Literature in the 1950s and 1960s: Release and Renewal	101
<i>Адельгейм И. Z.</i> Ziątek. Wiek dokumentu	106
<i>Беличева И. О.</i> Richterek. Dialog kultur v uměleckém překladu	112

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Васильева Н.В.</i> Международная конференция "Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века"	114
<i>Волокитина Т.</i> Заседание Комиссии историков России и Болгарии.....	117
<i>Нещименко Г.П.</i> Международные лингвистические научные конференции в Ополе и Инсбруке	118

PERSONALIA

К 70-летию Владимира Константиновича Волкова.....	123
<i>Турилов А.А.</i> К 75-летию Геннадия Григорьевича Литаврина	124
Новые издания Института славяноведения РАН	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.С. НОВОПАШИН (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**, **В.К. ВОЛКОВ**, **Р.П. ГРИШИНА**,
А.А. ГУГНИН, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**, **Г.П. МЕЛЬНИКОВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН (первый зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), **Б.Н. ФЛОРЯ**,
В.А. ХОРЕВ, **Т.В. ЦИВЬЯН** (зам. главного редактора)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Валенцова М.М.* (отдел лингвистики),
Васильев М.А. (отдел истории).

Зав. редакцией *И.И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А.*, *Веслова И.Ю.*, *Кошкина Е.А.*

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
E-mail: vasilyev@FL09.power.ras.ru

© 2001 г. В.П. ГРАЧЕВ

СЕРБСКИЙ ВОПРОС НА ПЕРЕГОВОРАХ 1812 ГОДА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ТУРЦИЕЙ О ЗАКЛЮЧЕНИИ БУХАРЕСТСКОГО МИРА

Бухарестский мирный договор от 16 (28) мая 1812 г является важной вехой в истории России и Турции, а также народов, населявших в начале XIX в. придунайские, кавказские и азиатские владения полиэтнической Османской империи. Важную роль он сыграл и в истории сербского народа. В восьмой статье этого международного соглашения были впервые признаны и зафиксированы положения, которые позднее легли в основу медленно и с осложнениями формировавшейся сербской государственности XIX в.

Заключенный в экстремальной ситуации М.И. Кутузовым и ратифицированный царем Александром I 11 (23) июня 1812 г. в Вильно, за день до нападения наполеоновских полчищ на Россию, Бухарестский договор, по справедливому признанию российских и зарубежных историков, представлял собой компромисс, условия которого не устраивали полностью ни одну из подписавших его сторон, ни тем более сербских повстанцев, которые во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. воевали на стороне России в надежде завоевать право на создание независимого сербского государства.

Изначальная неудовлетворенность сербов постановлениями ст. VIII Бухарестского договора была использована позднее западноевропейскими, а затем и сербскими политиками и историками в качестве одного из аргументов для доказательства непоследовательности, вероломства и агрессивности балканской политики России во второй половине XVIII–XIX в. Так, французские историки – А. Тьер, А. Сорель, А. Вандаль и другие, отрицая завоевательный характер наполеоновских войн и выдвигая на первый план агрессивные устремления восточной политики России в конце XVIII – начале XIX в., вслед за пропагандой Наполеона настойчиво убеждали читателей в том, что петербургский двор ложными обещаниями щедрой помощи вовлекал балканских христиан в войны с Турцией, а при заключении мира с ней бросал своих обманутых союзников на произвол свирепых турок [1]. С аналогичных позиций оценивали русско-турецкий Бухарестский мирный договор 1812 г. немецкие, австрийские и другие зарубежные историки XIX – первой половины XX в.: Ш. Быстржезовский, Х. Сор, Б. Куниберт, Г. Варди, И. Бакер, Б. Калай, С. Гопчевич и др. Например, Ш. Быстржезовский писал, что политики России накануне русско-турецкой войны 1806–1812 гг. переманили на свою сторону сербских повстанцев, затем спровоцировали среди них внутренний конфликт, а при заключении Буха-

рестского мира бросили их на произвол турок. При этом, утверждал он, в Петербурге были уверены, что слабая и мстительная Порта непременно доведет сербов до отчаяния, и они будут вынуждены вновь обратиться к России с просьбой о защите [2]. Г. Варди считал, что Россия при заключении мира с Турцией в 1812 г. была вынуждена идти на уступки, но ценой их оказалась Сербия [3]. И. Бакер в книге "Турция в Европе" оценивал политику России с таких же позиций. Возбудив в сербах надежду на щедрую помощь, полагал он, правительство России при заключении Бухарестского мира оставило их на произвол мстительных турок [4]. С. Гопчевич в 1916 г. также бездоказательно настаивал на том, что петербургский двор при заключении Бухарестского мира, не стесняясь, пожертвовал Сербией [5] (подробный анализ зарубежной историографии по теме см.: [6]).

Охарактеризованный выше в общих чертах стереотип оценок политики России при заключении Бухарестского мира 1812 г., который в XIX – начале XX в. прочно укоренился в трудах западноевропейских историков, со второй половины XIX в. начинает проследиваться и в зарождавшейся сербской историографии. Например, Л. Арсениевич-Баталака в 1860-х годах писал, что участники сербского восстания 1804–1813 гг., соглашаясь принять помощь единой и единоплеменной России, еще не понимали того, что в политике не существует понятий "единоплеменства" и "единоверства". Эта черта политики великих держав, по его мнению, отчетливо проявилась при подписании Россией Бухарестского договора. Правительство России, заключая выгодный для себя мир, пренебрегло всеми письменными и устными договорами с сербскими повстанцами и тем самым обрекло их на страдания, которые стали для сербского народа "горше чем Косово поле" [7].

С документами из российских архивов по истории сербского восстания 1804–1813 гг. сербские ученые В. Богишич, М. Вукичевич и Ст. Новакович имели возможность познакомиться только в конце XIX – начале XX в. [8]. Видный сербский политический деятель и историк второй половины XIX – начала XX в. Новакович, находясь под впечатлением от знакомства с документами из российских архивов, одним из первых в сербской историографии сделал выводы, которые не всегда совпадали со стереотипом оценок, который до того господствовал в западноевропейской и сербской историографии. В своем политико-историческом труде "Возрождение сербской государственности", опубликованном в 1904 г. к 100-летию начала сербского восстания 1804–1813 гг., Новакович, с одной стороны, отмечал, что сербские повстанцы, несомненно, были крайне недовольны постановлениями ст. VIII Бухарестского договора 1812 г., которые возвращали Сербию в состав Османской империи, а самих участников восстания оставляли на милость турок-победителей, чего сербы боялись пуще огня. Для того времени, т.е. для периода 1812–1813 гг., такая оценка ст. VIII с позиции сербских повстанцев, по мнению Новаковича, была вполне оправданной и, следовательно, справедливой. Но, с другой стороны, Новакович справедливо обращал внимание и на то, что "международный Бухарестский договор явился тем средством, благодаря которому, действительно, были спасены все достижения Первого восстания..., кроме некоторых городов Сербии". Без Бухарестского договора не могло быть и Второго сербского восстания в 1815 г. Более того, в ст. VIII Бухарестского договора 1812 г. заключался, по словам Новаковича, "зародыш возрождения сербского государства в XIX веке" [9].

Другой известный сербский историк второй половины XIX – начала XX в., М. Гаврилович, также признавал важность постановлений ст. VIII, зафиксированных в акте международного договора. Но, в отличие от Новаковича, он считал, что реализация этих постановлений зависела от договоренности сербских повстанцев с Портой, от действенной помощи России, от мудрости правителей Сербии и ряда других условий соответствующего периода. В этой связи Гаврилович пояснял, что после заключения Бухарестского мира сербские повстанцы хотели видеть в русско-турецком договоре не столько акт международного значения, а то, насколько он отражал требования народа в восставшей Сербии. "На самом же деле, – писал Гаврилович, –

Бухарестский договор отверг то положение вещей, которое было достигнуто в ходе восстания". В период переговоров и заключения Бухарестского мира сербы, по убеждению Гавриловича, уже считали себя фактически независимыми от Порты, и, таким образом, включение их в состав Османской империи означало не что иное, как сдачу на милость победителей, на что повстанцы и их верховный вождь Карагеоргий, естественно, не могли согласиться [10].

Говоря об источниковой базе, находившейся в распоряжении сербской и югославской историографии второй половины XIX – первой половины XX в., следует учитывать ее узость, односторонность и, следовательно, недостаточность. Основными источниками в тот период были мемуары участников восстания 1804–1813 гг., выписки из австрийских и, – в меньшей степени – из французских архивов. С материалами из российских архивов, как это отмечалось выше, имели возможность в большей или меньшей степени ознакомиться только В. Богишич, М. Вукичевич и Ст. Новакович.

В результате явно недостаточного привлечения документов из российских архивов в сербской и югославской историографии во второй половине XX в. укоренился устойчивый стереотип оценок Бухарестского договора 1812 г. и его ст. VIII в частности, основные положения которого сводятся к следующему. В процессе русско-турецких переговоров о заключении мира, которые велись в Джурджу и Бухаресте в 1811–1812 гг., правительство России и главное командование Дунайской армии никогда не советовались с сербами и не информировали их о результатах договоренности с турками по сербскому вопросу. Узнав о содержании ст. VIII от турок, сербы были поражены непоследовательностью петербургского двора, который в начале переговоров обещал сербам добиться для них полной независимости от Порты, а затем, молчаливо отодвинув сербский вопрос на задний план, даже не предусмотрел для них ни гарантий выполнения Портой ст. VIII, ни механизма примирения сербских повстанцев с турками и т.д. [11; 12; 13. С. 622–641]. По убеждению некоторых современных югославских историков, имевших возможность лучше познакомиться с документами из российских архивов, петербургский кабинет под угрозой нападения французов на Россию был вынужден не только снять вопрос о предоставлении сербам полной независимости, но и согласился на возвращение Сербии к положению, в котором она находилась до начала восстания, т.е. к ситуации 1803 г. "Статья VIII Бухарестского договора о мире, – писал П. Милосавлевич, – подтвердила это формально" [13. С. 638].

Российские историки XIX – начала XX в., исследовавшие проблему русско-турецкой войны 1806–1812 гг. [14–16; 17. С. 450–451] и историю Отечественной войны 1812 г. [18; 19], в основном сосредоточивали внимание на выяснении характера этих войн и важности отдельных военных операций. Дипломатический аспект решения сербского вопроса на переговорах в Джурджу и Бухаресте ими, как правило, освещался фрагментарно, а в оценках ст. VIII, чаще всего, выдвигались на первый план выгодные для сербов ее условия.

Недостаточная изученность данной проблемы в мировой научной литературе объясняется не только тенденциозностью зарубежной историографии, но и в значительной мере недостаточностью документов из российских архивов, большая часть которых оставалась малоизвестной или неизвестной вообще до середины XX в. До этого времени издавались либо единичные первоисточники, либо небольшие подборки документов [20; 21]. Систематическая и целенаправленная публикация документов и материалов по истории внешней политики России XIX – начала XX в., русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и особенно по истории Первого сербского восстания 1804–1813 гг. стала осуществляться в период 40–80-х годов XX в. [22–25].

Примание во внимание отсутствие специальных исследований по данной проблеме, а также разноречивость оценок и большой разброс мнений в отечественной и сербской историографии при освещении решения сербского вопроса на русско-турецких переговорах в Джурджу и Бухаресте в 1811–1812 гг., мною была предпринята

попытка выявить и систематизировать факты из опубликованных и доступных архивных источников, которые позволили бы восстановить весь переговорный процесс и ситуацию, в условиях которой пришлось принимать окончательное решение по весьма деликатному и болезненному вопросу о сербах.

Заинтересованность в окончании русско-турецкой войны 1806–1812 гг. у правительства России и Турции начинает проследиваться еще с 1808 г. При назначении на должность главнокомандующего Дунайской армией Н.М. Каменского ему 7 (19) февраля 1810 г. были даны "полная мочь" на право ведения переговоров с верховным визирем об условиях заключения мира с Турцией и проект мирного договора, состоявший из 15 статей. В ст. VII проекта было сформулировано требование петербургского двора, касавшееся Сербии. В инструкции министра иностранных дел России Н.П. Румянцева по поводу этой статьи были даны следующие пояснения: "Хотя нельзя сказать того, что поведение управляющих в Сербии властей в отношении России заслуживало бы во всех случаях наше одобрение, но е.и.в-во, особливо уважая сербскую нацию вообще, желает потому на прочном основании утвердить ее благоденствие. Вследствие сего постановление, наиболее е.в-ву угодное, было бы то, чтобы Сербия оставалась совсем от Порты независимою и основала бы политическое свое существование и образ внутреннего у себя управления единственно под покровительством России". "Точная и непременная" воля царя, по словам Румянцева, заключалась в том, "чтобы при заключении мира с Портою доставить земле сей все наивозможные выгоды". Однако в Петербурге понимали, что достижение этой цели будет сопряжено с большими препятствиями. Поэтому при решении сербского вопроса на предполагавшихся переговорах на Каменского не возлагалось "точных обязательств". Если мирные переговоры с Портой состоятся и турецкие уполномоченные откажутся признать независимость Сербии, то Каменский должен ограничиться требованиями, которых сербы добивались ранее. А именно: "Сами сербы, – писал Румянцев, – соглашались оставаться данниками Порты, лишь бы затем держава сия (Турция. – В.Г.) не мешалась отнюдь ни во что во внутреннее у них управление..." Каменский же, согласно инструкции, должен был добиваться, чтобы сербы платили Порте "сколь можно умеренную дань". С учетом этих соображений и была составлена ст. VII проекта договора, полный текст которой формулировался следующим образом:

"Блистательная Оттоманская Порта по уважению к тому участию, каковое е.и.в-во самодержец всероссийский по единоверию с сербами приемлет в жребии их и в благоденствии, соглашается дозволить им учредить внутреннее у себя правление по собственному сего народа желанию и независимо ни от какой сторонней власти; позволяет также им оставаться во владении всех земель и крепостей, которыми владели они до начатия настоящей войны, не принуждая никого из жителей, ныне земли те и крепости населяющих, какой бы то нации они ни были и под каким бы то предлогом ни было, переменять место их пребывания, но оставя всякого в настоящем его жилище спокойно. Сербия же, со своей стороны, в признательность за все ей доставленные выгоды Блистательною Портою, имеет платить ей ежегодно дань, единожды навсегда положенную и определенную без всякой перемены. Дань таковую для внесения в казну Блистательной Порты Сербия будет доставлять в Константинополь со своими депутатами и потому для взымания оной не будут уже никогда поселяться в Сербию ни сборщики, ни же какие-либо другие военные или гражданские турецкие чиновники. В вящее же доказательство искренней дружбы своей к е.и.в-ву самодержцу всероссийскому Блистательная Порта Оттоманская принимает е.и.в-ва ручательство в верном и точном исполнении с обеих сторон всего, сею статьею относительно Сербии постановленного" [24. Т. V. С. 361–367. Н.П. Румянцев – Н.М. Каменскому, 7 (19) февраля 1810 г. Проект мирного трактата с Портой (Приложение к инструкции)].

При назначении М.И. Кутузова главнокомандующим Дунайской армией он также был снабжен полномочиями на право ведения переговоров и заключения мира с Турцией [26. Д. 1958. Л. 7–8. Александр I – М.И. Кутузову, 12 (24) апреля 1811 г.].

В инструкции Кутузову от 12 (24) апреля 1811 г. Румянцев писал, что царь "дает ему право на заключение мира на тех самых правилах, о коих писано к графу Каменскому 2-му" [26. Д. 1958. Л. 2–3. Н.П. Румянцев – М.И. Кутузову, 12 (24) апреля 1811 г.]. Получив полномочия и инструкцию по ведению мирных переговоров с Турцией, Кутузов 7 (19) мая отправил в Шумлу И.П. Фонтону с письмом, в котором предлагал новому верховному визирю Ахмед-паше прислать в Бухарест своих уполномоченных для ведения переговоров об условиях заключения мирного договора.

25 мая (6 июня) 1811 г. три турецких представителя прибыли в Бухарест и вступили в переговоры с А.Я. Италинским. Поняв, что российская сторона не намерена идти на уступки, рейс-эфенди 8 (20) июня предписал своим уполномоченным прекратить переговоры и передать Кутузову, что Порты, хоть и желает мира, но сможет заключить его только при неременном условии безусловной целостности ее европейских и азиатских владений.

После этого заявления военные операции на дунайском фронте возобновились, и турецкие войска в августе 1811 г. потерпели ряд поражений под Видином, Силистрией и Рушукюм. 19 сентября (2 октября) 1811 г. Ахмед-паша прислал к Кутузову парламентаря "со словестным и доверительным объяснением" по поводу возобновления переговоров о мире на условиях *status quo ante bellum*¹. В связи с этим петербургский двор выдвинул четыре "главнейших" условия, от выполнения которых Портой зависело согласие российской стороны возобновить переговоры. Третье из "главнейших" условий касалось непосредственно сербов. Оно гласило: "Обеспечить жителей Сербии сколь можно согласно с желанием сербской нации". Н.П. Румянцев писал по этому поводу М.И. Кутузову: "Когда турецкие министры согласятся на сии четыре главнейшие статьи, то все прочие пункты мирного трактата е.и.в-во предоставляет Вам постановить по наилучшему Вашему... усмотрению и немедленно подписать окончательный мир, не теряя времени" [24. Т. VI. С. 181–182. Н.П. Румянцев – М.И. Кутузову, 30 сентября (12 октября) 1811 г.].

13 (25) октября 1811 г. турецкие уполномоченные прибыли в Джурджу, где тогда была ставка М.И. Кутузова. Несмотря на отсутствие у турецких представителей полномочий султана на ведение мирных переговоров, Кутузов все же согласился к ним приступить. Перед началом первой официальной конференции (заседания) Кутузов предупредил Румянцева, что, судя по предварительным разговорам с прибывшими турками, наибольшее затруднение возникнет при постановлении двух главнейших статей: о размерах денежной контрибуции, которую должна уплатить Порты, и о Белградской крепости, которую российские уполномоченные предполагают сохранить за сербами. Турецкие же уполномоченные, писал Кутузов, упрямо твердят: "Ежели оставить (Белградскую. – В.Г.) крепость в руках сих мужиков и пьяниц (т.е. сербов. – В.Г.), то отвечать нельзя, чтобы вскоре Белград не был продан ими за 1 тысячу червонных. Между тем как Белград есть ключ позиции Порты со стороны Баната" [17. С. 347].

Учитывая непримиримость турецких уполномоченных по поводу статьи о сербах, Кутузов писал в Петербург: "Вторая статья, подверженная неременному затруднению, есть сохранение за сербами Белградской крепости: сия статья, на которую Порты никогда не согласится, да и, действительно, не может она оставить ключ своих владений в руках у народа, ей недоброжелательного, и который по невежеству своему или корыстолюбию может при первой остуде Порты с Австриею впустить в столь важную крепость австрийские войска. Впрочем, теперь, когда мы не требуем более Валахии, не вижу я какой бы сие могло для нас быть пользы, а то потому и положил я вовсе о Белграде не упоминать, уверен будучи, что и турки о сем упоминать не будут" [24. Т. VI. С. 208–212. М.И. Кутузов – Н.П. Румянцеву, 15 (27) октября 1811 г.]. Развивая эту мысль, Кутузов за день до начала первой конференции писал военному министру М.Б. Барклаю-де-Толли: "Трудно будет удостоверять турков, что, оставя

¹ Положение, существовавшее до войны (лат.).

крепости в руках сербов, возможно будет их почитать своими подданными. Сербы, один раз будучи отделены от нас Большою и Малою Валахиєю, конечно, будут искать покровительство австрийского дома... Чтобы, впрочем, удержать для сербов привилегии, как-то: собственное их правление, право доставления установленной подати через своих депутатов в Константинополь и неимения никаких турецких представителей, возможно будет назначить и постановить одну военную дорогу для прохода гарнизонов турецких, на что и турки согласятся" [23. С. 672–673. М.И. Кутузов – М.Б. Барклаю-де-Толли, 18 (30) октября 1811 г.].

Из Петербурга по этому поводу отвечали: "По представленным от Вашего высокопревосходительства весьма основательным причинам о трудности сохранить за сербами Белград и о маловажности от того для нас пользе е.в-во соизволяет, чтобы в том не упорствовать, но выговорить по крайней мере, чтобы кроме Белграда турецкие войска не занимали других крепостей в Сербии, чтобы внутреннее в оной земле управление установлено было по собственному произволу нации и обеспечено ручательством России" [24. Т. VI. С. 215–216. Н.П. Румянцев – М.И. Кутузову, 26 (7 ноября) 1811 г.].

Открытие первой конференции мирного конгресса состоялось в Джурджу 19 (31) октября 1811 г. На ней обсуждались статьи о границах и о привилегиях для Валахии. Вопрос о Сербии не затрагивался [23. С. 684–685. М.И. Кутузов – Н.П. Румянцеву, 29 октября (10 ноября) 1811 г.; С. 762. Примечание № 2]. Вскоре выяснилось, что верховный визирь Ахмед-паша предложил приступить к мирным переговорам для того, чтобы собрать новые войска и, подтянув их к Русцуку, начать новое наступление. Несмотря на это, Кутузов принял решение продолжать переговоры, не ставя на обсуждение каких бы то ни было вопросов о сербах, поскольку хорошо понимал "невозможность одержать все требуемые для них выгоды". "Отступая от оных (от сербов. – В.Г.) теперь, – писал Кутузов, – могли бы в случае разрыва (переговоров. – В.Г.) повредить влиянию нашему в том краю; турки, бесспорно, тогда бы воспользовались согласием нашим на уступку им Белграда, дабы представить сие легковерным сербам в доказательство, сколь мало мы о их благосостоянии печемся и что мы жертвуем ими собственным нашим выгодам" [24. Т. VI. С. 237–239. М.И. Кутузов – Н.П. Румянцеву, 10 (22) ноября 1811 г.]. Придерживаясь этого принципа, российские уполномоченные на всех одиннадцати конференциях, проходивших в Джурджу с 19 октября (1 ноября) по 7 (19) ноября 1811 г., вопросы о Сербии не обсуждали вообще (о повестке дня одиннадцати конференций см. [17. С. 346–351]).

На двенадцатой конференции, состоявшейся 17 (29) ноября, первый уполномоченный с турецкой стороны Галиб-эфенди объявил, что султан дезавуирует прежнее соглашение признать границу по реке Серет. В частной же беседе с А.Я. Италинским, состоявшейся 18 (30) ноября, Галиб-эфенди сообщил, что султан согласен предоставить сербам права и привилегии, которыми пользуются все подданные Османской империи. Однако султан категорически возражает против включения в текст мирного договора между Россией и Турцией не только особой статьи о сербах, но и любых постановлений о них, которые могли бы поставить под сомнение суверенитет его империи. В ответ на это Италинский решительно заявил, что если султан и Порта не признают законных прав сербов, то те – согласно протокольной записи беседы – "будут вынуждены обратиться за помощью к какой-либо иностранной державе в надежде улучшить свое положение" [24. Т. VI. С. 244–245. Приложение "Д" к депеше М.И. Кутузова – Н.П. Румянцеву от 28 ноября 1811 г.].

На тринадцатой конференции, состоявшейся 21 ноября (3 декабря) 1811 г., был подписан протокол о прекращении переговоров. 22 ноября (4 декабря) Александр I дал указание Кутузову возобновить военные действия, которые, как полагал царь, принудят турок сделать новый шаг к сближению. Если турки будут настаивать на возобновлении переговоров о мире, то российские уполномоченные, согласно указаниям Александра I, должны будут руководствоваться следующими условиями: "1) чтобы река Серет была принята границею, так как о том было уже согласо-

вано; 2) что о Сербии сделано будет постановление, обеспечивающее спокойное и безмятежное существование сей нации; 3) относительно границ в Азии, о чем е. в-во подтверждает все то, что по сей статье сообщил я в сият-ву... 12 числа сего месяца" [24. Т. VI. С. 242–243. Н.П. Румянцев – М.И. Кутузову, 22 ноября (4 декабря) 1811 г.].

Между тем, окруженная в начале октября 1811 г. турецкая армия под Руцкуком, страдая от наступивших холодов, болезней и голода, несла огромные потери. В конце ноября из 36 тыс. человек в ней оставалось не более 12 тыс., из 8 тыс. лошадей – 60 голов [23. С. 719. М.И. Кутузов – П.И. Багратиону, 29 ноября (11 декабря) 1811 г.]. 25 ноября (7 декабря) верховный визирь был вынужден подписать соглашение о передаче остатков своей армии "на сохранение" российской стороне, что означало добровольную сдачу в плен [17. С. 357].

В конце ноября – начале декабря 1811 г. ставка Кутузова переместилась из Джурджу в Бухарест, куда переехали и все российские уполномоченные, назначенные для ведения переговоров с турками о мире [23. С. 709. М.И. Кутузов – М.Б. Барклаю-де-Толли, 26 ноября (8 декабря) 1811 г.].

Таким образом, следующая, четырнадцатая, конференция состоялась уже в Бухаресте 31 декабря 1811 г. (12 января 1812 г.). Несмотря на капитуляцию своей армии, турецкие уполномоченные объявили, что султан по-прежнему отказывается утвердить статьи о границах в Европе и Азии, а также включить в договор статью о Сербии. Российские уполномоченные, со своей стороны, объявили о решительном отказе царя признавать иную границу, кроме как по Серету, и настаивали на включении в мирный договор статьи о сербах, которая гарантировала бы им безопасность, свободу и право выбора ими самими формы внутреннего управления. А.Я. Италинский официально объявил, что если турецкие уполномоченные откажутся признать эти три главнейшие требования российской стороны, то переговоры вновь будут прекращены, а Кутузов возобновит военные действия и двинет свое войско вглубь Румелии, которая после капитуляции турецкой армии осталась без надежной защиты [23. С. 764–780. М.И. Кутузов – Н.П. Румянцеву, 3 (15) января 1812 г.; 24. Д. 1982. Л. 34–44. Протокол четырнадцатой конференции]. Галиб-эфенди просил воздержаться от столь решительных действий до получения инструкций из Стамбула. Понимая, что Галиб-эфенди пытается выиграть время, Кутузов 30 декабря 1811 г. (11 января 1812 г.) отдал приказ о возобновлении военных действий, но согласился на пребывание турецких уполномоченных в Бухаресте [23. С. 762. М.И. Кутузов – А.П. Зассу, 31 декабря 1811 (12 января 1812 г.); 27. Ф. 14209. Оп. 3/163⁶. Св. 17. Д. 14. Ч. 2. Л. 1. Циркулярное письмо М.И. Кутузова по армии от 2 (14) января]. По указанию Кутузова, российский дипломатический представитель в Сербии Ф.И. Недоба в начале января 1812 г. известил Карагеоргия и Правительствующий Совет Сербский о возобновлении военных действий с турками [25. С. 244. Ф.И. Недоба – А.П. Зассу, 9 (21) января 1812 г.].

В начале января 1812 г. в ставку Кутузова была послана сербская депутация в составе Я. Ненадовича, С. Марковича и М. Груйовича. По прибытии в Бухарест депутаты объявили, что цель их поездки, как писал Кутузов, "состоит единственно в том, чтобы повергнуть и себя и весь народ сербский к ...стопам е. и. в-ва и просить продолжения к оному высочайшего покровительства государя императора". Получив от Кутузова разрешение на поездку в Петербург, подорожные документы и деньги, сербские депутаты в сопровождении подпоручика российской армии Радича 12 (24) января выехали из Бухареста. В столицу России депутаты прибыли 4 (16) февраля, а 8 (20) февраля были приняты министром иностранных дел Н.П. Румянцевым.

Пока сербская депутация добиралась до Петербурга, английский и шведский послы в Турции, Каннинг и Гамель, пытались внушить Порте мысль о выгоде для нее скорейшего заключения мира с Россией. Однако вопреки их демаршам султан категорически запретил своим уполномоченным, которые еще продолжали оставаться в Бухаресте, соглашаться на уступки в Азии и обсуждать статьи о Валахии и Сербии. Его

инструкция об этом была доставлена верховному визирю 4 (16) марта, а Кутузов был ознакомлен с ней через день. Эти условия, естественно, не удовлетворили Кутузова, и переговоры не были возобновлены [23. С. 834–835. М.И. Кутузов – Н.П. Румянцеву, 6 (18) марта 1812 г.; 17. С. 363, 371–374].

По получении донесений от Кутузова и известий из Константинополя от английского и шведского послов о нежелании Порты идти на уступки в Петербурге поняли, что политика угроз и лестных обещаний не может дать желаемых результатов. Тогда Александр I 22 марта (3 апреля) 1812 г. отправил Кутузову собственноручное секретное послание, в котором писал: "Обстоятельства час от часу становятся важнее для обеих империй. Величайшую услугу Вы окажете России поспешным заключением мира с Портою. Убедительнейше Вас взываю любовью к своему отечеству обратить все Ваше внимание и усилия к достижению сей цели. Слава Вам будет вечная. Всякая потеря времени в настоящих обстоятельствах есть совершенное зло. Отстраните все побочные занятия и с тем проницанием, каковым Вы одарены, примитесь сами за сию столь важную работу. Для единственного Вашего сведения сообщаю Вам, что если бы невозможно было склонить турецких полномочных подписать трактат по нашему желанию, то убедясь наперед верным образом, что податливость с Вашей стороны доставит заключение мира, можете Вы сделать необходимую уступку в статье о границе Азии: в самой же крайности дозволяю Вам заключить мир, полагая Прут по впадению оного в Дунай границую. Но сие вверю я личной Вашей ответственности и требую необходимо, чтобы ни одно лицо без изъятия не было известно о сем моем дозволении до самого часу подписи (договора. – *В.Г.*). На сию однако же столь важную уступку не иначе повелеваю Вам согласиться, как постановя союзный трактат с Портою. Я надеюсь, что Вы вникните во всю важность сего предмета и не упустите из виду ничего нужного к достижению желаемой цели" [21. С. 27–28; 23. С. 850–851. Александр I – М.И. Кутузову, 22 марта (3 апреля) 1812 г.].

Обострение международной обстановки в Европе и угроза наполеоновского вторжения в Россию вынуждали петербургский двор идти на уступки и по другим статьям русско-турецкого договора. Тогда же Александр I сообщил Кутузову, что он не будет возражать, если султан сам "начертает постановление" о сербах. Однако царь продолжал настаивать, чтобы статья о сербах непременно была включена в договор, а в ней присутствовал пункт о предоставлении Сербии "свободного внутреннего управления". В инструкции от 22 марта (3 апреля) 1812 г. Румянцев сделал следующие пояснения по этому поводу: "Относительно Сербии обеспечить спокойное существование сей нации обещанием со стороны Порты, что она не будет вмешиваться во внутреннее в оной земле управление, но предоставит то на волю и произвол жителей. Государь император не оспаривает султану ни право взывать по-прежнему дань с Сербии, ни других преимуществ, которые могут служить к ознаменованию владычества его над сею землею, а вящее доказательство искреннего своего расположения и по сей статье его же султанову величеству предоставляет начертать в свое время, как он за благо признает, постановление между двумя дворами о сей нации, довольствуясь, чтобы в мирном трактате одно то в пользу ее было выговорено, что во внутреннем у себя управлении будет она совершенно свободна" [24. Т. VI. С. 737–738. Примечание 362. Н.П. Румянцев – М.И. Кутузову, 22 марта (3 апреля) 1812 г.]. Есть основание полагать, что основные положения статьи о сербах были согласованы и с сербскими депутатами, которые к этому времени уже были приняты Александром I, императрицей Елизаветой Алексеевной и другими членами императорской фамилии, а также некоторыми министрами и членами Государственного Совета. Подписанное Я. Ненадовичем, С. Марковичем и М. Груйовичем прошение сербского народа депутаты вручили Н.П. Румянцеву 5 (17) марта 1812 г. [25. С. 245–247. Сербские депутаты – Н.П. Румянцеву, 5 (17) марта 1812 г.].

По получении новых инструкций, М.И. Кутузов 3 (15) апреля сообщил турецким уполномоченным "ультимативные условия" по поводу главнейших статей, которые будут обсуждаться на очередной конференции: "Река Серет является... границей двух

империй в Европе; спокойное существование сербов будет гарантировано обещанием со стороны Порты, что она не будет вмешиваться во внутреннее управление этой нации, а предоставит это ей самой". Тогда же Кутузов намекнул Галиб-эфенди, что российский император не намерен оспаривать у султана его право на суверенитет в отношении Сербии и получение с сербов подати. "Чтобы дать наиболее убедительное доказательство в искренности его (царя. – В.Г.) намерений по этому поводу, – сказал Кутузов Галиб-эфенди, – е. и. в-во предоставляет великому государю установить в свое время порядок отношений между обоими дворами касательно этой нации и довольствуется лишь тем, чтобы в трактате было упомянуто в пользу сербов, что они будут совершенно независимы в своем внутреннем управлении". Галиб-эфенди отвечал на это: "В отношении Сербии Порты Оттоманская соглашается включить в трактат статью, содержащую только помилование и общую амнистию сербам, а также обеспечение их безопасности и спокойствия" [23. С. 377. Протокол неофициальной беседы М.И. Кутузова с Галиб-эфенди, 4 (16) апреля 1812 г.]. Однако Галиб-эфенди не был уверен в том, что султан согласится на эту уступку и разрешит включить в договор отдельную статью о Сербии даже в такой редакции. Поэтому он в очередной раз запросил инструкции у верховного визиря и Порты (т.е. правительства) по поводу статьи о сербах и других спорных статей.

Становилось очевидным, что турецкая сторона сознательно затягивает переговоры в ожидании того, чем разрешатся обострившиеся до предела русско-французские отношения. В Петербурге же считали, что Кутузов недостаточно энергично ведет дело в нужном направлении. Царь уже не скрывал своего раздражения в отношении нелюбимого им военачальника и неторопливого дипломата екатерининской эпохи. В надежде ускорить переговорный процесс о заключении мирного и союзного договора с Турцией, а заодно приступить и к реализации плана адриатической экспедиции, предусматривавшего диверсию в тыл французской армии, Александр I принял решение заменить Кутузова своим любимцем, адмиралом П.В. Чичаговым, который был одним из авторов проекта названной морской экспедиции (О плане адриатической экспедиции см.: [28]).

В апреле 1812 г. усилили давление на Порту французские и австрийские дипломаты. Латур-Мобург передал султану предложение Наполеона заключить союзный договор с Турцией, по которому Франция обязывалась возвратить Порте все владения, которые были завоеваны Россией у Турции в течение последних шестидесяти лет, и гарантировать целостность Османской империи. Австрийский интернунций (посол) И. Штюрмер, со своей стороны, убеждал Порту в том, что венский двор также готов подписать обязательство сохранять в неприкосновенности ее владения. Если же Порты заключит мир с Россией и уступит ей часть своих владений, то Австрия и Франция такого договора не признают [26. Д. 1922. Л. 207–211. И.П. Фонтон – М.И. Кутузову, апрель (б/ч) 1812 г.; 23. С. 890–891. М.И. Кутузов – Н.П. Румянцеву, 3 (15) мая 1812 г. Примечание № 1]. Вялые демарши английского посла в Турции Каннинга, пытавшегося убедить Порту отказаться от "обольстительных" предложений Наполеона, не имели успеха. Не на много убедительнее были доводы и шведского посланника Гамеля, который пытался доказать турецким чиновникам, что в случае поражения России в войне с Наполеоном будет поработана и вся Европа. Чтобы спасти северные и южные окраины Европейского континента, Турции было бы выгоднее объединиться с Россией. Трудно сказать, к каким советам больше прислушивался молодой султан Махмуд II, однако в середине апреля 1812 г. он отправил в Бухарест инструкцию турецким уполномоченным с предписанием возобновить переговоры об условиях заключения мира с Россией [23. С. 285–286. М.И. Кутузов – Александру I, 29 апреля (11 мая) 1812 г.; 17. С. 374–375].

Еще до начала очередной конференции Галиб-эфенди в частной беседе с Кутузовым заявил, что российский вариант статьи о сербах не позволяет султану принимать самостоятельные решения без согласия российского монарха. Поэтому, с точки зрения турецких уполномоченных, писал Кутузов, "это требование наше само собою

опровергает право владычества, которое мы представить султану желаем" [23. С. 371–377. М.И. Кутузов – Н.П. Румянцеву, 19 апреля (1 мая) 1812 г.].

По получении официального предложения от верховного визиря возобновить и довести до конца переговоры о заключении мира, Кутузов 18 (30) апреля подписал инструкцию российским уполномоченным, в основу которой были положены "ультимативные требования" Александра I от 22 марта 1812 г. Первая статья инструкции Кутузова касалась непосредственно Сербии. При ее составлении главнокомандующий попытался увязать между собой требование Александра I и приведенное нами замечание Галиб-эфенди. В новой редакции статьи о Сербии Кутузов соглашался, чтобы Порта сама, без посредства России, обеспечила и гарантировала "мирное и спокойное существование сербов и предоставление им возможности самим устанавливать систему гражданского и внутреннего управления в своей стране и самим осуществлять управление; при этом суверенные права султана ни в какой мере не должны быть ущемлены или умалены" [25. С. 251–252. Инструкция М.И. Кутузова уполномоченным на переговорах от 18 (30) апреля 1812 г.].

На пятнадцатой конференции Бухарестского конгресса, которая открылась 19 апреля (1 мая) 1812 г., Галиб-эфенди, вопреки прежней договоренности, объявил, что султан не согласен на уступки своих владений в Азии и Европе, а для сербов может обещать только прощение и забвение их прошлых деяний. Кутузов написал царю по этому поводу: "Порта не имеет искреннего желания к миру", и поэтому он, Кутузов, был вынужден объявить Галиб-эфенди, что "все, мною при откровенных разговорах сказанное, было предано забвению и *com pop avenu*"² [23. С. 880–882. М.И. Кутузов – Александру I, 20 апреля (2 мая) 1812 г.]. На шестнадцатой конференции российские уполномоченные 20 апреля (2 мая) 1812 г. поставили условие: если турецкая сторона откажется решать вопросы о границах, то обсуждение других статей становится бессмысленным. После этого переговоры были прерваны до получения инструкций из Стамбула [23. С. 887. М.И. Кутузов – Н.П. Румянцеву, 29 апреля (11 мая) 1812 г.].

В расчете оказать давление на ход переговоров в Бухаресте и добиться новых уступок со стороны России, верховный визирь Ахмед-паша 23 апреля (5 мая) отправил Карагеоргию письмо, в котором говорилось, что по приказу султана пашам Румелии и Боснии разосланы распоряжения готовить войска к походу на Сербию. "Когда разгорится брань, – писал Ахмед-паша, – знаю я, да и вы знаете, что бедный народ попропан будет ногами, будет разорен и пленен, и с обеих сторон много крови прольется. Того ради предупреждаю вас, ибо у нас в обыкновении извещать наперед о том, что быть имеет. Вы знаете, что все сербы и весь народ, находящийся там, все были царские (султановы. – *В.Г.*) подданные, да и теперь, если хотите быть подданными, я могу упросить царя, чтобы простил всю страну вашу, и что было доселе да предается забвению, как относительно народа, так и всех старейшин, и чтобы любил вас и более нежели прежде. Сие есть в моей руке, и я могу то сделать. К тому извещаю вас, что ежели имеете намерение просить, искать или связать что-либо (договориться о чем-либо. – *В.Г.*) с царем нашим, я и то могу окончить и утвердить, и связать дело с царем нашим, так как вы желаете и в уме имеете, ибо я есмь царский главнокомандующий, сераскир, и все то, что скажу, царь не развяжет. К тому, однако же, должен ты ведать, что никто другой не должен вмешиваться, но токмо я, и ты, и наш царь да ведаемо; и если сему что-либо подобное думаешь связать, то ты по получении сего моего письма пошли ко мне верного и разумного человека и скажи ему, что мысль твою мне изъявил, потом я его отправлю к вам. Особенно пусть идет сюда тот, кого назначишь, чтобы никакого сомнения не имел" [27. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 12. Л. 53–54. Хуршид Ахмед-паша – Карагеоргию, 23 апреля (5 мая) 1812 г.].

Между тем в начале мая стало очевидно, что международная ситуация в Европе стала крайне неблагоприятной для России. М.И. Кутузов лучше других понимал это и, по его собственному признанию, был вынужден пойти "на самую крайность". После

² Как не имевшее место (лат.).

некоторых колебаний он, наконец, решил воспользоваться тайным разрешением Александра I установить границу с Турцией по реке Прут и сделать уступки по другим статьям. В проекте статей, приложенных к новой инструкции Кутузова российским уполномоченным от 3 (15) мая, указывалось: "К статье, относящейся к сербам, предложенной раньше Высокой Портой, будет добавлено, что, по настоятельной просьбе того народа, ему будет даровано устройство применительно к жителям (Ионических. – В.Г.) островов и некоторых других областей; как в смысле внутреннего управления, так и в отношении и порядка взимания податей" [23. С. 392–393. Приложения к инструкции М.И. Кутузова уполномоченным от 3 (15) мая 1812 г.]. 4 (16) мая на совещании российских и турецких уполномоченных состоялось обсуждение статей, которые должны были быть предложены на очередной, семнадцатой, конференции, а 5 (17) мая был составлен текст проекта мирного договора, состоявший из шести прелиминарных статей. "Вышеупомянутые шесть параграфов, – говорилось в протоколе совещания, – должны в дальнейшем быть утверждены, отредактированы и включены в трактат, дабы при божьей помощи установить полный мир и дружбу". Ст. IV проекта о сербах гласила: "Хотя нет сомнений, что Блистательная Порта, следуя своим принципам, проявит милосердие и великодушие по отношению к сербскому народу, который издавна подвластен этой державе и платит ей дань, но учитывая то участие, которое сербы принимали во время этой войны в боевых действиях, было признано необходимым вполне определенно обусловить их безопасность. В силу этого Блистательная Порта дарует сербам прощение и всеобщую амнистию, и они не будут подвергнуты каким-либо репрессиям за их действия в прошлом. Крепости, которые они могли воздвигнуть в продолжении военных действий на землях, на которых сами проживают и которые не существовали прежде, впредь, становясь бесполезными, будут разрушены. Блистательной Порте будут возвращены во владение все прежде существовавшие крепости, паланки и другие укрепления с артиллерией, припасами и прочим военным имуществом, и она будет располагать в этих укреплениях свои гарнизоны так, как ей заблагорассудится. Однако для того, чтобы эти гарнизоны не притесняли сербов, что противоречило бы правам сербов, как ее подданных, Блистательная Порта, движимая чувством великодушия, обещается договориться с сербским народом о необходимых мерах безопасности. Она предоставляет сербам по их требованиям те же преимущества, которыми пользуются подданные островов Архипелага и других областей, и распространит на них свое высокое благоволение, предоставляя им самим самоуправление в их внутренних делах, устанавливая общую дань, собираемую от них непосредственно" [23. С. 897–899. Предварительные условия Бухарестского договора, подписанные 5 (17) мая 1812 г.].

От имени России предварительные условия мирного договора от 5 (17) мая 1812 г. подписали: А.Я. Италинский, И. Сабанеев, И. Фонтон. В тот же день они были утверждены и М.И. Кутузовым. Рапортуя царю об этом долгожданном событии, Кутузов 7 (19) мая 1812 г. писал: "Прелиминарные статьи мирного с Портой трактата... действительно, подписаны и обоюдными полномочными разменены 5-го числа сего месяца". Копию на французском языке Кутузов отправил в Петербург, а оригинал на турецком языке за подписями турецких уполномоченных был оставлен в канцелярии Дунайской армии [23. С. 896–897. М.И. Кутузов – Александру I, 7 (19) мая 1812 г.]. На семнадцатой конференции Бухарестского конгресса 8 (20) мая 1812 г. была подписана статья о прекращении военных действий между Россией и Турцией, а также статья об амнистии всем принимавшим участие в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. На восемнадцатой конференции, состоявшейся 9 (21) мая, обсуждался вопрос о сроках вывода российских войск из владений Османской империи [17. С. 380]. 11 (23) мая верховный визирь Ахмед-паша поставил свою подпись под прелиминарным договором, подписанным 5 (17) мая турецкими и российскими уполномоченными [23. С. 902. Хуршид Ахмед-паша – М.И. Кутузову, 11 (23) мая 1812 г.]. 12 (24) мая Кутузов издал приказ о передаче главного командования Дунайской

армией П.В. Чичагову, но продолжил вести переговоры до подписания окончательного текста мирного договора [23. С. 902–904. Приказ М.И. Кутузова по армии от 12 (24) мая 1812 г.; 23. С. 900. М.И. Кутузов – С.Я. Репнинскому, 8 (20) мая 1812 г.].

Церемония подписания окончательного текста договора о мире между Россией и Турцией состоялась 16 (28) мая 1812 г. на последней, девятнадцатой, конференции Бухарестского конгресса. Русско-турецкий договор о мире состоял из 16 статей. Сербский вопрос разрешался ст. VIII Бухарестского договора, которая в окончательной редакции гласила: "Сообразно тому, что постановлено статьей IV предварительных пунктов (от 5 (17) мая 1812 г. – *В.Г.*), хотя и нет никакого сомнения, что Блистательная Порты по правилам своим употребит снисхождение и великодушие против народа сербского, как издревле подданного сей державе и дань ей платящего, однако же, взирая на участие, какое сербы принимали в действиях сей войны, признано за приличное постановить нарочные условия о их безопасности. Вследствие чего Блистательная Порты дарует сербам прощение и общую амнистию, и они ни коим образом не могут быть обеспокоены за прошедшие их деяния. Крепости, какие могли они построить по случаю войны в землях, ими обитаемых, и коих там не было прежде, будут, так как оные для будущего времени бесполезны, разрушены, и Блистательная Порты вступит во владения по-прежнему всеми крепостями, паланками и другими укрепленными местами, издревле существующими, с артиллериею, военными припасами и другими предметами и военными снарядами, и она там учредит гарнизоны по своему благоусмотрению. Но дабы сии гарнизоны не делали сербам никаких препятствий в противность прав, подданным принадлежащих, то Блистательная Порты, движимая чувствами милосердия, примет на сей конец с народом сербским меры, нужные для его безопасности. Она дарует сербам по их просьбе те самые выгоды, коими пользуются подданные ее островов Архипелажских и других мест, и даст им восчувствовать действие великодушия ее, предоставив им самим управление внутренних дел их, определив меру их податей, получая оные из собственных их рук, и она учредит, наконец, все сии предметы обще с народом сербским" [24. Т. VI. С. 414].

По условиям ст. XI Бухарестского договора российские войска должны были быть выведены из Дунайских княжеств и из Азии в трехмесячный срок, считая со дня обмена ратификационными грамотами. В соответствии со ст. XV и XVI Бухарестский договор должен был быть утвержден великим визирем и Кутузовым в течение десяти дней, а царем и султаном не позднее четырех недель со дня подписания [24. Т. VI. С. 415–416]. До истечения этого срока Порты не имела права вмешиваться в управление и порядок, которые существовали на территории, занимаемой российскими войсками [24. Т. VI. С. 406–416. Русско-турецкий мирный договор от 16 (28) мая 1812 г.].

М.И. Кутузов утвердил Бухарестский договор в день его подписания уполномоченными, т.е. 16 (28) мая, Александр I ратифицировал текст договора и приложенные к нему секретные статьи 11 (23) июня, т.е. за день до вторжения наполеоновских полчищ в Россию. Возражая против включения в договор секретных статей и настаивая на изменении редакции ст. VIII о сербах, а также статьи о границах в Азии, султан Махмуд II до конца июня 1812 г. воздерживался от ратификации. Однако под угрозой расторжения Бухарестского договора он был вынужден сделать это. Обмен ратификационными грамотами был произведен в Бухаресте 2 (14) июля 1812 г.

На следующий же день, т.е. 3 (15) июля, П.В. Чичагов отправил в Белград дипломатическому представителю России в Сербии Ф.И. Недобе копию текста ст. VIII Бухарестского договора с инструкцией, в которой предписывал разъяснить сербам причины, побудившие правительство России согласиться на такие условия, и убедить Карагеоргия начать переговоры с Портой о заключении сербо-турецкой конвенции [24. С. 468–471. П.В. Чичагов – Ф.И. Недобе, 3 (15) июля 1812 г.]. Верховный вождь сербского народа, со своей стороны, также известил Чичагова о получении от верховного визиря предложения начать переговоры о заключении договора о мире между сербами и Портой. Однако Карагеоргий нашел эти предложения непри-

емлемыми, поскольку, с его точки зрения, сдача туркам крепостей и орудий не только обезоружит сербское воинство, но и обесчестит весь сербский народ [25. С. 262–263. Карагеоргий – П.В. Чичагову, 10 (22) июля 1812 г.].

В течение года Карагеоргий под разными предлогами уклонялся от заключения мира с Портой, что привело к жестокому подавлению восстания.

Рассмотренные свидетельства документов позволяют заключить, что при сложившейся к маю 1812 г. экстремальной ситуации главнокомандующий Дунайской армией М.И. Кутузов и российские уполномоченные на русско-турецких переговорах, проходивших в 1811–1812 гг. в Джурджу и Бухаресте, ценой ряда вынужденных уступок с большим трудом смогли добиться максимума возможного как для России, так и для сербских повстанцев. Только безотлагательная необходимость избежать ведения войны Россией на два фронта, и с Францией, и Турцией, заставила Александра I решиться на ратификацию невыгодного для России и сербов Бухарестского договора 1812 г. за день до нападения Наполеона на Россию. При таких чрезвычайных обстоятельствах, на мой взгляд, вряд ли было бы уместным предъявлять претензии правительству России. В данной связи обращает на себя внимание и тот факт, что в ходе переговоров российские уполномоченные испытывали наибольшие трудности именно при решении сербского вопроса, поскольку турецкая сторона категорически отказывалась от его рассмотрения, ссылаясь на то, что этот вопрос является исключительно внутренним делом Турции. На этом основании турецкие уполномоченные, следуя предписаниям из Стамбула, до последних дней отказывались включать в договор особую статью о сербах.

Как мне представляется, нет оснований упрекать М.И. Кутузова и правительство России в том, что об условиях ст. VIII Бухарестского договора сербы узнали раньше от турок, а не от русских. В данной связи напрашивается вопрос: а мог ли Кутузов сообщить сербам условия ст. VIII не ратифицированного царем договора? Если принять во внимание скандальную историю с поспешной ратификацией К.И. Мейендорфом условий Слободзейского перемирия в 1807 г., навлекшей на него гнев Александра I (см. об этом: [289. С. 31–70]), то ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Поскольку Кутузов помнил об этом и к тому же знал о недовольстве царя ходом переговоров, то, естественно, он не мог, да и не имел права пойти на такой шаг. Между тем условия ст. VIII, как этого требовала общепринятая дипломатическая практика, были отправлены сербам без задержки на следующий же день после обмена ратификационными грамотами.

С другой стороны, верховный вождь сербских повстанцев Карагеоргий и его советники по получению условий ст. VIII Бухарестского договора располагали достаточным временем для всесторонней оценки как собственных возможностей для защиты достигнутых в ходе восстания завоеваний и расстановки сил великих держав в Европе вообще и особенно на Балканах, так и для прогнозирования последствий, которые могут возникнуть в случае отказа сербов заключить мир с Портой на условиях ст. VIII Бухарестского трактата. Трудно предполагать, как могли бы развиваться события в Сербии, если бы Карагеоргий и его советники, проявив мудрость государственных деятелей и трезвый расчет опытных политиков, согласились заключить мир с Портой на условиях ст. VIII. В этом случае, на мой взгляд, сербские повстанцы, несомненно, сохранили бы значительные военные силы и существенную часть завоеваний, добытых ими в ходе восстания 1804–1813 гг. При принятии решения об отказе заключать мир с Портой на условиях ст. VIII у Карагеоргия и его советников, судя по всему, взяли верх не мудрость и расчет, а чувство оскорбленных воинов и обида искренних патриотов за то, что, помимо их воли и вопреки надеждам народа, Россия не смогла убедить или принудить силой Порту предоставить сербам право выделиться из состава Османской империи и создать собственное государство. Отказываясь от признания условий ст. VIII Бухарестского договора 1812 г., Карагеоргий, образно выражаясь, в погоне за "журавлем в небе" добровольно выпустил из рук "синицу", которую ему вручило правительство России.

И тем не менее, несмотря на подавление сербского восстания превосходящими силами турецких войск в 1813 г. и утрату всех завоеваний, достигнутых повстанцами в 1804–1813 гг., ст. VIII Бухарестского договора 1812 г. сыграла свою положительную роль в истории сербского народа и при формировании сербской государственности. Зафиксированное в статье международного договора еще до подавления восстания 1804–1813 гг. право сербов на самоуправление из области сербо-турецких отношений впервые было включено в сферу действия международного права. А это означало, что сербы получали более надежную правовую основу для законной борьбы за восстановление утраченных в 1813 г. завоеваний. Добившись этого в 1815 г., сербы – при активной поддержке России – продолжили борьбу за расширение прежних привилегий и политических свобод в условиях распадавшейся Османской империи [30].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963. С. 14–17.
2. *Bystrzonovski Sz.* Serbien, seine europäische Beziehungen und die Orientalische Frage. Leipzig, 1845. S. 57–75.
3. *Wardi H.* Serbien in seiner politischen Beziehungen insbesondere zu Russland. Leipzig, 1877. S. 31.
4. *Baker J.* Türkei in Europa. Stuttgart, 1878. S. 222.
5. *Gopčević S.* Rusland und Serbien von 1804–1815. München, 1916. S. 101.
6. *Белов М.В.* Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. События. Документы. Историография. Нижний Новгород, 1999. С. 93–146.
7. *Арсенијевић-Баталака Л.* Историја српског устанка. Београд, 1979. Књ. 1. С. 340–341.
8. *Грачев В.П.* История Первого сербского восстания 1804–1813 гг. в собрании В. Богишича // Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974. С. 271–291.
9. *Новиковић Ст.* Васкрс државе српске. Београд, 1954. С. 181–182, 199–200.
10. *Гавриловић М.* Сполна политика Србије у XIX веку // Из нове српске историје. Београд, 1926. С. 100–103; *Гавриловић М.* Почети дипломатских односа Велике Британије и Србије // Из нове српске историје. Београд, 1926.
11. *Ђорђевић М.Р.* Питање самоуправе Србије 1791–1830. Београд, 1972. С. 82.
12. *Јанковић Д.* Српска држава првог устанка. Београд, 1984. С. 179.
13. *Милосављевић П.* Србија у балканској политици Русије 1804–1812 гг. // Историјски значај српске револуције 1804 године. Београд, 1983.
14. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание турецкой войны в правление Александра I с 1806 до 1812 г. СПб., 1848. Ч. II. С. 261–264.
15. *Дубровин Н.Ф.* Сербский вопрос в царствование императора Александра I // Русский вестник. М., 1863. Т. 46. Кн. 7/8. С. 89–167, 525–575.
16. *Дубровин Н.Ф.* Материалы для истории царствования Александра I. Турецкая война 1806–1812 гг. // Военный сборник. СПб., 1864. Т. 36. С. 203–256.
17. *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. III.
18. *Попов А.Н.* Отечественная война 1812 г. М., 1905.
19. *Попов А.Н.* Славянская заря 1812 г. // Русская старина. СПб., 1892. Т. 76. С. 617–642; 1893. Т. 77. С. 87–120.
20. *Уляницкий В.А.* Материалы к истории восточного вопроса 1808–1813 гг., извлеченные из архива императорского Константинопольского посольства // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. (Сборник РИО). М., 1901. Кн. 4 (199). С. 1–196.
21. *Горяинов С.М.* 1812 год. Документы Государственного и Санкт-Петербургского главного архива. СПб., 1912.
22. *Кутузов в Дунайских княжествах.* Сборник документов. Кишинев, 1948.
23. *М.И. Кутузов.* Сборник документов под редакцией Л.П. Бескровного. М., 1952. Т. III.
24. *Внешняя политика России XIX – начала XX века.* Серия первая. Документы российского МИД 1801–1815 гг. М., 1967. Т. V; М., 1962. Т. VI.
25. *Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия.* М., 1980. Кн. I. М., 1983. Кн. 2.

26. Архив внешней политики Российской империи. Фонд: Канцелярия МИД.
27. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
28. *Казаков Н.И.* Проект адриатической экспедиции П.В. Чичагова в 1812 г. и русско-сербские взаимоотношения в период ее подготовки // *Југословенске земље и Русија за време првог српског устанка 1804–1813 гг.* Београд, 1983. С. 341–353.
29. *Грачев В.П.* Сербский вопрос в период Слободзейского перемирия 1807–1808 гг. // *Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX в. и Россия.* М., 1992. Ч. I. С. 31–70.
30. Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII – 70-е годы XIX века. М., 1986. С. 92–163.

© 2001 г. М.В. БЕЛОВ

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ИСТОРИОГРАФИИ СЕРБСКОГО ВОССТАНИЯ 1804–1813 ГОДОВ

Первое сербское восстание, от которого нас отделяют вот уже почти два столетия, – событие без преувеличения эпохальное, ключевое в новой истории Сербии. Тогда "зародились и приобрели исходную форму... основополагающие компоненты и институты национальной государственной организации", "наметилось и основное содержание острой социальной борьбы вокруг принципов государственного устройства", а ст. VIII Бухарестского мира (1812) стала правовой базой борьбы за признание автономного статуса Сербского княжества после победы Второго восстания в 1815 г. [1].

Россия, еще в 1804 г. проявившая живую заинтересованность в событиях, происходивших в Белградском пашалыке, на протяжении всего восстания играла роль главного (и единственного) покровителя сербских повстанцев (см.: [2]). Неизбежностью стало для русской дипломатии участие в разработке основ национальной государственности Сербии, проходившей в условиях острой междоусобной борьбы старейшинских группировок, завершившейся лишь в январе – феврале 1811 г., когда был принят "конституционный акт", утвердивший наследственную власть верховного вождя Карагеоргия, и последние оппозиционеры покинули пределы Сербии [3. С. 4–40; 4. С. 87–124].

Уже в ходе восстания или сразу же после него оформились две версии внутрискрайинского конфликта. Авторство первой из них принадлежит "победившей партии" – группировке М. Миловановича¹. По этой версии, внутрискрайинский конфликт умело поддерживался греком-фанариотом митрополитом Леонтием Ламбровичем и К.К. Родофиникиным, русским дипломатическим агентом, также греком по происхождению. Они смогли путем различных посулов привлечь на свою сторону некоторых влиятельных сербов, составивших так называемую "русскую партию". Целью фанариотов являлось ослабление Сербии и подчинение ее их собственной власти. Об этом якобы и шла речь на переговорах с посланцами константинопольского патриарха в ноябре 1807 г. и октябре 1808 г. Главным объектом борьбы Родофиникин и его помощники избрали группировку Миловановича, которую они пытались всячески оклеветать. Дело в том, что Милованович всегда поддерживал Карагеоргия, а выступить прямо против верховного вождя заговорщики не могли, так как его авторитет в народе был слишком высок.

Белов Михаил Валерьевич – канд. ист. наук, доцент Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.

¹ Именно эта группировка руководила проведением конституционной реформы 1811 г., а сам Милованович затем взял под контроль белградское правительство.

Хотя описанная выше версия опиралась в основном на распространенную в Сербии грекофобию, ненависть к фанариотам, как медиаторам в отношениях Порты с христианской райей, она имела и определенное антирусское звучание. Сценарий легенды о "фанариотском заговоре" принадлежал австрийской агентуре [5. С. 321–324, 335; 6]. Эта версия являлась оправданием и апологией группировки Миловановича, использовавшей Карагеоргия как символ государственного единства и независимости в собственных политических целях.

Вторая версия – это точка зрения самого К.К. Родофиникина, нашедшая отражение в его донесениях, считавшего главным источником неурядиц в Сербии группировку Миловановича, обогатившуюся во время восстания, в том числе, на посреднических закупках оружия и боеприпасов в Австрии. Стабильность была невыгодна этой "австрийской партии", по крайней мере, по двум причинам: из-за боязни, что народный гнев может обратиться против торговцев-эксплуататоров, и из-за нежелания терять такой выгодный источник доходов как закупка вооружения. По этим причинам, утверждал Родофиникин, группировка Миловановича являлась повстанческой "партией войны", настаивавшей на лозунге сербской независимости. Ее стремление посеять недоверие к России объяснялось теми же целями дестабилизации ситуации, запугивания народа, создания образа внешнего врага [7. С. 141–142].

Возможно, Родофиникин в излишне острой манере характеризовал внешнеполитическую программу Миловановича, однако позиция последнего во внутренней борьбе была в неменьшей степени продиктована и той расстановкой сил, которая сложилась как в Сербии, так на Балканах и в Европе после приезда Родофиникина в Белград в начале августа 1807 г. и подписания Слободзейского перемирия между Россией и Турцией. Вокруг дипломатического представителя России постепенно начал складываться круг влиятельных старейшин, ориентировавшихся на Россию. В их число входили Петр Новакович Чардаклия, Досифей Обрадович, митрополит Леонтий Ламбрович, С. Живкович и др.

Конфликт между этой группировкой и сторонниками М. Миловановича стал проявляться в период Слободзейского перемирия и русско-турецких переговоров в Париже о заключении окончательного мира между Россией и Турцией, от условий которого зависела и дальнейшая судьба сербских повстанцев. Яснее и в более острых формах конфликт дал о себе знать в первой половине 1808 г. во время сербско-австрийских переговоров, когда австрийцы настаивали на передаче им Белграда и большей части повстанческой Сербии [8] (подробнее см.: [9]). Активное противодействие Родофиникина сближению сербов с Австрией, по-видимому, явилось одной из причин, способствовавших созданию легенды о так называемом "фанариотском заговоре".

Но, хотя внутрестарейшинский конфликт и приобрел некоторые черты борьбы двух "партий" – "русской" и "австрийской", – его суть была гораздо глубже и сложнее. При всей противоположности вышеизложенных версий, они обе объясняют конфликт лишь *субъективными* устремлениями отдельных "злодеев-негодяев", в одном случае – греков-фанариотов, в другом – обогатившихся на восстании сербских старейшин. На самом деле в повстанческой Сербии было достаточно *объективных* препятствий для стабильного государственного строительства: слабость экономических предпосылок к территориально-государственному единству, отсутствие законодательно-правовой базы, необходимых для создания административной пирамиды опыта и кадров, деформация и разрушение в ходе восстания прежней патриархально-демократической системы местного самоуправления, низкий уровень социокультурного развития и т.д. Вот почему *общенациональная* задача формирования сербской государственности решалась в жестком столкновении *частных* интересов различных группировок и отдельных лиц, чьи цели, задачи и ориентации, к тому же, часто менялись.

Особый вопрос – личная роль Родофиникина и Карагеоргия в этом конфликте. Уже в первое время деятельности в Сербии Родофиникина в методах его работы и

стиле поведения проявились некоторые негативные черты. В донесениях дипломата своему начальству порой сквозит даже высокомерное презрение ко всему сербскому руководству, а иногда и откровенный цинизм: "Сверх сего было в Сербии, подобно как и в других областях турецких, немалое число разбойников..., из них-то ныне состоит большая часть субалтерных начальников, кои, кроме личного интереса, ничего более не разумеют. Самовластие сих начальников, коих никто не наказывает, делает им приятным настоящее положение их, и весьма мало желают [они] видеть устройство земли и существование закона... Если настоять – будет война, можно извлечь от сербов немалую пользу, ибо на войну, подкрепленную российским оружием, охотно все начальники пойдут, имея возможность обогащаться грабежом турецких селений и городов. Останется тогда ими руководствоваться и направлять их, удерживая попокику возможно от зла" [10. Кн. 1. С. 431–432].

Важным инструментом воздействия на сербов Родофиникин считал денежные субсидии, что свидетельствует, на мой взгляд, об определенной склонности этого чиновника к авантюре и манипулированию, ограниченной, правда, служебной дисциплиной. "Посредством денег, – писал Родофиникин министру иностранных дел А.Я. Будбергу, – можно здесь все умы обратить к той цели, которая будет нужна" [11. С. 258–259]. Карагеоргий "до денег алчен" и использует русские субсидии для собственного обогащения, поэтому, отчитываясь наш герой, он передал привезенные им средства не верховному вождю, а М. Стойковичу и другим сербским предводителям, чьи отряды находятся рядом с расположением Молдавской армии [11. С. 247–249]. Наиболее уничижительно в своих донесениях Родофиникин характеризовал именно Карагеоргия. Доказывая пристрастие вождя к бессмысленной жестокости, он подробно живописал все реальные и приписываемые Карагеоргию деяния, извещал о его беспробудном пьянстве и других пороках [7. С. 104]. И тем не менее, в критических ситуациях Родофиникин, как правило, всегда был на стороне верховного вождя. Например, когда в апреле 1808 г. члены Правительствующего Совета во главе с Младенем Миловановичем потребовали устранения Карагеоргия от власти, Родофиникин уговорил их не делать этого. Он писал в этой связи А.А. Прозоровскому 25 апреля (7 мая) 1808 г.: Карагеоргий "пользуется доверием народа, ибо хотя прост и не тонкого ума, однако знает весьма хорошо, как оный ласкать и что с ним говорить" [12] (подробнее см.: [9. С. 54–56]).

Совершенно противоположную, благодетельную оценку русский агент давал белградскому митрополиту Леонтию, греку-фанариоту, ставшему его близким другом и советчиком. Леонтий Ламбрович не был популярен в народе, так как в начале восстания занимал выжидательную позицию и примкнул к нему, когда успех стал очевиден (см.: [13]). Некоторое время он работал в Правительствующем Совете, но, когда его председателем в 1807 г. стал М. Милованович, митрополит был удален от ведения дел в этом органе власти. Родофиникин по-своему интерпретировал мотивы "несогласия" Леонтия с сербскими предводителями: "... причиною тому старания его, чтоб воздерживать их от свирельных их поступков, к коим они весьма наклонны" [10. Кн. 1. С. 432]). Личные симпатии и антипатии играли слишком большую роль в деятельности русского представителя в Сербии. В любом отчете перед начальством Родофиникин подчеркивал прежде всего собственные заслуги в позитивном развитии событий, а в неудачах обвинял сербских старейшин.

Так или иначе, но пребывание русского дипломатического агента в Сербии в определенной мере способствовало поляризации внутривосставительского конфликта, однако лишь после отъезда Родофиникина он вступил в кульминационную стадию и достиг развязки. Русская дипломатия, придя по просьбе самих повстанцев на помощь в деле организации государственной власти, скоро осознала, что в условиях ожесточенной борьбы старейшин за власть эта помощь неминуемо будет больше вредить, чем способствовать авторитету и влиянию России в Сербии. В результате проекты Родофиникина были отклонены царем, и с начала 1809 г. на разработку таких проектов был наложен запрет. Но правильность многих предложений Родофиникина

и отдельных осуществленных им мероприятий в сфере государственного строительства подтвердило время².

Верховный вождь Карагеоргий (Георгий Петрович Черный) проявил себя в ходе восстания и остался в народной памяти как сильный национальный лидер, мужественный воин и талантливый полководец, несмотря на такие недостатки как склонность к эмоциональным, импульсивным решениям, повышенная внушаемость, податливость чужому влиянию.

Карагеоргий не приобрел соратников, на которых он мог бы положиться в борьбе со своими противниками, и вынужден был опираться на не раз скомпрометировавшую себя группировку Миловановича. Внешнеполитические метания Карагеоргия также объясняются, в основном, его недостатками как политика. Тем не менее, в большей части сербской историографии оценка Карагеоргия слишком идеализирована³.

Это в полной мере относится к взглядам Л. Арсениевича-Баталаки (1793–1869), автора "Истории сербского восстания", опубликованной уже после его смерти, в 1898–1899 г. Права Карагеоргия на верховную власть обоснованы в этом труде его личным героизмом и великодушием, инициативой в освободительной борьбе и полководческим гением. Верховенство вождя утвердилось в самом начале восстания, и все попытки оспорить его являлись незаконными. Политическая жизнь повстанческой Сербии, по Баталаке, – это последовательность ряда заговоров, которым противостоял Карагеоргий. Главным из них – заговор четырех воевод: Я. Ненадовича, М. Стойковича, П. Добрянца и М. Обреновича (с 1810 г.). Зная, что "ни один из них, когда свергнут Карагеоргия, не сможет занять верховного руководства над всей Сербией", они хотели ее "между собой поделить, чтобы всякий в своей части был независим, а в случае общей потребности, встречаться и договариваться, и один другому на помощь придет" [16. С. 300]. Авторитет Карагеоргия в народе был непререкаем, и оппозиционеры не могли это игнорировать. Они решили сначала дискредитировать ближайшее окружение вождя (М. Милановича, М. Петровича, И. Юговича). Еще один прием оппозиционеров – эксплуатация популярной в народе идеи союза с Россией. Выставляя себя приверженцами России, они надеялись использовать ее помощь для утверждения своей власти, скрывая "и от самих русских свои истинные намерения: разделить Сербию между их четверкой, которые, Бог знает, и сами русские не одобрили бы..." [16. С. 305].

Приглашение в Сербию Родофиникина – дело рук заговорщиков. Его приезд в Белград был для сербов подлинным праздником: "Гром пушек... разнес по всей Сербии, во все ее края общую радость"; сам Родофиникин "в начале показался очень искренним, любезным и располагающим" [16. С. 308–309]. Но это доброе начало длилось недолго и вскоре было "покрыто", как выражается Баталака, "черной мантией" митрополита Леонтия [16. С. 310–311]. Боясь разоблачения, что "он всегда был на стороне Порты" и "сербов от русских отвращал", Леонтий по прибытии Родофиникина, "как грек к греку, сразу и легко втерся (к нему. – М.Б.) в доверие и начал клеветать на Карагеоргия, Младена (Миловановича. – М.Б.) и Юговича" [16. С. 306]. Он выставлял себя "мнимым другом" оппозиции, хотя не любил "ни эту четверку, и ни одного серба" [16. С. 303]. Целью Леонтия было поссорить сербов с Россией, предварительно оклеветав их. Все это изменило "и отношение (Родофиникина. – М.Б.) к инструкциям и предписаниям его кабинета, которые он... при определении своем в качестве агента в Сербию получил"; Родофиникин стал действовать в соответствии с "клеветой Леонтия и несправедливыми жалобами противников Карагеоргия", тем самым усиливая разобщенность и мешая управлению

² И сам "конституционный акт" 1811 г. восходит по замыслу к записке Родофиникина от 8–9 ноября 1808 г. [10. Кн. 2. С. 52–54].

³ Исключение составляет, например, мнение В. Чоровича: "Карагеоргий, который был никакой дипломат и который постоянно колебался, достаточно часто подчинялся моментальному впечатлению и уведомлениям своего окружения" [14]. Сравнительно недавно И.М. Лециловская опубликовала биографический очерк о Карагеоргии, который, однако, лишен оценки его личностных качеств (см.: [15]).

страной [16. С. 311, 343]. В основе многих бед Сербии лежала, по определению Баталаки, "сплетенная ложь двух греков, Леонтия и Родофиникина", определявшая и русскую политику [16. С. 331].

Ранее, в 1883 г., в Вене вышел в свет двухтомный труд К.Н. Ненадовича "Жизнь и дела великого Георгия Петровича Карагеоргия", который, по существу, является первой подробной историей восстания, опубликованной на сербском языке. С Баталакой автора роднят династические привязанности и преклонение перед Карагеоргием. Однако в научно-методическом плане книга Ненадовича значительно уступает сочинению Баталаки. Ненадович имел очень приблизительные представления о науке истории и задачах ее изучения. Из источников он выбирал лишь подтверждения своей прокарагеоргиевской позиции (см.: [17. С. 11]). Довольно часто книга Ненадовича напоминает компиляцию из механически соединенных и мало согласующихся между собой фрагментов источников и исторических сочинений. Порой он даже не дает на них ссылок.

При характеристике внутриполитической борьбы в повстанческой Сербии и роли России в восстании Ненадович использует версию "фанариотского заговора". Бедой и сербов, и России стало то, что она послала в Белград не урожденного русского, а грека Родофиникина, составившего вместе с митрополитом Леонтием "фанариотское направление" [17. С. 191]. Последний, по утверждению Ненадовича, являлся турецким агентом. Он стремился посеять раздор в Сербии, ослабить ее и облегчить восстановление турецкого господства. Особую ненависть Леонтий питал к "сербскому правительству" (Совету) и образованным сербам, приехавшим из Австрии [17. С. 199]. Как грек, Родофиникин больше верил Леонтию, чем сербам, при этом он "больше пользу для России, чем для Сербии имел в виду" [17. С. 188].

Усилиями этих и других авторов, в том числе и мемуаристов, была создана не достижимая уровня стройной научной концепции, но всеохватывающая прокарагеоргиевская версия истории восстания. Она несла в себе черты нарочитой, не знающей никаких границ апологии верховного вождя. Легенда о "фанариотском заговоре" против Сербии и Карагеоргия (в данном случае это тождественные понятия) мистифицировала историю восстания, которая идеалистически представлялась извечным и неизбежным столкновением доброго и злого начал. Способствовала такому взгляду и народная эпическая традиция, запечатлевшая лишь героические стороны повстанческой борьбы, персонифицировавшая сербские освободительные устремления в образе Карагеоргия. Интуитивно авторы чувствовали значимость данной фигуры для государственной идеологии княжеской Сербии. Миф о Карагеоргии воплощался в сербский национальный миф: апология верховного вождя служила возвеличиванию сербского прошлого, поскольку все его негативные эпизоды увязывались с врагами Карагеоргия и таким образом выносились за скобки.

Такой взгляд на историю сербского восстания решительно опроверг в начале XX в. историк критического направления Ст. Новакович (1842–1915). В своих исследованиях он уделял большое внимание проблемам повстанческой государственности, но его оценки в разных работах заметно менялись.

Первоначально отношение к конфликтовавшим в Сербии в начале XIX в. сторонам было у историка в общем нейтральным ("Возрождение Сербского государства" (1904)). Новакович осуждал их борьбу, ослаблявшую повстанцев: "Сербские старейшины неизменно тянули каждый на свою сторону. Идея объединения государства и верховного долга в отношении его мало входила в головы тем людям... Все... жаждали со всей страстью своей даровитой, но невозделанной природы делать каждый в своем крае, что им хотелось" [18]. Негативные моменты в отношениях повстанцев с Россией Новакович увязывал исключительно с амбициями или ошибками отдельных русских чиновников (Паулуччи, Родофиникина).

В монографии "Конституционный вопрос и законы времени Карагеоргия" (1907) симпатии Новаковича, как сторонника сильной государственности (монархической власти), уже склоняются однозначно в пользу верховного вождя. Историк не идеа-

лизирует своего героя. Карагеоргий "хотел стать действительно первым среди остальных и господином над всеми", добываясь этого "с пистолетом в руках, с необузданной резкостью" [4. С. 15]. Но, "защищая эту свою власть, Карагеоргий ipso facto (тем самым) боролся и за единство освобожденной земли" [4. С. 76]. Закономерно Новакович драматизировал борьбу повстанческой Сербии за национальную государственность: ее врагами он теперь называл не только Турцию и Австрию, но также оппозицию верховному вождю и русскую дипломатию (Россию). Поставив знак равенства между сербской государственностью и единовластием Карагеоргия, Новакович стал рассматривать любые действия по его ограничению как покушение на сербский суверенитет. Новакович отдает должное Родофиникину, отмечая его высокие способности: проницательный ум, большой политический опыт, дипломатическую изобретательность, говорит о положительном значении некоторых его действий в области государственного строительства и борьбы против австрийского влияния [4. С. 43–45]. "Ошибка К. К. Родофиникина, – по мнению Новакович, – в том, что он не поднялся на равную позицию над всеми сербскими старейшинами, но, так сказать, идентифицировался с группой противников Карагеоргия..." [4. С. 47]. "Настоящей задачей Родофиникина должно было быть следующее. – М.Б.): не принимать ни одну, ни другую сторону в междоусобной игре, но руководствоваться общими потребностями страны и заботиться о них..." [4. С. 40]⁴.

В отличие от своих предшественников, Новакович, в условиях общего национального подъема, охватившего Сербию в начале XX в., хорошо сознавал значимость истории восстания для сербской национально-государственной идеологии. Прокарагеоргиевской версии он дал облик объективной исторической концепции, обосновав тем самым необходимость монархической власти в Сербии. В построениях Новаковича апология верховного вождя базируется не на его личных качествах, а на политической функции основателя сербской государственности и монархии. За ним закреплена монополия на сербские национальные интересы. В наследие от XIX в. Новакович принял биполярную модель политического развития повстанческой Сербии, но сталкиваются в ней уже не добро и зло, а государственность и анархия.

Единомышленником и первым последователем Новаковича в изучении восстания стал М. Вукичевич (1867–1930). Его основные выводы близки, а порой и дословно повторяют выводы Новаковича⁵. По характеристике Р. Самарджича, Вукичевич "сразу после Новаковича... представил Карагеоргия как истинного вождя сербской революции и так, наконец, оспорил сомнение... в его необычайных способностях и силе их проявления" [20. С. 165]⁶. Самарджич признает, что Вукичевич не обладал "особой научной подготовкой и блистательностью изложения", но видит главную его заслугу в новом взгляде на восстание и личность его вождя, в написании подробного научного исследования, основанного на широком круге источников: «"Возрождение Сербского государства" Стояна Новаковича, в сравнении с "Карагеоргием" Вукичевича, только некий вариант предварительного синтеза» [20. С. 166].

На мой взгляд, напротив, биограф вождя не ушел далеко от идеалистической версии XIX в. Если, по Новаковичу, Карагеоргий своей борьбой с оппозицией лишь объективно способствовал укреплению сербского государства, то, по Вукичевичу, и во внутренней, и во внешней политике он это делал абсолютно сознательно. Право верховного вождя выражать сербские национальные интересы зиждется, таким обра-

⁴ Впрочем, и по этому вопросу точка зрения Новаковича не отличалась постоянством. В опубликованной спустя год статье он писал, что, судя по архивным материалам, интриги Родофиникина были мнимыми, он "ничего не делал против Карагеоргия" и стремился лишь уравновесить его власть "во власти закона и Сената" [19].

⁵ Новакович оказал Вукичевичу помощь в организации его поездки в Петербург в 1903–1905 гг. для работы в русских архивах и пользовался материалами, собранными последним, при написании собственных исследований.

⁶ Здесь уместно упомянуть, что Вукичевич, помимо прочего, являлся личным другом и биографом короля Петра, внука Карагеоргия [20. С. 161].

зом, не только на абстрактной политической функции, но и на достоинствах его личности. В Сербии "действительно никто не мог мериться с Карагеоргием (силой. – М.Б.). Его авторитет в народе был наивысшим... С его авторитетом и положением, которое он занимал, стояла рядом и его грозная неограниченная власть, которую одну только и можно благодарить, что в борьбе и защите от турок было единство" [21. С. 582]. Власть Карагеоргия являлась единственной гарантией сербских национальных интересов, и он справедливо боролся с оппозицией, желавшей "делить с ним власть, но не ответственность перед народом" [21. С. 583].

Родофиникин у Вукичевича (в личностном плане) – полная противоположность Карагеоргия. "Человек весьма скользкий и хитрый, коварный и готовый на обман, как и все греки, умудренный и хорошо знавший фанариотские интриги..." [21. С. 570–571], он стремился играть в Сербии роль некоего "вице-короля". Русский агент не руководствовался местными потребностями, а выслуживался перед петербургским начальством. Будучи наделенным наибольшей ответственностью за дело сербского освобождения, Карагеоргий испытывал и наибольшее недоверие к России и ее представителям, не обеспечившим повстанцам серьезную военную помощь и вошедшим в сговор с оппозицией [21. С. 584–586]. Уже из этого примера видно, что биография Карагеоргия, написанная Вукичевичем, содержит черты, характерные как для сочинений XIX в., так и для работ Новаковича.

Югославские историки-марксисты поколения 50-х годов XX в. использовали разработанную в начале века схему (Новаковича – Вукичевича) целиком, изменив только акценты. Сильный импульс внутрискладинскому конфликту, указывает, например, Д. Петрович, был дан активизацией политики России в Сербии с началом русско-турецкой войны 1806–1812 гг.: "В этих новых условиях у русских представителей обнаружилась тенденция трактовать просьбы повстанцев о русской помощи и протекторате как предлог для проведения политики подчинения Сербии русской верховной власти и права непосредственного вмешательства во внутренние сербские дела" [22. С. 62]. Родофиникин "использовал противников Карагеоргия для укрепления русского влияния в Сербии", "лично участвовал во внутреннем конфликте в Сербии и сильно содействовал его резкому обострению" [22. С. 62–63].

"Вмешательство России во внутренний строй Сербии было для нее судьбоносно", – настаивает в свою очередь Р. Гузина; оно "еще более расширило бездну между двумя течениями сербских старейшин", и, следовательно, ослабило военный потенциал повстанцев, который, кстати, более всего и привлекал Россию [23. С. 84]. Это "вмешательство" шло вразрез с антифеодальной программой повстанцев. Положительную сторону русского "вмешательства" Гузина видит лишь в том, что оно "ускорило процесс развития власти в Сербии и указало Карагеоргию, что необходимо предпринять решительные меры" и выполнить "минимум государственности" [23. С. 86–87].

М. Джорджевич соглашается со многими оценками Новаковича относительно роли России и ее дипломатии в развитии внутрискладинского конфликта [24. С. 173, 175, 179 и др.]. В то же время он пишет (и в этом новизна его работы) о существовании внутри группы Карагеоргия старейшин, периодически дистанцировавшихся от верховного вождя и выдвигавших собственные политические претензии. Имеются в виду М. Милованович и М. Петрович, самые богатые люди в Сербии, экономически связанные с Австрией. Как и Карагеоргий, Милованович и его сторонники выступали за центральную власть, независимую Сербию. Но верховный вождь руководствовался при этом народными интересами, а партия Миловановича – интересами личного обогащения [24. С. 187, 203]⁷. Тезис о Карагеоргии как гаранте государственного единства и независимости Сербии трансформировался у Джорджевича в соответствии с современной ему политической реальностью. Если у Новаковича Карагеоргий был выразителем национальных интересов сербского народа, главный из которых – мо-

⁷ Такая оценка подрывает "идеальный" образ Карагеоргия, поддержанный Джорджевичем, поскольку верховный вождь сам избрал Миловановича себе в союзники.

нархическая государственность, то у Джорджевича он стал представителем "молодой сербской буржуазии", выразителем интересов революции [24. С. 101–102, 187]. Авторитет высших ценностей (революционных интересов) освещает фигуру верховного вождя, возвышает его над современниками и противопоставляет им.

Даже на фоне уже рассмотренных оценок выделяется книга Й. Четковича "Карагеоргий и Милош" (1960). "Русская официальная политика, – утверждает ее автор, – не только не помогала и не поддерживала освободительных стремлений крестьянских масс, но и по-своему действовала для того, чтобы притупить острие сербского революционного движения... Если бы такое революционное движение развивалось и получило широкие размеры на Балканах, возникла бы серьезная опасность и для самого царя Александра I, который не только был типичным представителем феодализма, но и одним из выразительнейших его охранителей" [25. С. 84]. "...Был употреблен... путь политических интриг, сплетен и обмана, чтобы увеличить разногласия и раздор в рядах повстанческих вождей и ослабить революционный подъем масс" [25. С. 85]. Те, кто составлял оппозицию Карагеоргию как выразителю революционных тенденций, несли в себе "все вредные привычки и наследие прошлого" [25. С. 89]. Чтобы сохранить свою власть и феодальные формы эксплуатации, старейшинская оппозиция, не побоявшись национального предательства, пошла на сотрудничество с царскими властями. А утвержденную царем линию на раскол в сербском освободительном движении мастерами мастерски осуществил Родофиникин, сыгравший свою "зловещую роль" [25. С. 85].

Четкович, как будто, дает классовый анализ внутрискрапшинского конфликта, но отнюдь не утруждает себя объяснениями, почему Карагеоргий, с его слов, являлся последовательным революционером, а все остальные воеводы, вместе с ним поднявшие народ на борьбу, – реакционными наследниками прошлого. "Заговор" против Сербии, эта ходячая легенда наиболее одиозных сочинений XIX в., перемещается у Четковича в Петербург, и этой легенде дано идеологическое обоснование. Вообще, по количеству антирусских сентенций книга Четковича не имеет себе равных в сербской и югославской историографии вопроса⁸.

Для новейшей сербской историографии, отражающей современные общественные настроения, характерна статья "Карагеоргий", опубликованная в сборнике Р. Самарджича "Идеи о сербской истории" (1989). Автор стоит буквально на грани обожествления своего героя. Он пишет о той "превосходящей легкости", с которой "Карагеоргий играл свою роль полководца и которая всех окрыляла", и все сразу "выстраивались в ряды под его знаменами" [27. С. 166]. Самарджич утверждает, что любая критика Карагеоргия "всегда рассеивались или полностью забывалась при самом упоминании верховного вождя: он на исторической сцене оставался всегда сам достаточен себе, неизменчив, всегда тот же, нечувствителен к мнению других" [27. С. 169].

Карагеоргий – единственный организатор восстания. Он же, верховный вождь, по мнению Самарджича, – и единственный создатель повстанческой государственности. Более того, на этом поприще в оппозиции Карагеоргию находилось все сербское общество. Это и прежние кнезы, которым не нашлось места в руководстве восстанием, и местные воеводы, самовольно захватившие власть, и крестьянский люд, обремененный податями собственного государства [27. С. 170–171]. Но несмотря на сопротивление внутри Сербии, происки русских агентов, стремившихся подчинить страну чужому влиянию, враждебное внешнее окружение, Карагеоргий все-таки создал основанное на национальных правовых традициях современное европейское государство [27. С. 173, 176].

⁸ Соперничать здесь может разве что западноевропейская публицистика XIX – начала XX в., специально озабоченная "разоблачением" восточной политики России, обоснованием необходимости поставить русским заслон на Балканах (см.: [26]). В ней доказывается, например, что Родофиникин, будучи воплощением всего коварства, на которое способна одна Россия, не только использовал, но сам создал все конфликты в повстанческой Сербии.

Как же могла появиться такая исполинская личность, которая "полностью отвечала потребностям, но совсем мало возможностям своего времени"? [27. С. 176]. Автор статьи сначала противопоставляет личность Карагеоргия историческим обстоятельствам, обществу, времени, связывает только с его именем все достижения народа, а затем удивляется, как такой человек вообще мог существовать. Реальная историческая судьба Сербии, ее национальная традиция и духовное наследие кажутся Самарджичу недостаточными для объяснения гения Карагеоргия, и он пишет о "неких неясных силах", выдвинувших его из "существа самого народа" [27. С. 177]. Статья Самарджича начисто лишена ранее обязательной марксистской проформы. Это несколько экзальтированный вариант апологии Карагеоргия, созданной еще в XIX в.

Итак, магистральный путь развития сербской историографии восстания ведет от созданной в XIX в. прокарагеоргиевской версии через концепцию Новаковича-Вукичевича (начало XX в.) к ее марксистскому толкованию в 1950-е годы. При этом можно выделить ряд сквозных идей, определяющих общие для большей части сербских историков взгляды на историю восстания.

Во-первых, это тезис о существовании двух сторон во внутривосстательном конфликте в повстанческой Сербии, от исхода которого зависела ее национальная судьба. "Черно-белый" взгляд на историю восстания обедняет ее. Он не адекватен реальности, и некоторые сербские историки на это специально указывали. Но именно такой взгляд остается господствующим. Дело в том, что увязывание всех неудач восстания, причин борьбы в его руководстве с происками "вражеской партии" снимает вопрос о внутренней слабости повстанцев, объективных в своей основе противоречиях в их среде. Идеализация одной из сторон политического конфликта в любом варианте (личности Карагеоргия, политической функции, которая возложена на него историей, его революционных устремлений) служит идеализации самой освободительной борьбы сербов.

Во-вторых – тезис о негативной роли России в восстании, выраженный в более или менее жесткой форме. Негативно может оцениваться вся политика России либо деятельность отдельных ее представителей. Основанием может служить "эгоизм" России или ее реакционность как феодальной державы. В любом случае это лишь довод в пользу самостоятельности и самодостаточности сербского национально-освободительного движения. Умножение врагов еще более героизирует восстание, сербскую историю в целом. Неудачам повстанцев находится внешнее объяснение⁹.

В отечественной науке проблема сербской повстанческой государственности практически не разрабатывалась специально. То же касается и личности и деятельности Родофиникина. Нет не то что монографии, даже статей, посвященных этому дипломату, в отличие от работ, посвященных К.Р. Нессельроде, И.А. Каподистрии, С.Л. Лашкареву и другим его современникам. А ведь Родофиникин сделал замечательную карьеру, в 1819–1837 гг. возглавлял азиатский департамент МИД, был вторым человеком во внешнеполитическом ведомстве России [28]. Написание достоверных портретов Родофиникина и (так же обиженного вниманием отечествен-

⁹ Особый феномен – бытование легенды о "фанариотском заговоре" в историографии Первого сербского восстания. В общем плане питательной почвой для любой теории заговора, очевидно, является неумение либо нежелание понять объективную сторону исторического процесса. На фазе зарождения версия заговора служит обычно сиюминутным политическим целям определенных общественных сил, использующих фобию таинственных заговорщиков в качестве наступательной или оборонительной пропагандистской доктрины. Легко объяснить ее использование в дальнейшем, когда породившая ее политическая конъюнктура бесследно исчезла, тем, что авторы-непрофессионалы некритически подходили к "зараженным" версии заговора источникам и тем, что она была угодна правящей династии. Но оказывается, даже в условиях изощренной техники исторического исследования и радикальной смены всех государственных и идеологических декораций некоторые элементы, а иногда и целиком модель прежней мифологии, лишенная нелепых теперь "гротескных" деталей, может вновь и вновь играть системообразующую роль во все новых исторических концепциях – позитивистских, марксистских и традиционалистских.

ных историков) Карагеоргия остается актуальной задачей, решение которой, несомненно, будет способствовать формированию более адекватных представлений о Первом сербском восстании и роли в нем России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII – 70-е годы XIX в. М., 1986. С. 110–111.
2. *Грачев В.П.* Некоторые вопросы политики русского правительства в отношении сербского восстания 1804–1813 годов // Советское славяноведение. 1987. № 2.
3. *Грачев В.П.* Планы создания славяно-сербского государства на Балканах в начале XIX в. и отношение к ним правительства России // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.). М., 1995. С. 4–40.
4. *Новаковић С.* Уставно питање и закони Карађорђева времена. Београд, 1988.
5. Родофиникин у Београду јавни живот... // *Перовић Р.* Грађ за историју српског устанка. Београд, 1954.
6. *Перовић Р.* Допуне биографији Теодор Ивановича Недобе од Лазара Арсенијевића Баталаке // *Перовић Р.* Прилози за историју првог српског устанка. Београд, 1980. С. 225–226.
7. *Дубровин Н.Ф.* Сербский вопрос в царствование императора Александра I // Русский вестник. 1863. Т. 46. № 7–8.
8. Внешняя политика России XIX – начала XX вв. М., 1965. Т. IV. С. 265–266.
9. *Грачев В.П.* Сербский вопрос в период Слободзейского перемирия 1807–1808 гг. // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX в. и Россия. М., 1992. С. 31–70.
10. Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980–1983. Кн. 1–2.
11. *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. СПб., 1885. Т. 1.
12. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 111–117.
13. *Кашин Д.* Прота Матија Ненадовић и црквене прилике у устаничкој Србији // Прота Матија Ненадовић и његова доба. Београд, 1985. С. 468–469.
14. *Ђоровић В.* Живот и личност Карађорђа Петровића // Карађорђе живот и дело. Београд, 1923. С. 19–22.
15. *Лециловская И.М.* Карагеоргий // Вопросы истории. 1994. № 12.
16. *Арсенијевић-Баталака Л.* Историја српског устанка. Београд, 1979. Књ. 1.
17. *Ненадовић К.Н.* Живот и дела великог Ђорђа Петровића Карађорђа. Београд, 1971. Књ. 1.
18. *Новаковић С.* Вакрс државе српске. Београд, 1954. С. 121–122.
19. *Новаковић С.* Константин Константиновић Родофиникин // Из српске историје. Нови Сад, 1972. С. 309.
20. *Самарцић Р.* Миленко Вукићевић. Карађорђе // Писци српске историје. Београд, 1986. Књ. 3.
21. *Вукићевић М.* Карађорђе. Београд, 1986. Књ. 2.
22. *Перовић Д.* Из историје првог српског устанка. Београд, 1979.
23. *Гузина Р.* Кнежина и постанак српске буржоаске државе. Београд, 1955.
24. *Ђорђевић М.* Политичка историја Србије XIX и XX века. Београд, 1956. Књ. 1.
25. *Ђетковић Ј.* Карађорђе и Милош 1804–1830. Београд, 1960.
26. *Bystronovski Sz.* Serbien, seine europäische Beziehungen und die Orientalische Frage. Leipzig, 1845; *Wardi H.* Serbien in seiner politischen Beziehungen insbesondere zu Russland. Leipzig, 1877; *Ђорђевић С.* Russland und Serbien von 1804–1815. München, 1916.
27. *Самарцић Р.* Идеје за српску историју. Београд, 1989.
28. Дипломатический словарь. М., 1985. Т. II. С. 469.

© 2001 г.

Т.П. АГАПКИНА

РУССКИЕ КОНТАКТЫ ЯРОСЛАВА ИВАШКЕВИЧА. 1945–1950-е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ РАЗЫСКАНИЙ)

Известность в России пришла к Ивашкевичу, одному из крупнейших польских и славянских писателей XX в., в середине его жизненного и творческого пути. В 20–30-е годы произведения писателя на русский язык не переводились, и имя его тогда в СССР было знакомо лишь узкому кругу критиков и исследователей. Интерес к нему среди русских литераторов возник в последние месяцы 1945 г. Это было время, когда на новом историческом этапе формировались новые культурные отношения СССР и Польши. Значительную роль в их развитии сыграло Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). В декабре 1945 г. по постановлению Совета народных комиссаров СССР (СНК СССР) была учреждена должность уполномоченного ВОКС в Польше [1. Оп. 22. Ед.хр. 18. Л. 24; Ед.хр. 64. Л. 29, 155]¹. В сферу деятельности ВОКС входили взаимообмен с Польшей книгами, газетами, журналами, нотами, учебной и научной литературой и организация взаимных поездок. Через ВОКС интересующие их издания по разным вопросам в 1945–1947 гг. получали, в частности, С. Жулкевский, В. Мельцер, К.Я. Яворский, Л. Гомолицкий, Т. Голуй, Ю. Тувим, Ст. Лоренц, Общество польско-советской дружбы (ОПСД) и его отделения в Варшаве, Кракове, Познани, Гданьске, Люблине и др. [1. Оп. 17. Ед.хр. 233. Л. 189; Ед.хр. 234. Л. 3–5 об., 8, 11, 12, 101, 117; Ед.хр. 235. Л. 33]. Поездок в те годы было мало. Правда, уже в ноябре 1944 г. – еще до окончания войны – в Москве побывала группа польских литераторов. Живший в те годы в Москве Ежи Помяновский – польский писатель и журналист, тогда – сотрудник Польского агентства печати в Москве, сообщил М.Я. Аппетину², одному из руководителей иностранной комиссии (инкомиссия) Союза советских писателей (ССП), что в Москву «приехали польские писатели (экскурсия) и хотят... (чтобы им устроили. – Т.А.) ... встречу с писателями... Приехали: Пшибось – председатель Союза, поэт, Яструн, Буковский, Богушевская и Корнацкий (рядом с этими двумя именами сделана приписка – "левые антифашисты". – Т.А.), Валецкий – бывший проректор высшей школы журналистики» [2. Ф. 2876. Оп. 1. Ед.хр. 18. Л. 320]. (В перечне фамилий одна оказалась неразборчивой.) Через ВОКС в 1945 г. в Москву приезжал С. Жулкевский; направлялись приглашения

Агапкина Тамара Петровна – научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Им стал Владимир Георгиевич Яковлев; одновременно – советник посольства СССР.

² М.Я. Аппетин (1885–1981) – русский критик. В 1932–1935 гг. – генеральный секретарь ВОКС, редактор ряда журналов, с 1935 г. – секретарь Международной организации революционных писателей. С января 1936 по октябрь 1958 г. – заместитель председателя инкомиссии ССП.

Т. Голую и многократно – Ю. Тувиму [1. Оп. 22. Ед.хр. 12. Л. 139, 202; Ед.хр. 16. Л. 231; Ед.хр. 64. Л. 155].

В конкретных исторических условиях того времени на процесс культурного сближения СССР с Польшей оказывалось политическое и идеологическое влияние. Это относилось и к работе ВОКС, которая осуществлялась им во взаимодействии с Народным комиссариатом иностранных дел (НКВД) и отделом культуры и печати ЦК ВКП(б). Неслучайно и визит Ивашкевича в Советский Союз, и издание здесь его произведений согласовывались с этими инстанциями. Пробуждение интереса к писателю в СССР связано, по-видимому, с избранием его в августе 1945 г. председателем Правления профессионального союза польских литераторов (в советских документах он назывался Союзом польских писателей (СПП). Осенью 1945 г. Государственное издательство художественной литературы в Москве (ГИХЛ, или Гослитиздат) начало подготовку тома избранных произведений Ивашкевича. К началу 1946 г. его пьеса "Лето в Ноане" была переведена Н.И. Вильтер-Модзелевской, и в феврале того же года высоко оцененная "старшим политредактором" Главного управления театров (в отзыве подчеркивалось, что по своим литературным достоинствам это "произведение выше среднего уровня современной переводной драматургии") пьеса с некоторыми оговорками была рекомендована для постановки, правда, "лишь в ограниченном количестве театров" [3]. Примерно в то же время было решено пригласить польского писателя в Москву. Имя Ивашкевича упоминалось в письме члена коллегии НКВД, заведующего IV Европейским отделом, председателю правления ВОКС от 19 января 1946 г.:

"Посол СССР в Польше тов. Лебедев³ считает, что в интересах укрепления польско-советской дружбы ВОКС целесообразно пригласить в Москву следующих лиц из Польши: 1. Ивашкевича Ярослава – писателя, прозаика и поэта, председателя Союза польских писателей. 2. Адама Венявского – почетного председателя Института Шопена, директора школы им. Шопена в Варшаве (брат известного композитора и сам композитор). 3. Идзиковского Мечислава – ученого секретаря Института Шопена, нотоиздателя, сына нотоиздателя и владельца книжного магазина в Киеве, известного своими связями и знакомствами с представителями музыкального мира. Идзиковский хорошо настроен к нам и очень интересуется русской музыкой. 4. Лоренца – директора Национального музея в Варшаве, искусствоведа.

Прошу сообщить, находите ли Вы возможным поддержать мнение тов. Лебедева в этом вопросе" [1. Оп. 22. Ед.хр. 12. Л. 23]. В ответном письме заместителя председателя правления ВОКС от 28 января 1946 г. сообщалось, что "ВОКС не возражает против приглашения в СССР деятелей польской культуры, названных тов. Лебедевым. Однако было бы целесообразно пригласить в СССР делегацию Общества польско-советской дружбы в составе 10–12 человек, включающую руководителей Общества и видных деятелей демократической польской культуры. В эту делегацию могут быть включены также научные и культурные деятели, перечисленные в письме тов. Лебедева. Вопрос о персональном составе делегации должен решить тов. Лебедев" [1. Оп. 22. Ед.хр. 12. Л. 24]. Отклоняя несколько завуалированный намек на отсутствие в предполагаемом составе делегации "видных деятелей демократической польской культуры", второй секретарь советского посольства в письме от 8 февраля 1946 г. заведующему отделом славянских стран ВОКС высказывал мнение о том, что в СССР надо приглашать не только "заведомо известных наших старых открытых друзей и доброжелателей. Необходимо, чтобы поехали и люди с сомнениями и колебаниями... крупные работники искусства, ...не вызывающие недоверия с точки зрения политической благонадежности" [1. Оп. 22. Ед.хр. 12. Л. 30–31]. Адресат с этим соглашался (письмо от 20 февраля 1946 г.), вновь настаивая на том, что окончательное решение по конкретным лицам следует согласовывать с послом [1. Оп. 22. Ед.хр. 12. Л. 32]. Несколько позже посольство направляет председателю правления

³ Лебедев Виктор Захарович (1900–1968) – советский дипломат, в 1945–1951 гг. – посол СССР в Польше.

ВОКС новый вариант списка, в котором значатся: "...6. Ивашкевич Ярослав, председатель Союза литераторов, проживающий в имении Стависко, Лесная подкова, возле Варшавы... 10. Пастернак Леон... 11. Налковская София, писательница... 14. Кручковский Леон, вице-министр культуры и искусства" [1. Оп. 22. Ед.хр. 12. Л. 25–26].

Рассмотрение этого вопроса по времени совпало с формированием делегации деятелей советской культуры, которую Главное правление ОПСД приглашало "пожаловать" в Польшу и которая, как говорилось далее в этом письме, "оказала бы нам неоценимую помощь в нашей деятельности" [1. Оп. 22. Ед.хр. 12. Л. 50]. Предложение ВОКС по персональному составу делегации, в которую предлагалось включить Н. Тихонова, Ф. Панферова и М. Рыльского, было направлено на рассмотрение секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову. В итоге этих согласований для участия в конгрессе ОПСД поехал лишь Панферов – ответственный редактор журнала "Октябрь". Свои впечатления о посещении Польши (с 4 апреля 1946 г.) в соответствии с установленными тогда в СССР правилами, Панферов изложил в "докладной записке" (от 19 апреля 1946 г.), на имя секретаря ЦК ВКП(б) М.А. Суслова. Писал он и о встрече с Ивашкевичем в Варшаве, на приеме в доме Модзелевской, жены министра иностранных дел Польши. Хозяйка дома, отмечал Панферов, "долгое время жила в Москве и знает наши положительные и отрицательные стороны. Она – искренняя сторонница Советского Союза. На квартире госпожи были: 1. Ярослав Ивашкевич – руководитель Союза писателей, Кручковский – поэт, Флора Беньковская, Поляк и др.". Здесь, замечал Панферов, "чувствовалась определенная предвзятость. Даже искренние наши друзья тяготеют к Западу (Франция), из наших – к Б. Пастернаку". По его впечатлениям в польской литературе тех лет преобладали "течения... символистов, формалистов, ... одним словом, все почти так же, как у нас в годы 19–24". По признанию Панферова, он "дискутировал" с польскими собеседниками – в частности, не соглашался с ними в том, что все советские писатели находятся на службе у государства, а их произведения – официально-казачные, с тем, что "писать на современные темы сейчас невозможно": такого рода сочинения – по мнению польских писателей – должны "отлежаться в столах", с тем, что "социалистический реализм – это всеобщая гребенка" [1. Оп. 22. Ед.хр. 12. Л. 73–74]. Очень тепло высказывался Панферов о Налковской: "Расстались как будто друзьями" [1. Оп. 22. Ед.хр. 12. Л. 79]. В Лодзи он встречался с В. Броневским, М. Яструном, В. Слободником, Ст.Р. Добровольским, Л. Пастернаком. В целом впечатления Панферова "о поляках" были пронизаны уважением и симпатией к ним. Для развития отношений с деятелями польской культуры, по его заключению, нужно больше "взаимных переводов и посещений" [1. Оп. 22. Ед.хр. 12. Л. 81–82]. Однако, видимо, не все в польских впечатлениях писателя совпало с мнением чиновников, так, впоследствии секретарь посольства СССР в Варшаве с очевидным раздражением замечал, что "Панферов не сразу понял свою задачу в Польше" [1. Оп. 22. Ед.хр. 12. Л. 132].

Вопрос о приезде Ивашкевича в Москву окончательно решился к весне 1946 г., о чем секретарь советского посольства в Варшаве писал (27 апреля 1946 г.) председателю правления ВОКС: "...Наконец, я хочу сообщить Вам, что через несколько дней, я полагаю, числа 4–5 июля, в Москву прибудет председатель Союза польских писателей Ивашкевич. Со своей стороны, считаю совершенно необходимым проявить к нему максимальное внимание в полном смысле этого слова, и так, как это умеет делать ВОКС. Он этого заслуживает, прежде всего как влиятельное лицо не только в области литературы, но и в самых широких планах культуры вообще. Он уже успел побывать в Париже, к которому имеет определенную склонность, и был слегка обижен, что его не торопятся приглашать в Москву. Однако это можно будет исправить. У ВОКС'а есть для этого все возможности" [1. Оп. 22. Ед.хр. 12. Л. 93].

После возвращения из Москвы, в июле 1946 г., Ивашкевич отправил письмо Н. Тихонову, тогда – секретарю ЦСП, содержание которого неизвестно, как, к сожалению, и обстоятельства его пребывания в СССР. Что касается упоминавшихся ранее планов издания книги его избранных сочинений и постановки драмы "Лето в Ноане",

им тогда не суждено было сбыться. Показательно, например, что при обсуждении перспективного плана издания русских переводов произведений польской литературы в сентябре 1948 г., в котором участвовали представители ГИХЛ, Госиноиздата, инкомиссии ССП, ВОКС, с одной стороны, и представители посольства Польской Республики – второй секретарь Л. Погорилес и атташе по делам печати Земовит Федецкий, с другой, судя по стенограмме, имя Ивашкевича не упоминалось ни разу. Хотя, заметим, что даже значившиеся в издательских планах произведения современных авторов, например, М. Домбровской, антология современной поэзии, также тогда не увидели света, не говоря о рекомендованных польскими представителями произведениях З. Налковской, "Страстной неделе" Е. Анджеевского и др. В 40-е годы в русских переводах вышли "Бегство с баррикады в долину голода" М. Русинека, "Действительность" Е. Путрамента и "Непокоренный город" К. Брандыса. По поводу последней книги редактор ГИХЛ заявил, что "в связи с искажением действительности, допущенной автором" (с этим тезисом не согласились польские участники совещания), это произведение не могло быть издано "целиком" и что "ни одно из современных, крупных, известных" ему произведений польских авторов "целиком не может быть принято к изданию" [1. Оп. 22. Ед.хр. 76. Л. 181–183]. Молчание, установившееся вокруг Ивашкевича, было прервано Государственным музыкальным издательством, выпустившим в 1949 г. художественно-биографическую книгу писателя "Шопен" – к 100-летию со дня смерти композитора, – события, весьма широко отмечавшегося в СССР. Эта книга положила начало известности Ивашкевича в русских – сначала музыкальных, и в дальнейшем – в широких читательских кругах, как популяризатора польской музыкальной культуры. Заметим, что в канун отмечавшегося в СССР в 1947 г. 10-летия со дня смерти Кароля Шимановского, посольством Польской Республики по просьбе ВОКС были предоставлены книги о композиторе, в перечне которых на первом месте стояла "Встреча с Шимановским" Ивашкевича [1. Оп. 17. Ед.хр. 235. Л. 6] (опубликованная по-русски много лет спустя).

В 1949 г. имя Ивашкевича появляется в документах инкомиссии ССП. Так, в справке, озаглавленной "Биографические сведения о польских писателях" за подписью С. Мархлевской⁴, содержащей, в частности, информацию о Л. Кручковском, Е. Путрамента, С. Жулкевском и других, журнале "Książka" и других, характеризуются и ивашкевичевские "Nowiny Literackie": «...Литературно-художественный еженедельник. Издается в Варшаве (Маршалковская, 8). Главный редактор – известный писатель Ярослав Ивашкевич. Орган ППС. Печатает статьи по вопросам литературоведения и литературной критики. Отсутствует единое определенное направление, часто печатает сугубо эклектические статьи. Журнал уделяет большое внимание литературам других стран и почти в каждом номере помещает путевые заметки из какой-либо зарубежной страны, отражающие ее общественно-культурную и литературную жизнь. В журнале регулярно даются обзоры польских журналов. В октябрьских номерах была помещена большая статья Е. Усиевич⁵ "Философские основы ленинской эстетики". Журнал не имеет определенного лица, и читатель, не знающий состава редакции, вряд ли догадается, что это орган социалистической партии» [2. Ф. 631. Оп. 14. Ед.хр. 659. Л. 1]. Этой справке сопутствовала другая, написанная от руки: "Ярослав Ивашкевич – один из наиболее известных поэтов, новеллистов и драматургов Польши. Автор 30 томов книг. В прошлом индивидуалист, эстет, оторванный от общественной жизни" [2. Ф. 631. Оп. 14. Ед.хр. 659. Л. 5]. Автор лаконичного текста (возможно, это был М.Я. Аппетин) акцентировал внимание прежде всего на значимость Ивашкевича-писателя, а его мировоззренческие "грехи" относил к "прошлому". Подобного рода отношение к Ивашкевичу и в дальнейшем

⁴ Мархлевская Софья Юлиановна – советский литературный критик; многолетний консультант (до 1951 г.) инкомиссии ССП по литературе Польши. Дочь деятеля польского социалистического движения Юлиана Мархлевского.

⁵ Усиевич Елена Феликсовна (1893–1968) – советский критик, публицист, переводчик. Дочь деятеля польского социалистического движения Феликса Кона.

будет тяготеть над ним, отзываясь прежде всего в суждениях о его послевоенной эволюции.

Трудное "вхождение" творчества Ивашкевича в русскую культуру тех лет можно объяснить рядом причин. Вряд ли писатель, будучи в Москве в 1946 г., остался безразличным к тому, что польская литература межвоенного периода была крайне мало и избирательно представлена по-русски, в 1930-е годы – в основном произведениями "пролетарской литературы". Не исключено, что Ивашкевич интересовался судьбой польских пролетарских литераторов, эмигрировавших в СССР, а затем – репрессированных. Этим интересовались и другие польские писатели при встречах с Панферовым, Н. Тихоновым и др. Возможное обращение Ивашкевича к этим вопросам не могло быть, мягко говоря, благосклонно воспринято руководящими деятелями идеологической и культурной жизни в СССР. Не способствовало распространению творчества писателя в русском обществе и оказавшееся "зыбким" его положение председателя СПП: смена его на этом посту Л. Кручковским несомненно была учтена в соответствующих советских кругах. И вообще, тогда еще не пришло время для распространения произведений писателя в советской России, не только его одного, но и многих других писателей, и не только польских.

На "русской судьбе" творчества Ивашкевича благотворно сказались изменения в советской общественно-политической и культурной жизни в середине 50-х годов – с наступлением так называемой "оттепели". В русских газетах и журналах, в коллективных сборниках появились рассказы писателя, его статьи и стихи – самая большая их подборка в книге: "Поэты – лауреаты Народной Польши" (1954). Заметим, что проявление внимания к Ивашкевичу было в немалой степени связано с его деятельностью в качестве председателя Национального комитета защиты мира. Показательно, что первый "русский юбилей" писателя – торжественный вечер русской общественности 20 февраля 1954 г., состоявшийся по случаю его 60-летия, проводился Советским комитетом защиты мира и Славянским комитетом СССР (при участии ССП). Проходил он в помещении Комитета защиты мира под председательством Н. Тихонова, который выступил с докладом об Ивашкевиче, опубликованном в те же дни в "Литературной газете" под заголовком "С любовью к миру, с верой в человека".

"Переломным" событием в "русской судьбе" Ивашкевича стало его участие и выступление на 2-м съезде советских писателей (15–26 декабря 1954 г.), когда он второй раз – после восьмилетнего перерыва – побывал в Москве. Накануне съезда инкомиссия ССП подготовила "большую биографическую справку об Ивашкевиче – для Н. Тихонова", "обзор польской литературы" для его доклада, справки о творчестве Ивашкевича для Радиокomiteта и о других писателях – для ЦК ВКП(б) [2. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 2216. Л. 2–3. Отчет консультанта инкомиссии ССП по литературе Польши Я. Станюкович о работе в 1954 г.].

В работе съезда участвовали 67 человек из капиталистических стран и 33 человека из стран народной демократии [4. Ед.хр. 534. Л. 8, 9]. Среди них от польских литераторов, как зафиксировано в документе: «Л. Кручковский – лауреат Международной Сталинской премии "За укрепление мира между народами", лауреат польской государственной премии, председатель Союза польских писателей; Я. Ивашкевич – крупный поэт, прозаик и драматург, лауреат государственной премии, председатель Комитета защиты мира и заместитель председателя Союза польских писателей; профессор Генрик Маркевич и критик Тадеуш Древновски» [2. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 2217. Л. 2, 3. Отчет консультанта по литературе Польши Я.В. Станюкович о работе с польскими писателями – гостями 2-го съезда ССП с 13 по 27 декабря 1954 г.]. По свидетельству очевидца, польским участникам съезда понравились выступления Б. Полевого, а также доклад К. Симонова, в котором, по их высказываниям, был "поднят ряд интересных проблем" и предложено "их исчерпывающее решение" [2. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 2217. Л. 3, 3 об., 4 об.–5]. В то же время они критически отнеслись к тому, что говорил Н. Тихонов о литературе стран народной демократии, о польской, в частности. В его докладе "Современная прогрессивная литература мира"

"обоймами" – в связке с писателями других социалистических стран – перечислялись имена более двух десятков польских авторов. Их произведения подбирались по тематическому принципу – посвященные современному строительству, "жизни рабочего" или "недавнему прошлому", "идее интернационализма" или "борьбе с пережитками" и т.д. В своем выступлении Ивашкевич отметил абстрактность призыва Тихонова больше знакомиться друг с другом, читать книги, созданные писателями других стран, поскольку они не переводятся в СССР. "...Большинство из произведений современной польской литературы, о которых говорилось в докладе, – отмечал Ивашкевич, – незнакомо советскому читателю, ... не говоря уже о произведениях других авторов, не упомянутых в докладе, – таких как М. Домбровская, З. Налковская, М. Яструн и многие, многие другие. Зато, – продолжал он, – переводятся книги, художественный уровень которых не может дать советскому читателю должного представления о нашей современной литературе" [5]. Стремясь противостоять создававшемуся ущербному образу современной литературы своей страны, Ивашкевич апеллировал к истории польской литературы, называл имена ее великих представителей, говорил об их связи и дружбе с русскими писателями.

Тем, как были представлены в упоминаемом докладе литературы стран народной демократии, неудовлетворенными оказались и обсуждали это в кулуарах съезда, в частности, гости из Югославии [4. Ед.хр. 536. Л. 55–77]. Но выступление Ивашкевича стало одним из примечательных фактов и на съезде, и в истории связей писателя с русской культурой. Он был единственным среди ораторов, в том числе и зарубежных, кто публично высказался критически о фактическом состоянии русско-польских литературных связей. Это имело принципиальное значение для их последующего развития. В отчете официальных партийных наблюдателей об этом съезде, направленном в ЦК ВКП(б), после высокой, в целом, его оценки, кратко сообщалось: "Вместе с тем, иностранные гости выразили ряд критических замечаний о работе съезда. Не совсем удовлетворили иностранных делегатов съезда доклады ... (авторы которых. – Т.А.) ... не смогли всесторонне осветить проблемы развития советской и прогрессивной зарубежной литературы" [4. Ед.хр. 534. Л. 11]. Имя Ивашкевича ни в этом контексте, ни в числе "крупнейших художников слова" упомянуто не было (из представителей стран народной демократии были названы М. Садовяну, М. Майерова и А. Зегерс) [4. Ед.хр. 534. Л. 9].

Во время пребывания в Москве (24 декабря 1954 г.) Ивашкевич вместе с профессором Г. Маркевичем и Т. Древновским были на приеме у ректора МГУ И.С. Галкина, устроенном в честь писателей зарубежных славянских стран. В этой встрече участвовали преподаватели и студенты славянской кафедры филологического факультета МГУ, сотрудники и аспиранты Института славяноведения АН СССР. Выступивший перед ними Ивашкевич, в частности, очень взволнованно говорил о Налковской (скончавшейся 17 декабря того же года), как о "великой писательнице", и сожалел об отсутствии русских переводов многих значительных ее произведений.

В дни съезда Ивашкевич познакомился с русскими писателями, переводчиками, критиками, в том числе с И. Андронниковым, В. Ардовым, А. Беком, М. Павловой, Т. Мотылевой, В. Арцимовичем и др. [2. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 2217. Л. 2, 5 об.]. По свидетельству консультанта инкомиссии ССП московские впечатления Ивашкевича во многом были приятными, радостными, теплыми. Но несомненно также и то, что он обостренно, "близко к сердцу" воспринимал отношение здесь к Польше, к польской литературе и лично к нему самому. Видимо, именно это имел в виду автор записи, сделанной по непосредственным впечатлениям: 25 декабря 1954 г. "вечером писатели (за исключением заболевшего Л. Кручковского – Т.А.) были на закрытии съезда в зале заседаний Кремлевского дворца, а позднее на приеме в честь иностранных писателей. Ярослав Ивашкевич был полностью удовлетворен тем, что сидел за почетным столом, что Польшу назвали в первом десятке стран, что многие писатели приветливо и дружелюбно говорили с ним. Пишу об этом потому, что он был очень

обижен, когда его не пригласили в президиум во время торжественной церемонии вручения Международной Сталинской премии мира Николасу Гильену. Вечер в Кремле и дружелюбное обращение многих писателей (А. Фадеев, К. Федин, Б. Полевой, Н. Тихонов) сгладили это плохое впечатление и оставили у него иное впечатление, чем было до тех пор" [2. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 2217. Л. 6–6 об.].

Будучи в Москве, Ивашкевич максимально воспользовался культурной программой, предлагавшейся участникам съезда. Он посмотрел спектакли в Малом и Художественном театрах: "Лес" А.Н. Островского, "Три сестры" А.П. Чехова, "Воскресенье" Л.Н. Толстого. Они ему понравились, но будучи искушенным театралом он между прочим заметил: «Театр напрасно не разнообразит реквизит. В "Трех сестрах" и в "Воскресенье" в МХАТ выставляют один и тот же фикус и самовар, что, естественно, бросается в глаза свежему зрителю». Вместе со всеми членами делегации писатель смотрел в Театре имени Революции (Театр им. Маяковского) "Гамлета" Шекспира, постановка которого "чрезвычайно понравилась", в Театре сатиры – вместе с Т. Древновским "Баню" Маяковского, спектакль, "от которого они были в полном восторге, в разговорах неоднократно возвращались к воспоминаниям" о нем, считали, «Что "Баня" – лучший спектакль в Москве». "В совершенном восторге" остались польские писатели от Музея изобразительного искусства им. А.С. Пушкина [2. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 2217. Л. 2, 3 об., 4, 5–5 об.].

Выступление Ивашкевича на 2-м съезде советских писателей, а затем избрание его в 1955 г. председателем СПП (на этом посту он находился в 1955–1956 гг.), заметно повысили интерес к нему в русских литературных кругах. В период между 2-м и 3-м (1959) съездами имя Ивашкевича как одного из значительных представителей польской литературы, все чаще стало появляться на страницах общественно-литературной печати, а художественное творчество постепенно становилось доступным русским читателям.

Первостепенную роль в популяризации творчества Ивашкевича сыграли в те годы журнал "Иностранная литература" и московское Издательство иностранной литературы, где вышел первый сборник русских переводов произведений писателя – "Рассказы" (1958), что, как признавался Ивашкевич в кратком предисловии к нему, его очень порадовало. Авторы рецензий на эту книгу, среди которых был и Ю. Олеша, с энтузиазмом отметили состоявшееся знакомство русского читателя с творчеством писателя [6; 3. С. 234]. Журнал "Иностранная литература" уделял творчеству Ивашкевича постоянное внимание: на его страницах публиковались рассказы писателя, к нему обращались с приглашением участвовать в разного рода анкетах, интересовались его планами. Имя Ивашкевича стояло в ряду крупнейших деятелей мировой культуры, к которым журнал – от имени деятелей советской культуры – обращался с призывом поддержать решение Верховного Совета СССР о прекращении испытаний атомного оружия [2. Ф. 1573. Оп. 1. Ед.хр. 118. Л. 85]. Оно приводилось в "фактической справке" главного редактора журнала А. Чаковского, направленной 29 марта 1957 г. в Президиум Верховного Совета СССР – среди имен других деятелей мировой культуры, чьи произведения печатались на страницах "Иностранной литературы" [2. Ф. 1573. Оп. 1. Ед.хр. 74. Л. 130; Ед.хр. 52. Л. 130]. Интерес, проявляемый журналом к Ивашкевичу, запечатлен в письмах сотрудников редакции о нем и к нему самому. Так, заведующая отделом критики журнала Р. Орлова писала, адресуясь к "Тов. Лисовскому":

«15 сентября 1956 г.

Дорогой друг,

Как Вы помните, мы с Вами условились в Варшаве, что Вы напишите для журнала "Иностранная литература" монографическую статью о творчестве Ярослава Ивашкевича. Условленные нами сроки прошли, поэтому я и напоминаю о Вашем обещании. Такая статья нам очень нужна – надеюсь, что Вы не подведете... Напишите,

когда мы получим Вашу статью» [2. Ф. 1573. Оп. 1. Ед.хр. 52. Л. 36. Машинописная копия]⁶.

Весной 1957 г. А. Чаковский обратился к Ивашкевичу, а также к К. Брандысу, В. Броневскому, Л. Кручковскому и Б. Чешко с приглашением откликнуться на 40-летнюю годовщину Октябрьской революции. Чаковский, в частности, писал: "...Просьба выбрать, с каким произведением Вы хотели бы в данном случае выступить. Речь может идти о стихотворении, рассказе, цельном отрывке из какого-либо крупного произведения, историко-литературных мемуарах, страничке воспоминаний и т.д.

Просим вместе с тем учесть, что присланные Вами произведения предназначены к помещению в номере, выпуск которого специально приурочен к торжественной дате, имеющей особое значение" [2. Ф. 1973. Оп. 1. Ед.хр. 100. Л. 43. Машинописная копия; Л. 37].

Как и обычно, Ивашкевич тотчас ответил по получении письма:

«Стависко. 16 мая 1957.

Дорогой товарищ Чаковский!

Я, конечно, с большой радостью приму участие в номере "Иностранной литературы", посвященной годовщине Великой Октябрьской революции. В ближайшее время я постараюсь послать Вам небольшой отрывок прозы для помещения в этом номере. Считаете ли Вы необходимым, чтобы этот отрывок был связан формально с революционными событиями или может он носить "отвлеченный характер"?

Спасибо за помещение моего рассказа "Из страны папуасов" в превосходном переводе. Я очень рад, что это рассказ, до такой степени связанный с русской культурой, станет известен русскому читателю. Я думаю, что он вызовет кое-какие отклики.

С сердечным приветом

Ярослав Ивашкевич» [2. Ф. 1573. Оп. 1.

Ед.хр. 100. Л. 30]. (Написано собственноручно Ивашкевичем по-русски, на личном бланке писателя.)

Следующее письмо – ответ Ивашкевича Чаковскому на его приглашение участвовать в международной анкете журнала, содержащей два основных вопроса: над чем работает писатель сейчас и каковы планы на будущее. Ответу на вопросы журнала предшествовало коротенькое вступление, не предназначавшееся для публикации:

"Стависко. 27 февраля 1958.

Дорогой товарищ Чаковский!

Посылаю Вам спешно ответ на Вашу анкету. Ответ, конечно, интересного не приносит, но мне никак не приходит в голову, что можно Вам сказать интересного. Причем я очень не люблю говорить на темы моего писательства.

Жму Вашу руку.

Ярослав Ивашкевич" [2. Ф. 1573. оп. 1. Ед.хр.

141. Л. 92]. (Написано Ивашкевичем собственноручно, по-русски.)

Ответ писателя непосредственно на вопросы анкеты мы воспроизводим в его оригинальной версии, без редакционной правки и устранения полонизмов, как и во всех других случаях:

«В настоящее время я работаю над третьим томом моего большого романа "Хвала и слава". Первый том этого произведения появился в 1956 году и был оговорен в

⁶ Р.Д. Орлова побывала в Польше в 1956 г. и лично познакомилась там с рядом крупнейших польских писателей.

"Иностранной литературе". Второй выходит на-днях. Третий, к сожалению, находится еще в виде эскизов и набросков. Когда я его кончу? Не знаю.

В этом томе помещаются и все мои "творческие планы". Я мечтаю, чтобы возможно скорее окончить писание этого романа, которое длится более двадцати лет. Впрочем, нет. У меня есть еще кое-какие планы. Касаются они театра. Мне мерещится какая-то пьеса – но ее обдумывание еще совсем не окончено... Я и не хочу больше об этом (одно слово в тексте неразборчиво. – Т.А.). Чтобы не сглазить. Писатели ведь народ предрассудочный...

Ярослав Ивашкевич» [2. Ф. 1573. Оп. 1. Ед.хр.

141. Л. 93]. (Написано Ивашкевичем собственноручно, по-русски. Отточия в тексте сделаны им самим.)

Очередное приглашение "Иностранной литературы" сотрудничать и дальше с журналом, Ивашкевич, как явствует из нижепубликуемого письма, воспринимал с удовольствием.

«Стависко. 23 марта 1959.

Дорогие друзья!

Я получил Ваше письмо от 12 с.м. и очень благодарен за предложение сотрудничать в Вашем журнале. Я очень хотел бы принять участие в Вашей работе, но, к сожалению, я очень занят одним только делом: я заканчиваю, лучше сказать, я в полном разгаре над третьим томом моего романа "Хвала и слава". Я так увлечен этой работой, что не думаю, буду ли писать другое – но, конечно, у меня еще много есть из моих произведений, что не знакомо советскому читателю, и что может показаться Вам пригодным для "Иностранной литературы". Я всегда буду очень рад видеть мое имя на страницах Вашего журнала.

Желаю Вам лучших успехов и присоединяю мой искренний привет.

Ярослав Ивашкевич» [2. Ф. 1573. Оп. 1. Ед.хр. 182.

Л. 86]. (На личном бланке Ивашкевича написано им собственноручно, по-русски.)

По приглашению ССП Ивашкевич участвовал в работе 3-го съезда советских писателей (18–23 мая 1959 г.), которому предшествовала подготовка информационных материалов – "справок", составивших целый блок, озаглавленный "Биографические сведения о зарубежных писателях стран народной демократии – гостях 3-го съезда советских писателей. 1959". Они, видимо, предназначались как для "высоких" партийно-политических инстанций, так и для участников съезда – советских писателей. В справках особенно выпукло было представлено "общественное лицо" писателей. То, что касалось Ивашкевича, приводим с некоторыми сокращениями:

"Ярослав Ивашкевич. Объективная справка.

Преодолевая традиции индивидуалистического буржуазного искусства, которые ощущались в его ранних произведениях, писатель активно участвует в создании новой литературы народной Польши. Широко развивается публицистическая деятельность Ивашкевича, посвященная защите мира во всем мире..." Несколько лет он был "председателем Польского комитета защиты мира (до 1958 г.), член Всемирного Совета мира, принимал участие в ряде международных конгрессов борцов за мир, в частности, в чрезвычайной сессии Всемирного Совета мира в Берлине (июль 1952 г.) и в Конгрессе народов в защиту мира (декабрь 1952 г.). Является депутатом сейма.

Государственные премии 1952 и 1955 гг.

В 1946 г. посетил Советский Союз.

Хорошо знает русскую литературу" [2. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 78. Л. 25–26].

Заметим, что в справке не упомянуто участие Ивашкевича во 2-м съезде советских писателей и соответственно – посещение им Советского Союза в 1954 г.

Ивашкевич, незадолго до этого вновь избранный председателем СПП, приехал на 3-й съезд советских писателей в качестве руководителя польской делегации, в кото-

рую входили Л. Кручковский, Е. Путрамент, Е. Завейский, Е. Брошкевич, Ч. Центкевич и З. Федецкий. Их встречали (17 мая) председатель ССП Г. Марков, секретарь правления К. Воронков, а также М. Рыльский, И. Сельвинский, К. Зелинский, Д. Самойлов, А. Марьямов и др. За несколько дней пребывания в Москве (Ивашкевич и Путрамент отбыли из Москвы в Варшаву утром 24 мая, а остальная часть делегации пробыла в СССР до 30 мая) круг писателей, с которыми непосредственно общался Ивашкевич, значительно расширился. Кроме ранее упомянутых, это были К. Сионов, С. Кирсанов, С. Смирнов, С. Дангулов и др. В отчете консуланта инкомиссии ССП В. Борисова о работе с польской делегацией на съезде отражены некоторые интересные моменты, характеризующие, в частности, позицию Ивашкевича, его отношение к событиям съезда и пр. Ивашкевич приветствовал участников съезда по-польски, а произносил речь на русском языке. Это было на утреннем заседании 19 мая [7] и в тот же день он завизировал текст своего выступления для публикации в "Литературной газете" – «особо, – пишет Борисов, подчеркнув слова о "независимости творческой мысли", Ивашкевич был крайне удивлен и явно недоволен, когда оказалось, что из текста его выступления, напечатанного в "Литературной газете", исключены именно эти слова. Он сказал, что "так порядочные люди не делают" и заявил, что завтра же опубликует полный текст своего выступления на съезде в газете "Жице Варшавы"» [2. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 2278. Л. 1]. Действительно, текст выступления опубликован в этой газете 20 мая 1959 г. Польские литераторы позитивно восприняли доклады А. Твардовского, К. Зелинского, С. Кирсанова и критически – за исключением Путрамента и Кручковского – некоторые тезисы доклада Б. Полевого. «Особенно остро реагировал Я. Ивашкевич, заявив, что в речи Полевого полно "преувеличений и неточностей" (вот его замечания: "О Польше все преувеличено", "Марек Хласко – слишком мелкая сошка, чтобы о нем говорить на съезде", "Чосич не был с фашистами в Будапеште", "Югослав не выступал у нас на съезде"; о Фасте: "Выходит, когда Фаст был коммунистом – писал хорошо, и наоборот", "Курцио Малапарте умер на лоне католической церкви, а не коммунистом". Ивашкевич добавил, что об этом будет напечатана весьма убедительная статья в одном из ближайших номеров журнала "Твурчость"»⁷ [2. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 2278. Л. 2]. Определенная запальчивость Ивашкевича, как представляется, была вызвана следующим. На страницах советской, в том числе русской литературной печати, осенью 1956 г. началась и в 1957–1959 гг. активизировалась полемика с "ревизионизмом". Ее участники в своих выступлениях преимущественно упоминали произведения югославских и польских писателей, и чаще других М. Хласко, как своего рода самодостаточный знак негативных, по мнению авторов таких публикаций, процессов, происходивших тогда в польской литературе. И высказывания Ивашкевича были протестом против обуженной и тенденциозной интерпретации польской литературы. 23 мая после заключительного заседания съезда польская делегация присутствовала на приеме в Кремле, где, писал В. Борисов, "сильное впечатление произвела на гостей речь товарища Хрущева. С волнением рассказывал о беседе с Хрущевым Я. Ивашкевич" [2. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 2278. Л. 3].

В дни работы съезда Ивашкевич встречался с руководителями инкомиссии ССП, Издательства иностранной литературы, с редколлегиями "Литературной газеты" и журнала "Иностранная литература", выступал на открытии выставки польской книги в Доме ученых. Основной темой встреч и выступлений Ивашкевича были вопросы двустороннего культурного сотрудничества, новые произведения польской литературы и их переводы на русский язык. Польские писатели рекомендовали для переводов в том числе произведения С. Дыгата, А. Рудницкого, Ст. Ружевица, В. Шимборской, Ст.Е. Леца, С. Мрожежа, Е. Анджеевского [2. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 2278. Л. 2–3]. В дальнейшем частично эти рекомендации были учтены русскими переводчиками и издательствами. Вечером 22 мая польские гости съезда участвовали в

⁷ Заметим, что Курцио Малапарте незадолго до своей смерти в 1957 г., вступил в компартию.

ставшей традиционной встрече со студентами и преподавателями МГУ и польским активом инкомиссии ССП – в ректорате МГУ [2. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 2278. Л. 3].

Последующие – 1960–1970-е годы – были периодом наиболее активных русских контактов писателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5283.
2. Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
3. *Агапкина Т.П.* Ярослав Ивашкевич и советская культура (1940–1980-е годы) // "Studia Polonia". М., 1992. С. 230–231.
4. Центр хранения современной документации (ЦХСД). Ф. 5. Оп. 17. Ролик 5731.
5. Второй Всесоюзный съезд писателей (15–26 декабря 1954 г.). Стенографический отчет. М., 1956. С. 553.
6. Письмо Я. Ивашкевича Я.В. Станюкович // Воспоминания о Ярославе Ивашкевиче / Сост. В. Борисова. М., 1987. С. 128.
7. Съезд писателей СССР. 3-й. Москва, 1959. Стенографический отчет. М., 1960.

© 2001 г. Г.НЕВЕКЛОВСКИЙ

ЯЗЫКОВОЕ СОСТОЯНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ БЫВШЕГО СЕРБСКОХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА

1. ВВЕДЕНИЕ

Южнославянские языки образуют непрерывную цепь говоров от Караванк на южной границе Австрии со Словенией до болгарского Черного моря, причем соседние говоры всегда понятны друг другу. Поэтому резких границ между южнославянскими языками нет. На этой территории условные границы между языками всегда определяются внеморфологическими факторами. Они зависят от политических условий, а это означает, что они могут меняться в будущем, что могут возникать новые языки. До недавнего времени существовало четыре таких языка: словенский, сербскохорватский (с двумя вариантами), македонский и болгарский. Как известно, это было не бесспорно, если сравнивать варианты сербскохорватского языка и положение / статус македонского языка. (В дальнейшем изложении автор использует работы: [1–3].)

Первый литературный язык, возникший на условной территории сербскохорватского языка, был старославянский (староцерковнославянский), который постепенно приспособлялся к народному языку. Таким образом возникали разные редакции старославянского языка. У хорватов и боснийцев в средние века очень рано вместе со старославянским стал употребляться народный язык, в то время как у сербов он имел гораздо меньшее влияние. Употреблялись два письма: глаголическое и кириллическое. Оба письма сосуществовали друг с другом. Вскоре кириллический алфавит стал преобладающим на большей части территории, и только в небольшой области центром на Кварнерских островах глаголическое письмо удерживалось вплоть до XX в. Начиная с XIV в. у хорватов стал употребляться латинский алфавит. Тогда как церковнославянская письменность у сербов непрерывно продолжалась до XVIII в., у хорватов существовал целый ряд региональных языков на чакавской, кайкавской и штокавской основе. Политически южнославянские территории были поделены между Австрией, Венгрией, республикой Венецией и Турецкой империей.

После "большой миграции" (*велика сеоба*) 1690 г. условия для культурной жизни сербов существовали только в южной Венгрии (в Воеводине). Неудовлетворительная ситуация с книгопечатанием на кириллице заставила сербов искать помощи у русского царя Петра I. В 1726 г. в южную Венгрию приехали русские учителя со своими книгами, и с тех пор сербы начали пользоваться русским и церковнославянским языком, который они стали называть "рускословенски". Сербская православная церковь

сохраняла церковнославянский язык русской редакции с фонетическими приспособлениями, которыми она пользуется в литургических целях до сегодняшнего дня. Однако русский язык в качестве литературного языка сербов держался только до 60-х годов XVIII в., когда стал развиваться новый так называемый "славяносербский" (*славеносрпски*) литературный язык: смесь русских, церковнославянских и сербских народных элементов. Первый, кто выступил против этого произвольного языка, был сербский просветитель Досифей Обрадович, который написал на сербском народном языке свою автобиографию ("Живот и приключения". Лейпциг, 1783). Все-таки в области лексики и словообразования он не мог обойтись без многочисленных заимствований из русского. Дальнейшее развитие определялось Вуком Караджичем, который после неудачного сербского восстания против турок в 1813 г. бежал в Вену, где под влиянием Эрнея Копитара, цензора славянских книг австрийской императорской библиотеки, стал развивать простой сербский народный язык в качестве литературного языка. Однако его идеи встретили сопротивление. Таким образом, реформа В. Караджича была проведена в Сербии только после его смерти в 1866 г.

В центре кайкавской Хорватии, в Загребе, развивался кайкавский литературный язык, который образовался в XVI в. произведениями Ивана Пергошича и Антона Врамца. Однако в 30-х годах XIX в. в Загребе возникло "Иллирийское движение" с требованием единого южнославянского языка, на роль которого выдвигался штокавский диалект, так что до 70-х годов существовали одновременно два литературных языка.

Принятие штокавского диалекта в качестве литературного языка хорватов можно объяснить как защитную реакцию против властей в Вене и Будапеште. Хорваты, которые жили в разных провинциях Австро-Венгерской монархии и Турецкой империи, объединялись таким образом хотя бы в языковом отношении и объединялись именно с сербами. Конечно, победа "Иллирийского движения" не разумелась сама собою. Наряду со сторонниками кайкавского литературного языка были также сторонники других вариантов штокавского диалекта.

Хотя в 1850 г. был заключен так называемый "Венский договор" о едином языке сербов и хорватов, штокавский вариант победил у хорватов к концу XIX в. с изданием "Хорватской орфографии" ("*Hrvatski pravopis*", 1892.) Ивана Броза, грамматики Фомы Маретича ("*Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika*", 1899) и словаря Франя Ивековича и Ивана Броза ("*Rječnik hrvatskoga jezika*", 1901).

В связи с оккупацией Боснии и Герцеговины Австро-Венгерской монархией в 1878 г., после Берлинского конгресса, власти должны были обсуждать также и языковые вопросы. Реформы Вука Караджича были с легкостью приняты. Спорно стало название языка. Сначала ввели термин "хорватский язык", но вскоре вынуждены были его заменить, потому что его поддерживала лишь меньшая часть населения. Затем ввели термин "боснийский язык" (в 1890 г. в Сараево вышла "*Gramatika bosanskoga jezika*"), который должен был внести определенный вклад в боснийское национальное чувство. Впрочем, Ватрослав Ягич поддержал термин "боснийский язык" в журнале "Бошњак" за 1896 г. (см.: [4. S. 157–159]). Однако в 1907 г. правительство опять его изменило, на этот раз на термин "сербскохорватский".

В конце Первой мировой войны было основано Королевство сербов, хорватов и словенцев (*Краљевина СХС*). С 1929 г., со времени диктатуры короля Александра, и даже раньше, начались унифицирующие тенденции в сербскохорватском языке, с очевидным предпочтением сербского варианта, например, в армии. Лауреат Нобелевской премии Иво Андрич перешел с екавского произношения на экавское, что можно считать признаком торжества югославской идеи. Энтузиазм хорватов по поводу создания единого языка продолжался до тех пор, пока не была получена политическая независимость. Потом начались конфликты.

Во время Независимого государства Хорватия (*НДХ*) была введена морфонологическая орфография (*korienski pravopis*). Законы и постановления обеспечивали чистоту хорватского языка и запрещение кириллического письма (ср.: [5. S. 71–76]).

Конец Второй мировой войны принес с собой лозунг "братство и единство" всех югославских народов и меньшинств. В 1954 г. был заключен договор между сербскими и хорватскими языковедами в Новом Саде, по которому язык сербов, хорватов и черногорцев становился единым (о боснийских мусульманах тогда вообще не говорили). В официальном употреблении необходимо было называть оба термина в названии языка: сербский и хорватский (сербскохорватский, хорваткосербский, сербский или хорватский). В грамматической терминологии шли на компромиссы, например, *зарез* (не *занета*), *тачка* (не *точка*). Соответствующие пособия вышли в 1960-м году: "Правопис српскохрватског језика". Новый Сад (экавский), и "Pravopis hrvatskosrpskog jezika". Загреб (экавский).

Распад сербскохорватского языка и основание новых национальных языков происходили постепенно. В действительности речь шла о преобразовании существующих вариантов в новые стандартные языки после деклараций независимости Хорватии и Боснии и Герцеговины. Однако этот процесс начался много раньше. В 1967 г. хорватские деятели культуры подписали известную "Декларацию" ("Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika") (текст в: [6. S. 25–29; 7. S. 23–26]). Тем не менее хорваты не были вполне удовлетворены, потому что в некоторых сферах публичной жизни предпочитался сербский вариант, например, в армии, на железной дороге, воздушном транспорте и пр. Группа сербских писателей ответила на декларацию "Предлогом за размиšљање". Это была политическая критика с упреком в стремлении отделиться. Оба документа были осуждены Союзом коммунистов Боснии и Герцеговины как националистические [8. S. 238–241].

Планировался шеститомный словарь, над которым работали Матица хорватская и Матица сербская, но Матица хорватская отказалась участвовать в нем, так что вышел только сербский вариант ("Речник српскохрватског књижевног језика". Нови Сад, 1967–1976).

В 1974 г. была пересмотрена югославская конституция: отдельным республикам и двум автономным областям (Косово и Воеводина) дали далеко идущую автономию. Тогда в Хорватии ввели термин "хорватский литературный язык" (*хрватски књижевни језик*), который сербское меньшинство не захотело принять.

После распада Югославии в каждой республике вступили в силу свои законы о языке: в новой конституции Сербии еще в 1990 г. находим термин "сербскохорватский язык"; кириллическое письмо является письмом документов, употребление латинской графики регулируется законом. В конституции федеративной республики Югославия 1992 г. написано, что официальным языком является сербский, экавского и екавского произношения, причем официальный алфавит – кириллический. В том же году вступила в силу конституция Черногории, где официальным языком объявлялся сербский язык екавского произношения [9. S. 29–30] (ср.: [10. S. 1407–1411]).

Новая хорватская конституция вступила в силу к концу 1990 г. В ней написано, что Хорватия – национальное государство хорватов и других народов и меньшинств, живущих в ней. В официальном употреблении – латинский алфавит. Этим документом равноправие языков и алфавитов было устранено [11].

В соответствии с конституцией Боснии и Герцеговины 1993 г. в Боснии употребляется сербскохорватский или хорваткосербский язык екавского произношения, причем оба алфавита равноправны. Однако вскоре текст был изменен следующим образом: "В Боснии и Герцеговине употребляются боснийский, сербский и хорватский языки". Но так как Босния в действительности состоит из двух государств, можно ожидать, что в Сербской республике ситуация немного иная. В конституции Сербской республики 1992 г. записано, что там употребляется сербский язык екавского и экавского произношения и кириллическое письмо. Практически Республика српска с 1993 г. переходила на экавское произношение во всех средствах информации, тогда как в школах оба произношения были равноправны. Недавно, в 1998 г., Сербская республика вернулась к первоначальному экавскому произношению.

2. СЕРБСКИЙ И ХОРВАТСКИЙ ВАРИАНТЫ

Во время долгого схождения сербского и хорватского языков, которое продолжалось более ста лет, они интенсивно обменивались словами и выражениями, причем сербские слова заимствовались в хорватский чаще, чем хорватские в сербский. В послевоенной Югославии развивалась совместная политическая и экономическая терминология. С другой стороны планировавшиеся терминологические комиссии не состоялись. У большинства народов национальное самосознание определяется по языку. Однако на территории сербскохорватского языка мы имеем дело с разными народами, которые говорят на одном и том же языке (в смысле диасистемы). Брозович предлагает для этого языка название "среднеюжнославянский" [12. S. 163]. Происходило усугубление существующих различий: разные народы должны говорить на разных языках. В сербском и хорватском вариантах языка мы находим самое большое число различий в словарном запасе, тогда как различия в фонетике, морфологии и синтаксисе немногочисленны и тенденциозны. Мы хотели бы обсудить некоторые различия.

2.1. Екавское и экавское произношение

В хорватском стандарте употребляется только екавское произношение со своими особенностями (ије, је, и, е), например, *dijete, djeca, mjera*, род. п. мн. ч. *mjêrâ, vidijeti, vidjêši, vidio, mreža* "сеть", *ogrjev* "топливо". Эти примеры, однако, не исключительно хорватские, эти слова употребляются также в сербском языке Хорватии, Боснии и Герцеговины и Черногории, в то время как в Сербии употребляется экавское произношение: *dete, deca, mera, videti, видевиши, видео, mreжа, огрев*. Новые правила сербской орфографии подчеркивают, что в сербском языке существует двойное произношение старого "ѣ" (например, [13; 14]), хотя есть тенденция к единому произношению.

2.2. Ударение

В обоих вариантах система ударения в основном одинакова, различаются краткие и длинные гласные, восходящее и нисходящее ударение с известными ограничениями. Все же есть некоторые различия, например, *zòvêto : зовéмо, žèlîto : желíмо*. В хорватском варианте более чем в сербском, принято переносить ударение на предлог, например, *zà mene : за мéне њ Вéс : у Бéч*. Дистрибутивное правило, что нисходящее ударение не осуществляется внутри слова, в хорватском варианте чаще нарушается в следующих двух типах: род. п. мн. ч. *Dalmatínacâ (Dalmâtîncâ)*, им. п. *Dalmatínac, televîzija (telèvîzija), kontinuitet (kontinuitèt)*.

2.3. Фонема /x/

Тогда как /x/ в хорватском языке сохраняется во всех позициях, в сербском языке оно переходит во многих случаях в /v/ или /j/. Примеры из Орфографии 1995 (С. 72.). *мува/муха, бува/буха* "блоха", *гравати* "сильно стучать, греметь", *кувати, кувар, протува* "жулик, авантюрист", *дуван* "табак", *уво* "ухо", *сув* "сухой" и т.д.; только /x/: *рухо* "одежда", *ухода* "шпион", *слух, дух, крух* "хлеб", *трбух* "живот"; /x/ не допускается в примерах типа *[x]рђа* "ржавчина", *[x]рвати се* "бороться".

2.4. Греческие и латинские заимствования

В сербском языке международные слова заимствуются чаще из греческого языка, в хорватском – из латыни, или греческие слова заимствуются через другие языки. Следовательно, заимствования могут отражать фонетику данных языков-посред-

ников, например, *Византија* *Bizantiја*, *Аврам* – *Abraham*, *океан* – *ocean*, *хирург* – *kirurg*, *демократија* – *demokracija*.

2.5. Морфологија

В хорватском языке имена числительные чаще склоняются, чем в сербском; в последнем можно говорить только о тенденции. Примеры: *iz dviju zemalja* : *из две земље*, *s trima ženama* : *с три жене*. Только в хорватском языке существует тип *Frane-e*, *Mare-e*.

Есть разница в употреблении определенного и неопределенного вида имени прилагательного, например, по-хорватски: *u Andrićevu djelu*, по-сербски: *у Андрићевом делу*. Некоторые имена существительные принадлежат к различным грамматическим родам, например, *osnova* : *основ*, *minuta* : *минут*, *arhiv* : *архива*, *prtljaga* : *пртљаг* и т.д.

2.6. Словообразование

У сербов некоторые названия деятеля (*nomina agentis*) образуются с помощью форманта *-иста*, у хорватов – форманта *-ист*, например, *слависта* : *slavist*, *русиста* : *rusist*, *бициклиста* : *biciklist* и т.д., существительные женского рода, образованные от соответствующих имен существительных мужского рода у сербов скорее имеют суффиксы *-ка*, *-киња*, у хорватов *-ица*, например, *професорка* : *profesorica*, *студенткиња* : *studentica*. Уменьшительные имена существительные в сербском языке скорее образуются с помощью суффикса *-че*, в хорватском языке – с суффиксом *-чић* : *унуче* : *уничћ*, *каменче* : *каменчић*. Собираемые имена числительные образуются у сербов формантом *-оро*, у хорватов – *-его* (*петоро* : *petero*).

Интересна тройная возможность образования глаголов (на *-ирати*, *-исати*, *-овати*) в сербском языке, тогда как в хорватском соответствующие глаголы образуются только с суффиксом *-ирати* (*телефонирати* / *telefonirati*, *интервјуисати* : *intervjuirati*, *протестовати* : *protestirati*).

3. Сербский язык

Читая сербские газеты, мы могли бы заключить, что сербский язык не сильно изменился в течение последних нескольких лет. Однако это не совсем верно, изменения есть. С другой стороны, изменения в хорватском, боснийском и черногорском "языках" гораздо более явны.

Существование в рамках одного государства привело к сближению двух вариантов языка и к лексическому взаимопроникновению в обоих направлениях. Однако влияние сербской лексики на хорватскую оказалось больше, чем обратное. Сербский язык был всегда открытым, он легко принимал и принимает заимствования. По Клайну [15. С. 39–41] сербскую заимствованную лексику можно разделить на несколько категорий: 1) слова хорватского происхождения, которые теперь совсем потеряли признак "хорватский", например, *бројка* "цифра", *исход*, *учинак* "(воз)действие", *уређај* "оборудование", *течај* "курс", *допуст* "отпуск", *возило* "перевозочное средство", *здравство*, *поузеће* "наложенный платеж", *потрага* "преследование" и т.д.; 2) слова, имеющие неопределенный хорватский признак (*неодређени хрватски призвук*), но часто употребляющиеся сербами; обычно они имеют сербские синонимы: *мучнина* : *гађење* "брезгливость", *упала* : *запаљење* "воспаление", *назоб* : *прехлада* "простуда", *расвета* : *осветљење* "освещение", *пригода* : *прилика* "(удобный) случай" *туђица* : *страна реч* "иностранное слово", *посуда* : *суд* "сосуд", *одгој* : *васпитање*, *ступањ* : *степен* "градус", *дојам* : *утисак* "впечатление", *постотак* : *процент*, и т.д.; к этой группе слов принадлежат грамматические термины, такие как *зарез* "запятая", *везник*

"союз", *творба речи* "словообразование", которые приняты новосадской орфографической комиссией в 1954 г. и заменили сербские термины *занета*, *свеза*, *грађење речи*; 3) слова хорватского происхождения, которые изредка употребляются у сербов, например, *разина* "уровень", *текућина* "жидкость", *урота* "заговор", *натукница* (: *одредница*) "заглавное слово", *становит* "определенный", *непатворен* "неподдельный", *осебујан* (: *особит*) "особенный", *двојити* (: *сумњати*) "сомневаться", *недвојбено* (: *несумњиво*) "несомненно", *дуљити* "удлинять", *посудити* "ссудить", *надоместити* "заменять", *понукаати* "подтолкнуть", *изнимно* (: *изузетно*) "исключительно" и т.д.

С другой стороны, есть хорватские слова, которые никогда не употребляются в сербском языке, например, *juha* (: *суна*, *чорба*) "суп", *glazba* (: *музика*), *vlak* (: *воз*) "поезд", *uvjet* (: *услов*) "условие", *tjedan* (: *седмица*, *недеља*) "неделя", *tvrtka* (: *фабрика*), *pagošan* (: *присутан*) "присутствующий"; хорватские названия месяцев (*siječanj*, *veljača*, *ožujak*...); хорватские словоформы, имеющие какой-либо хорватский фонетический признак, например, *орџи* вместо *општи*, *орџина* (: *општина*), *svećenik* (: *свештеник*), *плаћа* (: *плата*) "зарплата".

В последние годы можно наблюдать сокращение "хорватских" словоформ в сербском языке. Некоторые словоформы получили определение "хорватские" позже, хотя сначала они были также сербскими, например, *точка* (: *тачка*), *Ускрс* (: *Васкрс*), имена существительные с суффиксом *-тель* (*читатель*, сегодня *читалац*) (ср. также: [16. S. 38] о заимствовании слов сербского просвещения в хорватский язык).

Как мы уже отмечали, в Республике сербской употреблялось экавское произношение с 1993 по 1998 г. Несмотря на все угрозы наказания, было много колебаний в языке газет и телевидения. Сербское меньшинство в Хорватии в соответствии с хорватской конституцией пользовалось с 1974 г. хорватским литературным языком. Часто только кириллическое письмо являлось внешним признаком принадлежности к сербскому меньшинству.

Что касается сербского языка в целом, можно заметить в нем некоторую балканизацию, с одной стороны, и некоторую европеизацию, с другой. Элементы балканизации – например, распространение конструкций типа *желим да радим* вм. *желим радити*, редукция склонения имени прилагательного типа *браон ципеле* "коричневые ботинки", редукция склонения имен числительных, возникновение "неопределенного артикля" (*један*, *неки*), накопление предлогов, например, *камен за под главу*, потеря интонационных оппозиций. Под европеизацией мы понимаем открытость по отношению к заимствованиям из других языков, интернационализацию лексики, изменения в сторону номинализации глагольных сказуемых типа *имам мишљење / мишљења сам*, распространение словообразовательных моделей типа *Сава центар*, *рок музика*, наличие несклоняемых существительных и прилагательных типа *мадам*, *леди*, *сер*, *мис*, *супер*, *макси*, *инстант* [17].

4. Хорватский язык

В "Декларации о хорватском языке" 1997 г. записано, что хорватский и сербский языки имеют общую основу [6]. Хорватские лингвисты, например, Д. Брозович, повторяя свое положение, высказанное еще в начале 70-х годов, этот факт подтверждают [18. S. 14].

Для хорватского стандарта характерно, что он открыт по отношению к чакавскому и кайкавскому диалектам. Таким образом, всегда возможно обогащение хорватской лексики из этих источников (включая язык хорватов в австрийском Бургенланде). Тем не менее хорватскому языку нужно учиться. Это значит, что лозунг Вука Караджича "Пиши као што говориш" не действует, или действует в меньшей степени, чем в сербском языке. Можно сказать, что у хорватов всегда существовало взаимо-

проникновение между штокавским, чакавским и кайкавским диалектами. Только этим можно объяснить, что хорваты смогли отказаться от уже существующего хорватского литературного (кайкавского) языка в пользу штокавского.

В последние годы обсуждается вопрос орфографии. Есть разные мнения. Надо ли вернуться к орфографии 40-х годов или нет? Был переиздан "Hrvatski pravopis" 1944 г., и есть авторы, которые пишут, используя орфографию сороковых годов (например, [19]). Самые новые словари хорватского языка [20; 21] основываются на новосадском договоре; их орфография – фонетическая. Однако можно упомянуть новую факультативную возможность написания: *u bitci* или *u bici* "в битву", *medvjedcke* или *medvjече* (см. S. 80)].

Несмотря на стремления к унификации языков, между двумя войнами и у сербов было налицо осознание различий между хорватским и сербским языками. Бошкович [23. С. 279–281] приводит целый ряд примеров в разных категориях: категория 1а, лексика (хорватские слова приводятся на первом месте): *urota* : *завера* "заговор", *objeda* : *клевета*, *izbornik* : *бирач* "избиратель", *dvojbен* : *сумњив* "сомнительный", *орџinstvo* : *грађанство* "публика", *pozornost* : *пажња* "внимание", *oborina* : *талог* (водени) "осадок", *vlak* : *воз* "поезд", *париџити* : *населити* "по-, населить", *ilak* : *притисак* "давление", *uvjet* : *услов*, *prigoda* : *прилика* "(удобный) случай", *uporaba* : *употреба* "употребление", *navodno* : *тобоже* "якобы", *tjedан* : *неделя*, *osebujan* : *нарочит* "особый", *dojam* : *утисак* "впечатление", *kolodvor* : *станџца* "вокзал" и т.д.; категория 1б, морфология и словообразование: *ovlast* : *овлашћене* "полномочие", *zaџстан* : *почастан* "почетный", *malodohan* : *малолетан* "несовершеннолетний", *posvojan* : *присвојан* "притяжательный", *potraga* : *тражење* "розыск", *ravновjesje* : *равнотежа* "равновесие", *sudbeni* : *судски* "судебный", *redovit* : *редован*, *oprost* : *опроштење* "прощение", *osnutak* : *оснивање*, *poduzeće* : *предузеће* "предприятие", *џimbenik* : *чинилац* "фактор", *istodohan* : *истовремен* "одновременный", *posjet* : *посета* "посещение" и т.д. Ко второй группе принадлежат интернационализмы в сербском, в противопоставлении к исконной лексике в хорватском языке: *pristojба* : *такса*, *pohrana* : *деносит*, *roвећало* : *луна*, *glazба* : *музика*, *streljivo* : *муниција*, *brojка* : *цифра*, *skladatelj* : *композитор*, *redarstvo* : *полиција*, *dvogupka* : *дупликат*, *srediшњџца* : *централа*, *ljekarna* : *апотека*, *mirovina* : *пензија*, *oporба* : *опозиција*, *pismohrana* : *архив*, *pisarna* : *канцеларија*, *topништво* : *артиљерија* и т.д. К третьей категории отнесены понятия, выраженные в хорватском языке исконными словами, а в сербском – описательными выражениями: *vozilo* : *превозно средство*, *tinjara* : *електрична централа*, *stotinka* : *стоти део*, *uspravalo* : *средство за уснављивање* "снотворное средство", *ибожница* : *сиротињски дом* "дом бедняка", *kitниџарница* : *галантеријска радња* "галантерейный магазин", *џитателјство* : *читалачка публика*, *paromlin* : *парни млин* и т.д.

Трудно сказать, какие различия существуют и в настоящее время. В словаре Анича [20] многие хорватские и сербские лексические варианты приводятся как синонимы, например, *urota* и *zavjera*, *objeda* и *kleveta*, *izbornik* и *бирач*, *pozornost* и *пажња*, т.е. первое слово объясняется вторым.

После Второй мировой войны Хорватия вернулась к лексическому состоянию до 1941 г., с заменой многих хорватских слов интернационализмами, такими как *arhiv*, *automobil*, *centrala* и т.д., *agitacija*, *armija*, *baza*, *delegacija*, *direktor* и т.п. Говорят, что метод синонимов в словарях был благосклонным к сербским словам: *bespristrastан* (хорв. *nepristrан*), *moreplovac* (хорв. *potорac*) "моряк", *odsustvo* (хорв. *dopust*) "отпуск" и т.д. [24].

В языковом руководстве Протуджера [25], между прочим, многие международные слова заменяются исконными: *helikopter* – *vrtolet*, *aerodrom* – *узлетџште* / *зрачна лука*, *ambasada* – *veleposlanство* "посольство", *anketa* – *распит* / *propitivanje*, *apотека* – *ljekarna*, *aukcija* – *draжба*, *automobil* – *samovoz*, *bager* – *jaruжало* / *gliboder*, *bioskop* – *slikokaz* / (*kino*),

*datum – nadnevak, general – krilnik, efektan – učinkovit, efikasan – djelotvoran / uspješan, eksponat – izložak, fotokopija – preslik, garaža – kolnica / spremište, geometrija – mjerstvo, klavir – glasovir "рояль", mediji – priopćajnice / glasila, микроскоп – sitnozor, ништол – samokres, регрум – novak и т.д. Кроме того, в этом руководстве есть целый ряд рекомендаций, как следует заменять сербские слова: *aktuelan > aktualan, argumenat > argument, arhiva > arhiv, aristokrata > aristokrat, diplomatija > diplomacija, kometa > komet, ofanziva > ofenziva; autoput > autocesta, bunar > zdenac, bure > bačva "бочка", dejstvo > djelovanje / učinak, dvogled > dalekozor "бинокль", izvinite > oprostite / izvinjavam se, obezbeđenje > osiguranje "безопасность", racov > štakor "крыса", и т.д.**

Из этих рекомендаций можно видеть тенденции развития современного хорватского стандарта, а именно, замену иностранных слов (включая сербские) исконными хорватскими словами, причем часто с образованием сложных слов. С. Бабич в ряде статей, посвященных вопросам культуры речи, выступал против английских слов. Даже в компьютерной терминологии хорватские эквиваленты оказались возможными, например, *adapter – prilagođivač* или *pretvornik, hardware – očvrsje* или *sklopovlje, joystick – svesmjer* или *palica za igru, software – napudbina* или *programska podrška* и т.д. [26. S. 61–63].

Забота о чистоте языка в настоящее время считается чрезвычайно важной. Об этом свидетельствуют словари Бродняка [27] и Шимундича [19], а также создание Совета по нормам хорватского языка при Министерстве науки и техники в 1998 г. Боснийские хорваты приняли стандарт Хорватии [28]. Боснийские законы официально выходят также на хорватском языке.

5. Боснийский язык

Термин "боснийский язык" был выдвинут сначала в рамках неделимой Боснии и Герцеговины как название языка всех боснийцев (*jezik Bosanaca*) безотносительно к их национальной принадлежности, т.е. как продолжение этого термина со времен Австро-Венгерской монархии. Однако, когда сербы присоединились в языковом отношении к сербам в Югославии (Сербии), а хорваты – к хорватам в Хорватии, боснийский язык стал языком мусульман (*jezik Бошњака*). У мусульман термин *бошњачки jezik* не употребляется. Пользуются им иногда другие (см., например, [28. S. 33; 9. С. 28]). В боснийской грамматике [29. S. 5] сказано: "Босански jezik је народно име за jezik Бошњака у Босни и Герцеговини и изван ње. Наравно, то је jezik и других који га сматрају својим" ("Боснийский язык – это народное название языка боснийцев в Боснии и Герцеговине и за ее пределами. Разумеется, это язык и всех тех, кто считает его своим"). Новый стандартный язык должен иметь свои грамматики и другие пособия (см. [30, 31]).

Направление, в котором будет развиваться боснийский стандарт, отталкиваясь от сербского и хорватского языков, лучше всего можно увидеть в руководствах по языку (например, [32]). Признаки боснийского языка классифицируются следующим образом (см. также: [4. S. 39–82; 33. S. 13–16]): а) уменьшение числа употребляемых до сих пор в Боснии сербизмов и увеличение числа кроатизмов. Это – следствие войны федерации мусульман и хорватов против сербов. Можно наблюдать предпочтение хорватских слов, например, *obrana* (: *одбрана*) "оборона", *obitelj* (: *породица*) "семья", *zrakoplov* (: *воздухоплов*) "самолет", *tjedan* (: *седмица*) "неделя", *izvješće* (: *извјештај*) "отчет", *siječanj, veljača, ožujak...* (рядом с: *јануар, фебруар, март...*), *povijest* (: *историја*), *stoljeće* : *вијек* и т.д. У Халиловича рекомендуются такие слова и словоформы, как *odgoj* (не *vaspitanje*), *Perzija* (не *Persija*), *plaća* (не *plata*), поскольку последние считаются сербскими;

б) сохранение сербских форм по боснийской традиции, таких как *hirurg* (не *kirurg*), *hemija* (не *kemija*), *ocean* (не *ocean*), *varvarski* (не *barbarski*), *Evropa* (не *Europa*), *opština*

(не *općina*, с другой стороны *opći*, не *opšti*), *niko* (не *nitko*), *tačan* (не *točan*), *tačka* (не *točka*). Предпочитаются словоформы, содержащие фонему /x/, например, *buha*, *muha*, *duhan*, *uho* (: *бува*, *мува*, *дуван*, *уво*). Собираательные числительные образуются с помощью суффикса *-p-* (*četvero*, *četverica*, не *четворо*, *четворица*);

в) особое положение согласного /h/. Этот согласный должен употребляться в этимологически правильных позициях, а также в позициях, где он возник вторично. Некоторые диалектизмы возводятся в ранг стандарта, например, *bahnuti* (*banuti*) "неожиданно являться", *horiti se* (*oriti se*) "отражаться", *hrda* (*rda*) "ржавина", *hrzati* (*rzati*) "ржать", *hudovica* и *udovica* "вдова", *kihavica* (*kijavica*) "насморк", *lahak lahka lahko* (*lak -a -o*), *mehak mehka -o* (*mek -a -a*), *sahat* и *sat* "час, часы", *truhlež* (*trulež*) "гниение" и т.д.;

г) вопрос о турцизмах. В связи с исламом стали возрождаться слова из турецкого и других восточных языков. Они существовали до сих пор и в сербскохорватском языке. Для боснийского языка характерно, что между существующими вариантами турцизмов предпочитают те, которые ближе к оригиналу. Так, рекомендуются, например, *aždaha* (не *aždaja*) "дракон, змей", *bahsuz* (не *baksuz*) "неудачник", *bašča* (не *bašta*, *bašća*) "сад", *buzdohan* (не *buzdovan*) "булава", *čEIF* (*čEF*) "удовольствие", *Džennet* (*Dženet*) "рай", *findžan* (*fieldžan*) "чашка", *inšallah* (*inšala*), *kafez* (*kavez*) "клетка", *kahva* (*kafa*, *kava*), *mehlem* (*melem*) "бальзам", *mejdан* (*megdan*) "площадь", *mekteh* (*mejtef*) "мусульманская школа", *hurma* (*urma*) "финик", *pehlivan* (*pelivan*) "акробат", *inad* (*inat*) "упрямство", *rahatluk* (*ratluk*) "удовлетворение", *sabahile* (*sabaile*) "утром", *šehid* (*šehit*) "мученик";

д) другие особенности: притяжательные прилагательные получают суффикс *-iji* (*božiji*, не *božji*), различаются отдельные слова: *krompir* (не *krumpir*) "картофель", *nana* или *nena* (не *baka*) "бабушка", *teka* (не *sveska*) "тетрадь", *Španija* (не *Španjolska*), *Švicarska* (не *Švajcarska*).

6. Черногорский язык

В соответствии с конституцией Черногории 1992 г. языком черногорцев считается сербский. В 1995 г. группа черногорцев под руководством черногорского Пэн-клуба приняла декларацию о положении черногорского языка (потому что только язык черногорцев называется именем другого народа). При этом "черногорский" язык понимается не как совершенно другой язык, а как часть сербскохорватской диалектосистемы (ср.: [34 S. 5]). В. Никчевич написал две книги о черногорском языке [35]. Орфография Никчевича избегает радикальных изменений, она опирается на существующие пособия и должна бы заменить орфографию 1960 г.

В чем разница между черногорским и сербским языками? По конституции Черногории следует пользоваться кириллическим алфавитом, но, по мнению В. Никчевича, латинское и кириллическое письма равноправны. В. Никчевич придерживается правила Вука Караджича: каждому звуку соответствует одна буква, и вводит три новые буквы, а именно *ž*, *č*, *ž*, которые следуют в алфавите после /"з"/, а в латинской орфографии –*š* (после *š*), *ž* (после *z*), *ž* (после *ž*). Примеры, *séver*, *kišelina* "кислота", *šutra* "завтра", *biza* "сука", *bizin*, *bronza*, *žora* "заря" *ižestii* "съесть", *ižljubitii* "расцеловать", *iždikati* "(быстро и крепко) вырасти", *žalo* (шток. *zjalo* "дыра), *koži* "кожи". Как видно из примеров, *š*, *ž* являются результатом йотации, а *ž* – аффрикацией [z]. В черногорском языке встречаются также словоформы, которые нам хорошо известны из диалектологии как *detelina* (*djetelina*), *devojka* (*djevojka*), *čerati* (*tjerati*) "гнать", *plamćeti* (*plamtjeti*) "пылать", а также как результат перехода *cj* > *č*: *čepanica* (*cjepanica*) "полено" и даже *pj* > *plj* (*pljevač*/пјевач "певец"). В орфографическом словаре часто встречаются отсылки (>) на нейотированные словоформы, которые тоже правильны, например, *bešnježan* > *besnježan* > *bešnježan* "без снега", *viđeti* > *vidjeti* "видеть", *cjedilo* >

ćedilo "цедило", *gdje* > *đe* "где", *gdjetko* > *đeko* "кто-нибудь" *htjeti* > *hćeti* (и *šćeti*) "хотеть".

Наряду с этим, в черногорском языке есть, конечно, особенности, которые и раньше встречались в черногорском варианте сербского языка, как например, настоящее время вспомогательного глагола *nijesam, nijesi...* и окончания мн. числа имен прилагательных, например, *visokijeh, visokijem*. Другие особенности черногорского языка состоят в фонетических отклонениях, например, *hjegati* и *hježati* "убегать", *bolijest* и *bolest* "болезнь", *čaklo* и *staklo* "стекло", *čaknuti ciknuti* "треснуть", *crljen* > *crven* "красный", *čečnuti* > *čučnuti* "присесть на корточки", *česan* > *če šnjak* "чеснок", *gospoja* > *gospođa* "госпожа", *ijem* 1 л. ед. ч. от *jesti* "есть, кушать", *kiseo, -la, -lo*, "кислый", *sin, sinko* "сын", *imentovati (imenovati), puštiti (pustiti), donešen (donesen)* "принесенный", *bačati / bačiti (bacati / baciti)* "бросать / бросить", *kaživati (kazivati)* "говорить, рассказывать", *šćer, šćerka* "дочка" или в лексических особенностях: *hječva* > *čarapa* "чулок", *butiga* > *dućan* "лавка, магазин", *cakan* "красивый", *cicija* > *škrtac*, "скупой", *cicvara* > *skorup* "первое молоко коровы", *ciša* ласк. "мама", *crevlja* и *crjevlja* "ботинок": *čem* "почему", *čerek* > *četvrt, kreč* > *kalk* "известь", *krumpir* > *krompir* > *krtola* "картофель", *pivo* > *hira, pečatnja (štamparija)* "типография", *česov* "какой", *čigov* "чей".

Согласный *t* встречается чаще в конце слога, например, *grlce* "горло", *ohal* и *ohao* "округлый". Ять после */r/* в группе согласных дает *je*: *bezgrješan* "безошибочный", *grješan* и *grešan, krjepak* и *krepak*; формы личного местоимения: *mi* "мы", *ne (nas)* "нас".

В соответствии с сербским языком находим: *gluv* "глухой", *srećan* (и *sretan*) "счастливым", *opšti, opština, sastav* (и *sustav*), *četvoro*.

Орфография 1997 г. не является еще устоявшейся, в ней имеется много колебаний и непоследовательностей.

7. Итоги

Легче всего можно предсказать будущее сербского языка. Он развивался прямолинейно со времен Вука Караджича. Сербский язык сравнительно открыт по отношению к иностранному влиянию и заимствованиям. Заметное в прошлом влияние хорватского языка теперь ослабевает. Новые пособия орфографии и грамматики продолжают традицию. Проблема сербского языка в том, что он реализуется в разных вариантах (об этом см.: [36. С. 9]).

Хорватский язык с XIX в. прошел долгий путь, играя важную роль, с одной стороны, в утверждении национального самосознания хорватов, а с другой – в определении их места в южнославянском сообществе. В XIX в. под воздействием идеи "иллирийского языка" хорватский язык то приближался максимально к сербскому языку, то опять отдалялся от него, чтобы поддержать хорватское самосознание. Современное развитие хорватского языка таково: он удаляется от сербского в результате того, что из его состава устраниются сербские слова и выражения; создаются новые слова, подерживаются крайний пуризм. В Боснии и Герцеговине языковой узус был чем-то средним между сербским и хорватским вариантами. Могли употребляться все словоформы и варианты и оба алфавита. Таким образом существовал стилистически богатый выбор. Вследствие трагических событий в Боснии боснийские сербы и хорваты присоединились к сербам и хорватам вне Боснии и Герцеговины. Таким образом, боснийский язык стал языком боснийских мусульман ("бошняков"), включая мусульман сербского Санджака, а не всех боснийцев ("босанцев"). Для этого языка характерно, что устойчивого стандарта еще нет. Однако ясно, в каком направлении этот язык будет развиваться. Среди особенностей можно указать на особое положение согласного */h/* и заимствований из восточных языков, не возведение диалектной лексики в ранг стандарта (поскольку при употреблении сербской или хорватской маркированной лексики нужно делать выбор), на предпочтение хорватских словоформ (ср.: [37]).

Совсем неясным представляется теперь положение черногорского языка. По конституции в Черногории говорят по-сербски, а именно в екавском варианте. Часть черногорцев с этим согласна. Но есть две другие тенденции: 1. Некоторые ученые в Сербии придерживаются мнения, что нужен единый язык для всех-сербов, т.е. нужно ввести екавское произношение в Черногории (такого мнения придерживался, например, Павле Ивич [5. S. 123]; 2. Черногорскому языку надо дать статус стандартного языка. Это позиция черногорского Пэн-Клуба. Какая тенденция победит, покажет, наверное, политическое развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Neweklowsky G.* Zur Geschichte der Schriftsprache der Serben, Kroaten und Muslime: Konvergenzen und Divergenzen // *Neue Forschungsarbeiten zur Kontaktlinguistik.* Bonn, 1997. S. 382–391.
2. *Neweklowsky G.* La lingua letteraria dei Serbi, Croati e Bosniaci-Maomettani: Convergenze e divergenze // *Plurilinguismo.* 1998. № 5. S. 89–96.
3. *Neweklowsky G.* Serbisch, Kroatisch, Bosnisch, Montenegrinisch – Perspektiven. // *Sprachwandel in der Slavia.* Slavische Sprachen an der Schwelle des 21. Jahrhunderts. 2000.
4. *Halilović S.* Bosanski jezik. 2. dopunjeno i izmijenjeno izdanje. Sarajevo, 1998.
5. *Okuka M.* Eine Sprache – viele Erben. Sprachpolitik als Nationalisierungsinstrument in Ex-Jugoslawien. Klagenfurt. 1998.
6. Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika. Građa za povijest Deklaracij. Pripremila Jelena Hekman. Zagreb, 1997. 3. izmijenjeno i dopunjeno izdanje.
7. *Brozović D.* Povijesna podloga i jezičnopolitičke i sociolingvistične okolnosti. Lončarić, 1998. S. 3–34.
8. *Okuka M.* Jezik i politika. Sarajevo, 1983.
9. *Брборић Б.* Предисторија и социоллингвистички аспекти // *Радовановић М.* Српски језик. Ополе, 1996.
10. *Neweklowsky G.* Jugoslawien // *Kontaktlinguistik – Contact Linguistics – Linguistique de contact.* Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. 2. Halbband, Berlin – New York, 1997. S. 1407–1416.
11. *Pupovac M.* Croatia // *Kontaktlinguistik – Contact Linguistics – Linguistique de contact.* Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. 2. Halbband, Berlin – New York, 1997. S. 1424–1433.
12. *Brozović D.* Aktualna kolebanja hrvatske jezične norme u slavenskome i europskome svjetlu // *Jezik.* 1997/98. № 45. S. 161–176.
13. *Дешић М.* Правопис српскога језика. Приручник за школе. Земун–Никшић, 1994.
14. *Пешикан М., Јован Ј., Мато П.* Правопис српскога језика. Школско издање. Нови Сад–Београд, 1995.
15. *Клајн И.* Лексика // *Радовановић М.* Српски језик. Ополе, 1996. С. 37–86.
16. *Katičić R.* Serbokroatische Sprache – Serbisch-kroatischer Sprachenstreit. // *Das jugoslawische Desaster.* Historische, sprachliche und ideologische Hintergründe. Ed. R. Lauer und W. Lehfeldt. Wiesbaden, 1995. S. 23–80.
17. *Radovanović M.* Srpski jezik na kraju veka // *Зборник за филологију и лингвистику.* 1997. № 40/1. С. 161–165.
18. *Brozović D.* Deset teza o hrvatskome jeziku // *Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika.* Zagreb, 1997. S. 7–21.
19. *Šimundić M.* Rječnik suvišnih tudica u hrvatskomu jeziku. Zagreb, 1994.
20. *Anić V.* Rječnik hrvatskoga jezika. 3. prošireno izdanje. Zagreb, 1998.
21. *Babić S., Božidar F., Milan M.* Hrvatski pravopis. 3. izdanje. Zagreb, 1995.
22. *Lončarić M., Vukušić S.* Fonologija // *Hrvatski jezik.* Opole, 1998. S. 75–90; *Zamardžija M.* Leksik // *Hrvatski jezik.* Opole, 1998. S. 133–152.
23. *Бошковић П.* О лексичној и стилској диференцијацији српскога и хрватскога књижевног језика. // *Наш језик.* 1935. № 3. S. 277–282.
24. *Samardžija M.* Leksik // *Hrvatski jezik.* Opole, 1998. S. 133–152.
25. *Protuder I.* Pravilno govorim hrvatski. Split, 1997.

26. *Babić S.* Hrvatski jučer i danas. Zagreb, 1995.
27. *Brodnjak V.* Razlikovni rječnik srpskog i hrvatskog jezika. Zagreb, 1992.
28. *Babić S.* Hrvatski književni jezik u Bosni i Hercegovini // *Jezik*. 1997. № 45/1. S. 29–34.
29. *Vajzović H., Zvrko H.* Gramatika bosanskog jezika. I. – IV. razred gimnazije. Sarajevo, 1994.
30. *Isaković A.* Rječnik bosanskoga jezika. Sarajevo 4. dopunjeno i ispravljeno izdanje. 1995.
31. *Halilović S.* Pravopis bosanskoga jezika. Sarajevo, 1996.
32. *Halilović S.* Gnijezdo lijepih riječi: Pravilno – nepravilno u bosanskome jeziku. Sarajevo, 1996.
33. *Neweklowsky G.* Kulturelle und sprachliche Verflechtungen Bosniens und der Herzegovina // *Die Welt der Slaven*. 2000. № 45. S. 1–26.
34. *Nikčević V.* Pravopis crnogorskog jezika. Cetinje, 1997.
35. *Никчевић В.* Црногорски језик. Генеа, типологија, развој, структурне одлике, функције. Цетиње, 1993; *Nikčević V.* Piši kao što zboriš: Glavna pravila crnogorskoga standardnoga jezika. Podgorica, 1993.
36. *Ивић П.* Језичко планирање у Србији данас // *Језик данас*. 1999. № 3/9. С. 5–10.
37. *Šipka M.* Serbokroatistika na raskršću // *Зборник за филологију и лингвистику* (в печати).

© 2001 г. А.Р. БАГДАСАРОВ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА (90-е ГОДЫ XX ВЕКА)

События последнего десятилетия XX в., насыщенного кардинальными социально-политическими переменами и революционными потрясениями, вызвали в некоторых славянских странах, в частности в Республике Хорватии, лавинообразный лексический поток. Распад шестисубъектной социалистической федерации (СФРЮ), провозглашение в Конституции Хорватии 1990 г. хорватского языка и латинского алфавита официальными на территории Республики Хорватии и обретение в 1991 г. Хорватией государственной независимости ускорили процесс дальнейшей стандартизации и последующей научной кодификации хорватского литературного языка. Стандартизация хорватского литературного языка понимается широко – как деятельность по созданию, обогащению и совершенствованию собственно хорватской лексико-семантической и терминологической системы, а кодификация – как последующая деятельность по нормативному закреплению отобранных и вновь созданных лингвистических единиц (подробнее см.: [1]). Эта деятельность самым тесным образом связана с частичной "национализацией" языковой жизни Хорватии – "хорватизацией". При этом термин "хорватизация" понимается как процесс национализации хорватского стандартного языка за счет вытеснения из употребления некоторых иноязычных или общесербохорватских элементов, возрождения исконной хорватской лексики или создания лексических эквивалентов посредством активизации внутренних языковых ресурсов.

Деятельность по стандартизации и кодификации хорватского литературного языка наиболее ярко проявляется при сопоставлении изданий "Хорватского орфографического кодекса" (ХОК) 1971 и 1996 гг. и "Хорватской грамматики" (ХГ) 1979 и 1995 гг. (см.: [2–4]; табл.).

Т а б л и ц а

ХОК 71: sport i šport 289; Evropa i Europa 181.

ХОК 96.: sport > šport 387; Evropa > Europa 216.

egzil 178; generalštab 184; gled 185.

egzil > progonstvo 212; generalštab > glavni stožer 221; gled > caklina 222.

Đurdevdan > Đurdevo 178.	Đurdevo > Jurjevo (blagdan) 211.
impresija > utisak, dojam 193.	impresija > dojam 235.
XГ 79.: <u>Istovremeni se ostvaraj...</u> 32.	XГ 95.: <u>Istodobni ostvaraj...</u> 66.
<u>Osobine glasa uvjetovane okolinom</u> 8.	<u>Svojstva glasa...</u> 42.
Glasovi nastaju <u>u toku psihofiziološkog</u>	Glasovi nastaju <u>u tijeku</u>
processa... 11.	psihofizičkog processa... 43.
<u>Slušalac će rečenicu...</u> raščlaniti... 43	<u>Slušatelj će rečenicu...</u>
	raščlaniti... 75.
To su <u>proklitike (prisonjenice) i enklitike</u>	To su <u>prednaglasnice</u>
<u>(naslonjenice)</u> 38.	<u>(prisonjenice, proklitike) i</u>
	<u>zanaglasnice (naslonjenice,</u>
	<u>enklitike)</u> 71.

Защитники этнолингвокультурной самобытности хорватского языка в лице прежде всего той части интеллигенции, которая профессионально связана с практической работой над языком – лингвисты-нормализаторы, редакторы, литературные работники, общественные деятели, преподаватели, дикторы и т.п., в силу социально-политических, этнокультурных и других причин, часто занимают резко отрицательную позицию по отношению к актам заимствования и путем сознательных, целенаправленных усилий пытаются освободить речевую практику от тех или иных иноязычных слов, включая сербизмы. Так, например, в противоположении дублетных пар "заимствованный" / "исконный" предпочтение отдается хорватскому варианту (ср.: aerodrom>uzletište; zračna luka, ambasada>veleposlanstvo, avion>zrakoplov, disciplina>stega, eksponat>izložak, firma>tvrtka, kompjutor>računalo, oficir>časnik, partija>stranka, štampa>tisak и т.п.) (см.: [2; 5; 6]). Однако в разговорной речи наблюдается функционирование как второго, так и первого члена варьирующих пар. Приведем несколько примеров из хорватской публицистики: "...izabran je izvođač za nastavak obnove toga aerodroma..." (Večerni list. 28 VII 98. S. 7). "Javlja se strah..., primjerice od leta aviona..." (Vita. № 61. IV 99. S. 47). "Ponuda igara je vrlo raznolika za kompjutor..." (Vjesnik. 13 IX 99. S. 13). В одном и том же тексте в качестве лексического дублета или синонима находим: "U Memorijalnom muzeju bilo je više od dvije tisuće izložaka" "...Pokvareni su svi eksponati i dokumentacija..." (Globus. № 434. 2 IV 99. S. 36). "Ivan je bio u tvrtki svega godinu dana...". "Ubrzo se našao pred neboderom svoje firme". (Svijet. № 5. V 99. S. 71). "Nevidljivi zrakoplovi F-117 izbacil su...". "No još prije nego što su saznali da se rao taj avion... (Arena. № 1998. 1 IV 99. S. 8).

При изучении устной, живой речи обнаруживается, что ее функционирование не дает оснований для однозначных утверждений (см.: [7]). Приведем несколько примеров из устных выступлений: "Da, sastao sam se s oficirima koji su bili u Hrvatskoj vojsci" (Globus. № 434. 2 IV 99. S. 10). "Žuta štampa je sve preuveličila..." (Start. № 2 (15). II 97. S. 60). "Uveli smo financijsku disciplinu u školstvo". (Vjesnik. 10 IX 95. S. 14). "Obavijestili smo sve ambasade u Zagrebu" (Start. № 2 (15). II 97. S. 16). "To nije nikako distanciranje od vlastite partije; i u vrijeme dok je moja partija bila na vlasti" (Danas. № 437. 3 VII 90. S. 12). Чрезмерный консерватизм в регламентации норм словоупотребления приводит к увеличению различий, к разрыву между литературным письменным языком и живой разговорной речью.

По наблюдениям В.П. Гудкова после распада СФРЮ в Хорватии предпринимаются

попытки "сознательного отбора языковых средств ангажированными специалистами, стремящимися активизировать те единицы синонимических рядов, которые не типичны для языка сербов (явление преференцизма или фаворизации)" [8].

В конце XX в. лексическая система хорватского стандартного языка пополнилась множеством новых слов; отдельные слова испытали семантическое и стилистическое преобразование; переместились с периферии этнолингвокультурного сознания и активизируются устаревшие или устаревающие слова; остались в прошлом некоторые идеологические языковые штампы и клише; вытесняются из употребления маркированные англицизмы, сербизмы и османизмы (турцизмы).

Этносоциальные процессы в словообразовании приобретают массовый характер. Содержание отдельных ячеек лексической системы языка пополняется порой индивидуально, стихийно или сознательно, в результате чего возникает лексическая избыточность, которая, в частности, проявляется в наличии дублетов (*dobrovoljac* и *dragovoljac*, *bojna crta* и *bojišnica*, *printer*, *štampač*, *pisač*, *ispisivač* и *ispisivalo*), с одной стороны, и функционирование различных акцентных, фонематических, морфологических и других вариантов слов, с другой (*tinèjdžer* и *tinèjdžer*, *izvještāj*, *izvijěšće* и *izvijěšće*, *sport* и *šport*, *imenični* и *imenički*, *pridjevni* и *pridjevski*). Ср.: "Riječi koje zamjenjuju imenicu zovu se imenične zamjenice...". "Riječi koje zamjenjuju pridjeve zovu se pridjevne zamjenice..." [9. S. 107]. "Po funkciji se razlikuju imeničke i pridjevske zamjenice..." [4. S. 203].

Для хорватского языка начала 90-х годов XX в. характерен процесс массового притока иноязычной (преимущественно англоязычной) лексики: *konsenzus*, *handout*, *bypass*, *menadžer*, *displej*, *procesor*, *šoping* – *centar* и множество других. Сопrotивляясь лавинообразному притоку заимствований, лингвисты-нормализаторы рекомендуют использовать или создают собственно хорватские эквиваленты: *konsenzus* – *pristanak*, *sporazum*, *odobrenje*, *handout* – *uručak*, *bypass* – *premosnica*, *menadžer* – *voditelj*; *ravnatelj*, *displej* – *predočnik*, *procesor* – *bradnik*, *šoping* – *centar* – *opskrbni centar* и т.п.

Один из способов пополнения фонда собственно лексических неологизмов – создание новых, возрождение и внедрение старых наименований взамен существующих. В нашем случае происходит вытеснение одних, как правило, общесербохорватских или иноязычных слов за счет активизации исконно хорватских, тождественных первым. Сумма отобранных и нормативно закрепленных лексических единиц получает статус хорватской кодифицированной нормы, в то время как "невыбранные" единицы остаются за пределами стандартного языка, приобретая иноязыковую, историческую, обиходно-разговорную, стилистическую и иную маркированность.

Наблюдается приток общеязыковых (узуальных) неологизмов: *premosnica* 'обход, обвод; шунт, шунтирование', *bojišnica* 'фронт', *vrhovnik* 'верховный главнокомандующий', *veleposlanik* 'посол' и т.п. Ср., например: "Predsjednik RH dr. Franjo Tuđman u ponedjeljak je... uručio vijrođajnice T.P. Svennevig, ambasador Kraljevine Norveške..." (Vjesnik. 28 IV 92. S. 1). "Predsjednik RH dr. Franjo Tuđman donio je u ponedjeljak Ukaz kojim se B. Salaj, izvanredni i opunomoćeni veleposlanik RH..." (Vjesnik. 9 II 93. S. 32). Параллельно с активным использованием общеязыковых неологизмов предпринимаются попытки внедрения окказиональных (индивидуально-авторских) неологизмов: *korpića* (Д. Штамбук) 'СПИД', *dalekovidnica* (Т. Ладан) 'телевидение', *sračnik* (С. Бабиц) 'водитель ритма, пейсмекер; очаг автоматизма сердца', *vrtložnjak*, *zrakomlat* (З. Шоят) 'вертолет', *podjel* (М. Шимундич) 'дивизия', *suosnik* (Б. Ласло) 'коаксиальный кабель'.

К участию в создании новой лексики хорватского языка привлекаются широкие слои хорватского общества. Так, редакция загребского лингвистического журнала "Язык" объявляет конкурсы на лучшую замену общепринятой лексики на хорватские неологизмы. Лингвистическая комиссия отбирает и одобряет такие индивидуально-авторские неологизмы, как *osobnica* вместо *osobna karta*, *osobna iskaznica* 'удостоверение личности', *osjeđivač* вместо *naprava za osjeđivanje i sušenje suda* (*tanjura*) 'посудомоечная машина', *veleznogoditnjak* вместо *džekpot* (см.: [10, 11]). При этом не все

индивидуально-авторские неологизмы закрепляются и адаптируются в языке. Так, например, лексический неологизм *dalekovidnica* (от нем. *Fernsehen*; ср. рус. неологизм 30-х годов XX в. дальновидение) (см.: [12]) и *suosnik* не закрепились в речевой практике носителей языка. По мнению составителей "Хорватского языкового справочника", слово *suosnik*, победитель конкурса на лучший неологизм 1993 г. в Хорватии, "вряд ли имеет какой-либо коммуникативный статус" в языке. "Трудно представить себе, – продолжают составители справочника – чтобы кто-либо из покупателей попросил в магазине электротоваров два метра '*suosnika*'", т.е. коаксиального кабеля [6. S. 110]. Следует отметить, что многие предложения по обновлению лексики оказываются бесполезными в силу того, что большинство общеупотребительных слов уже прочно вошли в разговорную речь и не нуждаются в придуманных хорватских эквивалентах.

В описываемое десятилетие актуализируется деятельность по "реанимации" устаревшей лексики, бывшей ранее на периферии этнолингвокультурного сознания: оеvid 'осмотр (на месте происшествия, преступления)', *považiti* 'призывать на военную службу, в армию', *satnija* 'рота', *gromidžba* 'пропаганда', *putovnica* 'паспорт', *vježbenik* 'практикант', *prosvjed* 'протест' и др. Возвращаются в жизнь хорватского общества такие историзмы как *poglavarstvo*, *kotar*, *domovnica*, *županija*, *vlastovnica* и др. При этом слова постепенно перестают восприниматься как историзмы или архаизмы и используются в качестве нейтральной лексики: "*Završen je oеvid promethe nesreće...*" (*Slobodna Dalmacija*. 21 IV 99. S. 38). "...u Županiji se provodi preventivno promidžbeni program..." (*Vjesnik*. 13 IX 99. S. 14) "*Prije imenovanja za sutkinju... bila je sudački vježbenik...*" (*Slobodna Dalmacija*. 21 IV 99. S. 5).

Подвергается изменениям семантический объем отдельных архаизмов. Так, слово *glasnogovornik* (от нем. *Lautsprecher*) 1) 'человек, говорящий от чужого имени'. 2) 'громкоговоритель, рупор', наделяется новым значением – 'представитель пресслужбы; пресс-секретарь; пресс-атташе': "Glasnogovornik promatračke misije EZ..." (*Vjesnik*. 9 I 92. S. 1).

Некоторые слова актуализируются в период обострения межнациональных отношений, а затем вновь уступают место предшествующему наименованию. Такова судьба функционально-стилистических эквивалентов *redarstvenik* ↔ *policajac* (см.: [13. S. 28]). Ср.: "*U povodu pogibije hrvatskih vojnika i redarstvenika u sukobima...*" (*Vjesnik*. 6 II 93. S. 1) – "*Svi članovi nogometne ekipe su policajci*" (*Halo* 92. № 71. 21 XI 97. S. 43).

Наряду с пополнением лексической системы за счет неологизмов и реактивизации архаизмов происходит и обратнаправленный процесс – выпадения слов и оборотов из речевого употребления, утраты ими отдельных значений, переход лексических единиц из состава активной лексики в пассивный. Вышли из активного словаря бывшей югославской эпохи такие слова как *skojevac*, *omladinac*, *četa*, *samoupravljanje*, *dinar*, *milicija* и др. Указанные слова сопровождаются в современных словарях и справочниках хорватского языка пометой «историзмы» (см.: [14. S. 17]).

Нормализаторская деятельность в Хорватии направлена на обновление и создание исконно хорватской терминологической системы. Процесс терминообразования особенно заметен в области лингвистической, информационной и военной терминологии. В лингвистической терминологии наряду с интернациональными терминами функционируют хорватские эквиваленты типа: *terminologija-nazivlje*, *semiotika-znakoslovlje*, *homograf-istopisnica*, *homofon-istozvučnica*, *konsonant*, *suglasnik-zatvornik*, *vokal*, *samoglasnik-otvornik* и др. В "Грамматике хорватского языка" С. Тежака и С. Бабица находим: "*Oni su bili vrlo česti jer je u staroslavenskome jeziku vladao zakon otvorenih slogova, a to znači da ni jedan slog nije mogao završiti zatvornikom, nego se svaki završavao otvornikom...*" [9. S. 10].

В области информатики предпринимаются попытки создания информационных (компьютерных) терминов: *dekoder-raznačnik*, *hardver-očvrsje*, *input-unos*, *skener-pretražnik*, *interface-sučelje* и др. Например: "*Sadržaj petog dijela namijenjen je naprednijim*

odnosno iskusnijim korisnicima relacijskin baza podataka koji žele naučit izradu korisničkog sučelja... (Hrvatski vojnik. № 19. I 97. S. 33).

В военно-языковой политике Хорватии в начале 90-х годов в процессе формирования собственных вооруженных сил развернулась деятельность по воссозданию и активизации военных ретротерминов периода Австро-Венгерской монархии и Независимого Государства Хорватии (НДХ): časnik 'офицер', vojna 'батальон', stožer 'штаб', samokres 'пистолет', bitnica 'батарея', streljivo 'боеприпасы' и др.¹, а также по созданию собственных военно-терминологических неологизмов: ciljnik вместо pišan 'прицел', vrhovnik вместо vrhovni komandant, vrhovni zapovjednik 'верховный главнокомандующий', vrtolet вместо helikopter 'вертолет'². Интересны попытки некоторых хорватских лингвистов заменить слово helikopter путем создания и активизации собственно хорватских лексических неологизмов. Вместо слова helikopter Б. Ласло предложил индивидуально-авторский неологизм *uvrt*; З. Шоят – *vrtožnjak*, а в качестве жаргонизма – *zrakomlat*. С середины 90-х годов ХХ в. в вооруженных силах Республики Хорватии наблюдается использование слова *vrtolet*³. Ср.: "Borbeni helikopteri ... nalaze se u skladištima..." (Hrvatski vojnik. № 81. 13 I 95. S. 37). "Većina vrtolet modularnog je dizajna" (Hrvatski vojnik. № 18. XII 96. S. 40). "Glede zrakomlata, potencijalni pilot Gradske čistoće nije se očitovao" (Hrvatski obzor. № 231. 11 IX 99. S. 4). Несмотря на указанные предложения слово *helikopter* продолжает активно функционировать в средствах массовой информации Хорватии: "Prema istrage helikopter se zapleo u žice" (Večerni list. 28 VII 98. S. 48); "...iako nam je u ponedjeljak u podne potvrđeno da je naručio specijalni helikopter" (Nacional. 22 VII 98. S. 45).

Нормализаторские усилия по обновлению лексической системы языка поддерживаются не всеми слоями хорватского общества. Далеко не все носители языка на этапе перестройки лексической системы включают в свою речь вновь созданные слова взамен уже существующих, привычных (см.: [13. S. 210]). В книге П. Губериньи и К. Крстича "Различия между хорватским и сербским языком" (1940) в противопоставлении дублетных пар *sport* и *šport* предпочтение отдается не общесербохорватскому англицизму (*sport*), а хорватскому эквиваленту в его немецкой огласовке – *šport* [17]. В хорватских газетах (1945) находим: "...na kojem će... nastupite i majstori sovjetskog plivačkog športa" (Narodni list. 19.IX 45. S. 6). "Interesenti za taj šport već se sada mogu obratiti..." (IFN. 4 IX 45. S. 6). В ходе нормализации сербохорватского языка слово *šport* постепенно вытесняется дублетом *sport*. В "Правописании сербохорватского языка" (1960), а также в "Русско-хорватском словаре" Р.Ф. Полянца и С.М. Мадатовой-Полянец (1973) слово *šport* отсутствует. В "Хорватском орфографическом кодексе" (1971) в качестве лексических дублетов находим *sport* и *šport*, а в переиздании 1996 г. предпочтение отдается вновь, как и в 40-х годах ХХ в., фонематическому варианту *šport*. Стремление лингвистов-нормализаторов вытеснить из речевой практики общесербохорватское слово *sport* наталкивается на устойчивое употребление этой лексемы в хорватских средствах массовой информации. Неудавшиеся попытки унифицировать собственно хорватский эквивалент *šport* понуждают составителей "Хорватского языкового справочника" (1999) признать в качестве нормы словоупотребления равноправное сосуществование дублетов *sport* и *šport* (см.: [6. S. 1367]). Например: "Opasni sportovi učinit će vas..." (Cosmopolitan. IV 99. S. 44). "Tenis je simbol bijeloga športa..." (Hrvatski vojnik. № 56. 28 I 94. S. 118).

В средствах массовой информации, в выступлениях по радио и телевидению защитники этнолингвокультурной самобытности хорватского языка призывают

¹ Ср.: Здесь уместно вспомнить, что русский декабрист, полковник П.И. Пестель (1793–1826), борясь с иноязычными элементами в русской лексике, предлагал заменить иноязычные слова: офицер – на чиновник, батальон – на сразин, штаб – на управа, армия – на рать, дивизия – на воерод и т.п. (см.: [15]).

² Схожая военно-языковая политика наблюдалась в период НДХ (см.: [16]).

³ Ср. рус. вертолет, уст. геликоптер, автовжир, жарг. вертушка; амер. жарг. chopper – от англ. гл. to chop 'рубить' по аналогии с ножом мясорубки.

современников изменить свои языковые привычки. Так, академик Д. Брозович сетует на то, что некоторые молодые люди противятся употреблять в своей речи реанимированное словосочетание *riđuvni časnik* 'офицер запаса' вместо привычного – *rezervni oficir*. Молодые люди, как отмечает хорватский лингвист, рассматривают рекомендуемую замену как проявление языкового насилия. Д. Брозович призывает молодежь обратиться к культурно-историческим традициям прошлого; упрекает молодое поколение в незнании хорватской классической литературы, равнодушии по отношению к своим предкам, которым запрещалось использовать некоторые хорватские слова; предлагает вывести словосочетание – *rezervni oficir* за пределы кодифицированной литературной нормы и перевести его в "стилистический резерв" (см.: [18]). Налицо проявление этнической функции языка, когда на первый план выдвигается отношение говорящего к языку (см.: [19]).

В период вхождения в разговорную речь неологизмы и деархаизмы сопровождаются уже существующими в речевом обороте дублетами, при том что последние помещаются в скобки: "*Skup znakova kojima bilježimo glasove, naziva se slovopis (grafija)*" (Hrvatski pravopis. 1996. VIII). "*Većina operativnih postrojb i kopnene vojske razdijeljena je između četiri zbor a (korpusa)*" (Hrvatski vojnik. № 22. IV 97. S. 47). "*Posebno zaštićenom hvataljkom (pincetom) obuhvati se dlačica...*" (Mila. № 547. 31 III 93. S. 37).

Изменения в лексическом составе языка происходят также в результате лексико-семантического дробления некоторых лексем. Так, например, слово *stranka* 'партия' предлагается использовать в значении – 1) 'политическая организация...'; 2) 'группа лиц, объединенных какими-либо общими интересами...', а слово *partija* – 1) 'игра (в шахматы, карты и т.п.) с начала до конца'; 2) 'часть музыкального произведения'; *kapetan* 'капитан' в значении – 1) 'командир судна'; 2) 'руководитель спортивной команды', а слово *satnik* в значении – 'офицерское звание в хорватской армии'; *rukovnja* 'полк' и *ruk* 'народ'; *vojnik* 'военнослужащий', 'военный' и *vojak* 'военнообязанный' (см.: [6. S. 694, 1037, 1230, 1565]).

После обретения государственной независимости в Хорватии наблюдается процесс преобразования смысловой структуры некоторых слов. В связи с культурно-идеологической переориентацией страны часть слов, активизированных в период НДХ (1941–1945), деидеологизируется. В хорватской публицистике без идеологических коннотаций стали употребляться такие слова, как *kupa* 'денежная единица Республики Хорватия с 30.05.94 г.'⁴, *gromidžba* 'пропаганда' и изредка слово *brzoglas* 'телефон': "*Šteta se procjenjuje na 1.000 kuna (Glas Slavonije. 26.09.94. S. 25)*". "*Neiskorištena mogućnost gromidžbe (заголовок) (Glas Slavonije. 3 IX 94. S. 13)*". Правда однозначно процесс деидеологизации некоторой части лексики, актуализированной в период НДХ, определить нельзя из-за различного отношения общества к денотатам. Так, слова *ustaša* и *roglavnik* не утратили своей пейоративной окраски в глазах большинства населения Хорватии. Слово *ustaša* ассоциируется у хорватов и других югославянских народов с профашистской, ультранационалистической организацией, а *roglavnik* с вождем усташей периода НДХ Анте Павеличем. Оба слова могут по-прежнему употребляться как инвективы (см.: [13. S. 88]) (ср. рус. фашист, Гитлер).

Источником потенциальных изменений в лексико-семантической системе языка служит также стилистическое расслоение лексических единиц. К примеру, такие иноязычные слова, как *firma*, *kompjutor*, *biznis*, *šoping*, *šou* и т.п. словари и справочники хорватского языка относят к некодифицированной, маркированной, разговорной лексике, а слова *tvrtka*, *računalo*, *posao* или *trgovina*, *kupovanje*, *predstava* к кодифицированной, нейтральной лексике (см.: [6]).

Приведенный языковой материал свидетельствует о достаточно бурных процессах преобразования лексической системы: интенсивное вытеснение иноязычной лексики и пополнение лексического состава собственно хорватской, словообразовательная

⁴ Ср. др. русс. (с XI в.) – 'куница'; 'денежная единица' (как впрочем и в хорв. яз. А.Р.), 'пошлина', 'налог', 'плата на невесту' (см.: [20]).

избыточность, ломка устойчивых общеупотребительных лексем, перемещение слов от периферии к центру, разрастание и создание отдельных терминологических микросистем, дальнейшая семантическая и стилистическая дифференциация языковых средств. Благодаря целенаправленной языковой политике в Хорватии варьирование различных языковых единиц постепенно преодолевается за счет пуристических, реставрационных и словообразовательных процессов; формируется этноязыковая функционально-стилистическая структура стандартного языка, которая усиливает типологическую обособленность тождественного языка югославянских народов. Хорватский стандартный язык стал выполнять не только этнообъединяющую, этнодифференцирующую, но и этноизолирующую функцию по отношению к языку сербов, черногорцев и муслиманов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасаров А.Р. К проблеме стандартизации и кодификации литературного языка Хорватии // Научный альманах: Армия и современный мир. М., 1997. № 1(2).
2. Babić S., Finka B., Moguš M. Hrvatski pravopis. Zagreb, 1971; 1996.
3. Priručna gramatika hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1979.
4. Hrvatska gramatika. Zagreb, 1995.
5. Brodnjak V. Rječnik razlika između hrvatskoga i srpskoga jezika. Zagreb, 1992.
6. Hrvatski jezični savjetnik. Zagreb, 1999.
7. Багдасаров А.Р. К вопросу о функционировании лексических дублетов исконный / иноязычный в хорватском литературном языке // Славистический сборник: В честь 70-летия профессора П.А. Дмитриева. СПб., 1998. С. 140–141.
8. Гудков В.П. Славистика. Сербистика // Сб. статей. М., 1999. С. 170.
9. Težak S., Babić S. Gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb, 1996.
10. Babić S. О najboljoj riječi u 1994. godini // Jezik. 1995. Br. 5. S. 138–139.
11. Babić S. Riječ godine // Jezik. 1995. Br. 2. S. 79.
12. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б. Секреты стилистики. М., 1998. С. 68.
13. Babić S. Hrvatski jučer i danas. Zagreb, 1995.
14. Anić V. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 1998.
15. Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб., 1998. С. 124.
16. Samardžija M. Hrvatski jezik u NDH. Zagreb, 1993. S. 62–64.
17. Guberina P., Krstić K. Razlike između hrvatskoga i srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1940. S. 187.
18. Brozović D. Programska stajališta HDZ-a o hrvatskome jeziku // Jezik. 1994. Br. 3. S. 84.
19. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика М., 1996. С. 24.
20. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М., 1993. Т. 1. С. 454–455.

© 2001 г. А. ЯКЛОВА

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ АРГО В ЧЕШСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Понятие *арго* в чешской лингвистике развивалось не так сложно, как понятие *сленг*, но все-таки и сегодня достаточно трудно однозначно определить термин арго прежде всего вследствие многих общественных изменений.

В начале нашего века вышло в свет несколько интересных работ об арго. Первая из них – "Словарь чешской гантырки" Франтишка Бредла [1], в котором он собрал более тысячи выражений, уделяя особое внимание словообразованию. Как следует из названия этой работы, Бредл не пользовался еще термином "арго". "Гантырка" – слово, заимствованное из немецкого языка, оно соответствует немецкому *Rotwelsch* и обозначает говор преступников.

Ф. Бредл составил "Словарь чешской гантырки" на основе материалов, которые были тогда в его распоряжении. Это – записи конца XVI в., содержащиеся в "смольных книгах" архивов Нимбурка и Табора и архива районного суда в г. Млада Болеслав, в которых были зафиксированы особые выражения, употребленные преступниками на допросах с применением пыток. Далее Бредл использовал рукописный словарь, состоящий из 376 слов, составленный в 1806 г. и предназначенный для объединенной венской дворцовой канцелярии¹; словарь К. Юды², содержащий 296 слов, составленный в конце прошлого века и предназначенный для судебных органов; публикацию Пухмайера о языке цыган (*Románi žib. Praha, 1821*). Работа Пухмайера содержит вообще первый словарь чешской "гантырки", или говора коробейников, который составляют 440 слов. К старым письменным источникам, фиксирующим "гантырку", принадлежит также "фраерский" говор моравских холостильщиков, лексику которого содержит "Моравская диалектология" Ф. Бартоша [2], а также фельетон Яна Неруды "Кое-что из пражского говора"³.

Вторая публикация о чешском арго вышла в свет в 1926 г. Это работа "О словарном богатстве чешской гантырки" Е. Риппла [2]. Риппл отмечает в предисловии, что основывался на материалах, использованных Ф. Бредлом, дополненных публикациями из разных журналов (главным образом, из "*Humoristických listů*", издававшихся в 1858–1926 гг., журнала "*Paleček*" за 1892–1900 гг.), а также произведениями авторов, которые писали о жизни пражских низов, так называемых "пепиков" (например, К.Л. Кукла, Ф.Л. Шмид, И. Германн, К.М. Чапек-Ход, Э.Э. Киш, И. Строупежники и др.). Материалом послужили Рипплу также куплеты и выступления в кабаре, а именно словарь, составленный для пражской полиции. Словарь Риппла поэту содержит именно пражское арго. Первоначальный материал Бредла Риппл более чем удвоил, его монография содержит почти три тысячи выражений.

Следующая работа о чешском арго вышла в 1929 г. Это публикация «Брненское

Яклова Алена – канд. филол. наук, доцент педагогического факультета Южно-чешского университета (г. Чешке-Будеёвице).

¹ Данный рукописный словарь опубликовал В. Гаек в журнале "*Český lid*" (1906. № 15. S. 46–48).

² Словарь с примерами "гантырки" опубликовал К. Юда в журнале "*Český lid*" (1902. № 11. S. 139–143).

³ "Něco z pražské češtiny". Опубликовано в газете "*Národní listy*" от 15 августа 1874 г.

"дно"» О. Новачека [4]. Несмотря на то, что Новачек в предисловии предупреждает о том, что его работа предпринималась прежде всего как собрание материалов, эта публикация содержит наряду с лексикой брненских "низов" и изображенную в литературе социальную и психологическую характеристику представителей брненской "плотны", включая примеры их говора. Для обозначения арготического говора на улицах Брно и его предместий Новачек использует почти исключительно термин "гантырка". Самой типичной чертой брненской "гантырки" он считает именно ее билингвизм, чешско-немецкий характер. Он пишет, что «доля немецкого компонента составляет около 70% в говоре брненских "низов"»⁴ [4. S. 55].

Первое общее описание чешских арго и сленгов издает в 1934 г. Ф. Оберфальцер. Он определяет арго как особый язык профессиональных преступников и близких им подозрительных личностей [5]. Разницу между сленгом и арго Оберфальцер проводит не с точки зрения языка, а с точки зрения социологии (см. нашу публикацию о сленге: Славяноведение. 2000 г. № 5).

В 30-е годы XX в. выходит очередная работа на немецком языке, посвященная чешскому арго – "Чешское арго. Возникновение и уровни" Карла Траймера [6]. Автор характеризует чешское арго как профессиональную и сословную речь низших слоев общества, причем ее особенностью он считает тот факт, что она является тайной речью, возникшей на основе договоренности сведущих людей [6. S. 26]. В предисловии к своей работе Траймер дает библиографию работ по арго, опубликованных в конце XIX и первой трети XX в. в славянских, и особенно в Чешских землях. Здесь же дается обзор исторического развития чешского арго. Траймер различает, с одной стороны, социальные, с другой стороны, этнические пласты (уровни) арго. Социальные арго составляют "Schelmenrede", что можно перевести как "речь шалунов, а также и жуликов", так как, согласно автору, Schelmenrede (феней) пользуются профессиональные нищие, воры и поджигатели. Другими типами арго являются разговоры коробейников, военных и студентов. Этническими пластами чешского арго являются, наряду с чешским, немецкое, еврейское, венгерское, итальянское, польское, русское, хорватское, турецкое и румынское.

Указанные работы, опубликованные в первой трети XX в., не отличаются терминологическим единством. Авторы чешских работ пользуются терминами *арго*, *жаргон* или *гантырка*. Авторы немецких работ используют немецкое понятие *Rotwelsch*, *Kundensprache*, *Schelmenrede*, *Hantýrka*, *rotwelsche Sprache*, *Gaunérausdrücke*, *Jargon*. Все эти наименования без семантической дифференциации использует и К. Траймер. Общее для всех этих работ – разграничение функций арго. Все упомянутые авторы понимают арго как т а й н ы й г о в о р⁵, который стал для низших слоев общества средством их борьбы с обществом⁶. Однако Оберфальцер подчеркивает также коммуникативную роль арго и обращает внимание на его языковую потенцию. Все авторы одновременно отмечают большое количество заимствованных слов, которые являются составной частью чешского арго.

Теперь вернемся в современность и посмотрим, как отечественные богемисты понимают арго в конце XX в. Значительный вклад в разработку арго и сленга как социально-лингвистического явления внесли конференции в г. Пльзень. Характеризуя современное понимание арго, мы будем исходить преимущественно из докладов этих конференций.

⁴ Словарь чешского арго Риппла не содержит выражения "брненской плотны".

⁵ Э. Риппл [3. S. 12] обозначает арго как говор смешанный, сочетающий в себе черты говоров тайных, профессиональных и сословных.

⁶ Также П. Трост в своей статье "O pražském argotizování" ("Slovo a slovesnost". 1935. № 1. S. 106–107) пишет: "Арго означает: личность владеет языком, язык владеет реальностью. Арго – это постоянное отрицание: оно разрушает данный язык, разрушает данную реальность. Арго восстает против существующего языкового порядка как основной формы социальных взаимоотношений. Арго постоянно пытается разоблачать необоснованность языковой нормы и обман навязывания языка. Так арго борется с языком; язык ведет бой с реальностью: она разрушается, переворачивается, снижается, деклассифицируется, обращается в гротескно необязательную ирреальность".

На 2-ой конференции в 1980 г. отечественные и иностранные лингвисты уделяли аргю самое незначительное внимание. Напрямую этой теме не посвящен ни один доклад⁷. Однако Б. Гохель в своем выступлении наряду с подробной характеристикой сленга дал определение и аргю. Аргю им понимается как "тайный язык, с помощью которого передаваемая информация не является (или не должна быть) понятной незаинтересованным лицам" [8. S. 17]. Гохель не связывает тайную речь с деклассифицированными элементами общества, аргю в его понимании предстает как "тайный код", поэтому в функции аргю может выступать также любой иностранный язык, который в данной среде непонятен.

На всех последующих конференциях большинство выступающих определяло аргю традиционным образом, но это определение не вполне совпадало с пониманием аргю в начале века. Аргю и сегодня понимают как тайную речь социально изолированных групп, общественной функцией которой, однако, уже не является защита от общества или борьба с ним. Даже намеренное засекречивание информации в аргю подвергалось в некоторых выступлениях сомнению, подчеркивалась более коммуникативная роль аргю и некоторые другие черты, каковыми являются экспрессивный характер аргю и стремление к упрощению сложных наименований (что может служить причиной его коммуникативной ограниченности), высокая частота процессов номинации, заимствование слов, остроумное метафорическое и метонимическое словотворчество, игра слов и элементы языкового юмора вообще. Теме аргю было посвящено лишь менее одной пятой всех докладов на всех пяти конференциях. Причины слабого интереса к аргю со стороны лингвистов Л. Климеш объясняет следующим образом:

а) трудности изучения аргю в употреблении, а иногда и недоступность письменных материалов, особенно протоколов допросов;

б) слишком большой разрыв во времени с момента написания классической работы Оберфальцера об аргю;

в) этимологическая неясность;

г) до некоторой степени и общественная (иногда и лингвистическая) второстепенность, маргинальность проблемы.

Мы вполне согласны со всеми аргументами Л. Климеша, но считаем, что причины якобы небольшого интереса лингвистов к аргю определяются еще и другими обстоятельствами, а именно:

– с точки зрения лингвистической: необходимостью нового определения аргю, включая определение его функции в условиях современной коммуникации;

– с точки зрения социологической: необходимостью нового определения отношений аргю к отдельной социальной, профессиональной или другим группам современного общества.

Первые сомнения в том, что аргю и сейчас существует в той форме, в какой его традиционно описывала отечественная богемистика, появились уже на первой конференции в 1977 г. в докладе Ф. Цуржина "Несколько замечаний о сленге и аргю" [9]. Ф. Цуржин уже тогда задавала вопросом: "Идет ли речь о двух разных образованиях или только об одном? Синонимичны ли эти термины, или каждый из них имеет свое значение?" [9. S. 8]. Далее он отвечает: "С разграничением сленга и аргю в чешской лингвистике дело обстоит так же, как и с разграничением диалектов в Чехии. То есть: никакого центра, только один переходный пояс" [9. S. 9].

Следующий шаг к новому пониманию аргю был сделан на 3-ей конференции. Тогда Й.В. Бечка в своем докладе "Сленг и его дифференциация в разговорной речи" говорил: "В аргю речь идет не об утаивании, но, скорее, о переоценке в соответствии с отношением людей, находящихся на периферии общества" [10. S. 6]⁸. М. Крчмова также считает традиционное понимание аргю проблематичным. В ссылках к своей статье "Аргю как средство художественной стилизации" [11. S. 106–117] она обращает

⁷ Этимологии термина аргю вместе с терминами сленг и жаргон посвятил свое выступление на данной конференции Ф. Колечны [7].

⁸ Такое понимание аргю содержит и работа Й.В. Бечки: "Česká stylistika" (Praha, 1992. S. 11).

внимание на то, что воровство и другая антисоциальная деятельность считались во время возникновения арго профессиями, и в этом отношении арго – определенный вид профессионального сленга. Ниже она пишет: "То, что арго непонятен всем членам общества, еще не значит, что он является тайным; например, охотничий язык тоже непонятен непосвященным" [11. S. 116].

На 4-ой конференции проблематике арго посвящали свои доклады полностью или частично восемь выступающих. Наряду с традиционным подходом к арго, в котором подчеркивалась его экспрессивность и игра слов, здесь появилось и его новое, более широкое понимание. Ф. Угер [12] в своем докладе о речи наркоманов для характеристики арго выделил следующие четыре признака: "Речь идет о выразительном средстве,

– используемом определенными слоями общества, которые избегают в общении обычных общественных норм;

– которое выделяется намеренной или непреднамеренной, постоянной или временной скрытостью и коммуникативной ограниченностью;

– которое служит для выражения сопричастности к определенному слою общества;

– которое содержит черты табуированности и функциональные признаки, общие для арго и сленга, например, метафоричность, адаптированность к выразительным возможностям пользователя и т.п. [12. S. 394].

Несогласие с традиционно употребляемым термином арго по отношению к речи токсикоманов выражает в своем выступлении К. Камиш [13], употребляя выражение "арготический социолект". Понятие *социолект* в своем выступлении он, однако, не определяет⁹.

На 5-ой конференции арго стал темой шести выступлений. Характерно, что выступающие не давали определения арго и неоднократно сознательно избегали терминологических вопросов, связанных с понятиями сленг и арго. Единственным исключением был Й. Сук [14], предложивший ограничить употребление термина арго случаями сознательного засекречивания информации (социальную или социально-психологическую характеристику лиц, пользующихся арго, Сук, однако, примерами не уточняет), для всех остальных случаев он предлагает оставить термин сленг. Далее он определяет сленг как групповой говор неизвестной или очень мало известной среды [14. S. 24]. Такое же понимание арго можно найти и в монографии Й. Сука "Несколько словарей сленга" ("Několik slangových slovníků"), изданной в Праге в 1993 г.

Йиржина фон Лойвен-Турновцова обозначает в своей монографии "Historisches Argot und neuer Gefängnislang in Böhmen" (Berlin 1993) термином арго только историческую арготическую лексику, а для современных говоров, употребляемых в настоящее время в чешских тюрьмах, применяет термин тюремный сленг.

В новых работах по богемистике и вузовских учебниках арго, как правило, дается расплывчатое определение, основанное на компромиссе между лингвистической традицией и современной реальностью: подчеркивается засекречивание информации в арго, однако общественные группы, в которых арго употребляется, определяются всегда очень обобщенно.

Более конкретно с точки зрения его социально-психологической характеристики арго характеризуется в Словакии. В настоящее время его исследованием и теоретическим определением занимается прежде всего П. Одалош [15–17]. Одалош, исходя из работ Мистрика [18] и С. Кошецкого, различает три типа тайных говоров: 1) арго детей, 2) арго странствующих ремесленников и торговцев и 3) арго асоциальных элементов. Далее он различает арго в более широком смысле слова (арго групп, не настроенных антиобщественно) и арго в более узком смысле слова (арго, употребляемое в группах с антиобщественным настроением). Таким образом, арго асоциальных элементов является, согласно Одалошу, арго в более узком смысле слова [16. S. 289;

⁹ Понятие *социолект* определяется в современной социолингвистической западной литературе по-разному, ср. напр. J. Fishman. Sociolinguistics. A brief introduction. Rowley, Mass, 1971; W. Steinig: Sociolekt und sociale Rolle. Sprache der Gegenwart, Düsseldorf, 1976; H. Kubczak. Was ist ein Soziolekt? Heidelberg, 1979.

17. S. 238]. Далее автор подразделяет асоциальные элементы на группы: а) воров, перекупщиков, контрабандистов, б) наркоманов, в) все прочие асоциальные элементы, г) преступников и проституток. Интересна мысль П. Одалоша, высказанная в его статье в 1990 г.: "Сленг может иметь и вторичную функцию – функцию арго. Когда сленг начинает использоваться в негативных ситуациях, т.е. когда он служит целям обмана и нанесения вреда другому ради получения личной выгоды (главным образом денег), он перестает быть сленгом и становится арго" [15. S. 34].

Понимание арго, отличаясь от понимания зарубежных школ, особенно романской лингвистической традиции, в чешской лингвистике развивается и постепенно меняется. Это вполне естественно, ибо это языковое явление социально обусловлено и отвечает не только на изменения в языке, но и на изменения в обществе [17. S. 239]¹⁰. Так как в настоящее время нет единого понимания арго, а вследствие социальных изменений арго часто опровергает свою первоначальную характеристику, то необходимо как можно быстрее выработать его новое теоретическое определение. Существуют два основных пути:

– с помощью термина арго обозначать только исторические арго, для которых употребимо это определение с начала века; остальные говоры обозначать термином сленг, которому надо дать новое определение и, может быть, классифицировать (на рыбацкий, тюремный и т.п. сленг),

– термин арго закрепить за обозначениями некоторых современных говоров, однако по-новому определить социальные группы, являющиеся носителями/пользователями арго, т.е. заранее ответить на вопрос, являются ли и сегодня тайность речи и охрана от общества основными языковыми функциями арго.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bredl F.* Slovník české hantýrky (tajné řeči zlodějské). Železný Brod, 1914.
2. *Bartoš F.* Dialektologie moravská II. Brno, 1895.
3. *Rippl E.* Zum Wortschatz des tschechischen Rotwelsch. Reichenberg, 1926.
4. *Nováček O.* Brněnská plotna. Brno, 1929.
5. *Oberpfalzer F.* Argot a slangy. // Československá vlastivěda III. Sv. Jazyk. Praha, 1934. S. 311.
6. *Treimer K.* Das tschechische Rotwelsch. Entstehung und Schichten. Heidelberg, 1937.
7. *Kopěčný F.* Etymologické poznámky k termínu slang, žargon a argot / Sborník přednášek z II. konference o slangu a argotu. Plzeň, 1982. S. 28–30.
8. *Hochel B.* Čo je slang. Slang a iné nespisovné vrstvy jazyka // Sborník přednášek z II. konference o slangu a argotu v Plzni 23. – 26. září 1980. Plzeň, 1982.
9. *Cuřín F.* Několik poznámek k argotu a slangu // Sborník přednášek z konference o slangu a argotu v Plzni v září 1977. Plzeň, 1977.
10. *Bečka J.V.* Slangy a diferenciace v běžně mluvené řeči // Sborník přednášek z konference o slangu a argotu v Plzni. Plzeň, 1978.
11. *Křemová M.* Argot jako prostředek umělecké stylizace // Sborník přednášek z III. konference o slangu a argotu v Plzni 24. – 27. ledna 1984. Plzeň, 1987.
12. *Uher F.* Nová modifikace argotu // Sborník přednášek ze IV. konference o slangu a argoty v Plzni 9. – 12. února 1988. Plzeň, 1989.
13. *Kamiš K.* Argotický sociolekt abuzorů na pozadí drogové scény // Sborník přednášek ze IV. konference o slangu a argotu v Plzni 9. – 12. února 1988. Plzeň, 1989.
14. *Suk J.* Skupinová mluva a její výzkum // Sborník přednášek z V. konference o slangu a argotu v Plzni 7. – 9. února 1995. Plzeň, 1995. S. 23–28.
15. *Odaloš P.* Argot v súčasnej jazykovej situácii na Slovensku // Slovenská reč. 1990. № 55.
16. *Odaloš P.* Poznámky o argote odsúdených // Slovenská reč. 1992. № 57.
17. *Odaloš P.* Prehľad a problematika výskumu argotu na Slovensku // Slovenská reč. 1993. № 58.
18. *Mistrík J.* Štylistika. Bratislava, 1985. S. 105–107.

¹⁰ В связи с этим автор различает *социальные предпосылки* и *социальные причины* возникновения арго.

© 2001 г. А.А. КРУМИНГ

"ПСАЛТИРЬ РИФМОТВОРНАЯ"
СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО (1680)
В ПЕРЕПЕЧАТКАХ АНДРЕЯ РЕШЕТНИКОВА
(1809 И 1811 ГОДОВ)

"Псалтирь Рифмотворная" Симеона Полоцкого – книга среди специалистов достаточно известная: это первая печатная книга стихов первого профессионального поэта России (см. подробнее: [1–6]). Но все же ни в одной из многочисленных работ о Симеоне Полоцком не собраны основные сведения об этой "Псалтири", опубликованной самим автором в Верхней типографии (Кремль). Поэтому надо сказать сначала о "Псалтири Рифмотворной" [2. С. 290–291; 3], и только потом перейти к ее перепечаткам.

Образцом для стихотворной "Псалтири" Симеона Полоцкого на славянском языке послужила стихотворная "Псалтирь" на польском языке, принадлежащая поэту Яну Кохановскому [7].

"Псалтирь" Симеона Полоцкого – не первая кирилловская стихотворная "Псалтирь". Несколько ранее, в 1673 г., в Уневе (на Украине) была напечатана кириллицей стихотворная "Псалтирь" на молдавском языке, в переложении Молдавского (Сочавского) митрополита Досифея [8]¹. Симеону это молдавское издание, очевидно, осталось неизвестным. Сам Симеон в своей "Псалтири" (в посвящении царю Феодору Алексеевичу) пишет: "Нѣции прежде менѣ нѣгли начинаху, // но за трудности многи от дела престаху" (издание 1680 г., прелиминарии, л. 2 об.). Судя по этим словам, какие-то стихотворные переложения псалмов на славянском языке были и до Симеона. Что это за переложения, и кому они принадлежали, неизвестно. В сборнике Андрея Решетникова есть три анонимных переложения на славянском языке: псалмы 1, 83 и 136.

Симеон Полоцкий начал перелажать псалмы стихами в Москве 4 февраля 1718/1678 г. Уже через полтора месяца, 21 марта, работа была в основном сделана: Симеон переложил все 150 канонических псалмов. Остальные тексты для "Псалтири" Симеон подготовил несколько позже, примерно в 1678 – начале 1680 г. "Псалтирь" была напечатана кириллицей в Верхней типографии – придворной типографии царя Феодора Алексеевича. Издание "Псалтири" вышло в свет в апреле 1718/1680 г., за четыре месяца до смерти Симеона Полоцкого (он скончался 25 августа 1718/1680 г.).

В литературе встречается неверное указание на точный день выхода "Псалтири": по сообщениям И. Татарского, Н. Глокке и О. Державиной, "Псалтирь" будто бы вышла в свет 3 апреля [2. С. 291; 3. С. 6; 6. С. 118]. Это ошибка, вызванная небрежным

Круминг Андрей Анатольевич – ведущий библиограф РГБ.

¹ О митрополите Досифее и его Псалтыри см. [9].

прочтением выходного листа: на выходном листе указано, что "Псалтирь" вышла в свет "в лето от сотворения мира, 7188 // От рождества же по плоти Бога Слова, // 1680: Индикта, 3: Месяца априлля", т.е. в 3-й год индикта, а не в 3-й день апреля. Точный день выхода в "Псалтири" не обозначен; день можно было бы определить по документам Верхней типографии, но ее архив не сохранился или до сих пор не разыскан.

Татищев, в своем очерке царствования Феодора Алексеевича (написан около 1735 г.), и, со слов Татищева, историограф Миллер сообщают, что в "Псалтири" Симеона Полоцкого два псалма, 132 и 145, переложил царь Феодор Алексеевич². Повидимому, это позднейшая легенда, хотя и старая: в рукописях "Псалтири" нет никаких указаний на участие Феодора Алексеевича, а в черновой рукописи псалмы 132 и 145 написаны рукою самого Симеона, с его же правкой.

"Псалтирь" Симеона Полоцкого, в том виде, в каком она вышла в апреле 1680 г., содержит следующие тексты:

1) Выходной лист, наподобие выходных листов в других тогдашних московских кирилловских изданиях. На выходном листе "Псалтирь" названа так: "Псалтирь(ъ) // царя и пророка Давида, художеством // рифмовторным равномерно слогѣ, и // согласноконечнѣ, по различным стихов // родѣм преложѣнная: [...] Стихотворил иеромонах // Симеон Полоцкій". См. печатный текст 1680 г., прелиминарии, л. 1.

2) На обороте выходного листа – "Стиси о псалмѣх". 4 коротких нумерованных стихотворения. – Печатный текст, прелиминарии, л. 1 об.

3) Посвящение Симеона Полоцкого царю Феодору Алексеевичу, в стихах, без даты. – Печатный текст, прелиминарии, л. 2–3.

4) Первое предисловие, в прозе – "ПРЕДИСЛОВИЕ // к благочестивому читателю". – Печатный текст, прелиминарии, л. 4–6.

5) Второе предисловие, в стихах – "К благочестивому же читателю". – Печатный текст, прелиминарии, л. 6 об. – 7 об.

6) Криптограмма в виде таблицы, со значением: "Псалмы пойте Богу нашему"; внизу двусгишие. – Печатный текст, прелиминарии, л. 8.

7) Оборот листа с криптограммой – пять коротких стихотворений, без заголовков и нумерации. – Печатный текст, прелиминарии, л. 8 об.

8) Фронтиспис – царь Давид. Гравюра на меди, искусной работы; рисовал иконописец Симон Ушаков, гравировал мастер Афанасий Зверев, более известный под фамилией Трухменский. Вверху и внизу гравюры стихи Симеона Полоцкого. – Печатный текст, нн. л. 1 об.

9) Заголовок перед текстом – "ПСАЛТИРЬ ЦАРЯ И ПРОРОКА ДАВИДА // Рифмы преложѣнная". – Печатный текст, л. 1.

10) Псалмы 1–150, в стихах. – Печатный текст, л. 1–126 об.

11) Неканонический псалом 151, в стихах: "Псалом Давидов, иже вне числа". – Печатный текст, л. 126/2.

12) Стихотворение "Благодарствие". – Печатный текст, л. 127.

13) Девять библейских песней, в стихах. – Печатный текст, л. 128–138 об.

14) Стихотворение "К гаждателю". – Печатный текст, л. 139–139 об.

15) Месяцеслов, в стихах. – Печатный текст, приложение, л. 1–18 об.

Текст "Псалтири" Симеона Полоцкого от начала работы до издания:

1) Черновая рукопись, автограф Симеона Полоцкого – Москва, Государственный Исторический Музей (ГИМ), Синодальное собрание, № 661. В черновой рукописи

² Тайный советник Василий Никитич Татищев, "Царство царя Феодора Алексеевича" (написано около 1735 г., черновой автограф в "портфелях" академика Миллера в ЦГАДА): "По которой его величества охоте псалтырь стихотворне оным Полоцким переложена, и во оной, как сказывают, многие стихи, а особливо псал[мы] 132 и 145 сам его величество переложил, и последней в церкви при нем всегда певали" [10]. Герард Фридрих Миллер (академик, историограф), "История жизни и царствования Феодора Алексеевича" (написана, вероятно, в 1770-е годы): "Царевич Феодор обучался у него [Симеона Полоцкого] латинскому языку и стихотворству (вероятно, только на русском языке). Ему приписывают рифмованный перевод 132 и 145 псалмов на русский язык" [11].

отсутствуют второе предисловие, криптограмма и стихи к фронтиспису. После псалма 150 – помета рукой Симеона (л. 96 об.): "Finiui Anno 1678 Martii 21 Incipauī Anno eodem. Februarii 4".

2) Беловая рукопись, писанная полууставом – ГИМ, Синодальное собрание, № 847. Написана еще до того, как "Псалтирь" стали готовить к печати. Беловая рукопись очень неполная, в ней отсутствуют многие статьи: второе предисловие, криптограмма, стихи к фронтиспису, псалом 151, библейские песни, стихи "К гаждателю", Месяцеслов. В первом предисловии есть правка рукой самого Симеона Полоцкого; интересна одна его поправка (л. 7 об. беловой рукописи). Первоначально в предисловии было: "И пособием Божиим в немнозех седмицах дело совершением увенчася: начах бо труды сия полагати месяца Феврауриа в день 4, Соверших же месяца Марта в день 21". В переделанном виде это место в рукописи выглядит так: "И пособием Божиим в немнозех месяцах дело совершением увенчася:". В печатном тексте это место выглядит так же, как в переделке рукописи. Очевидно, Симеон убрал точные даты своей работы, чтобы "гаждатели" и "зоилы" не стали его упрекать за слишком поспешную работу.

3) Парадная рукопись – ГИМ, Синодальное собрание, № 237. Листы этой рукописи – двух видов: старые, первоначальные листы – на лучшей бумаге большого формата, почерк – довольно крупный полуустав; новые, дополнительные листы – простая бумага обычного формата, почерк – мелкий полуустав или скоропись (скоропись – почерк подьячего Михаила Иванова сына Родостамова)³. Очевидно, Симеон Полоцкий сначала хотел поднести рукопись царю Феодору Алексеевичу, но затем оставил ее у себя и использовал для подготовки "Псалтири" к печати. В парадной рукописи есть все тексты издания 1680 г., кроме стихов к фронтиспису; есть и рукописный выходной лист для издания 1680 г. Дополнительные статьи парадной рукописи большей частью написаны на новых листах, когда "Псалтирь" уже готовилась к печати. В первом предисловии правка рукой Симеона Полоцкого, вроде той, что в беловой рукописи; Симеон и здесь вычеркнул точные даты работы над "Псалтирью". В стихотворении "К хулителю" Симеон своей рукой изменил заголовок на "К гаждателю". На некоторых листах рукописи есть разметка текста по печатным страницам издания 1680 г.: конец печатной страницы и начало следующей отмечаются маленьким кусочком темного воска, наклепленным на бумагу. Такая разметка по страницам печатного текста – характерный признак, по которому можно узнать рукописи, использовавшиеся как наборные оригиналы для московских изданий XVII в. Кроме разметки воском по печатным страницам, в наборных рукописях есть еще разметка по печатным тетрадам: помета на полях, где указаны номера законченной и новой тетрадей и номер первого листа новой тетради. В парадной рукописи "Псалтири" есть разметка по печатным страницам, но только в некоторых дополнительных статьях – первое предисловие, второе предисловие, стихи "К гаждателю"; разметки по печатным тетрадам нет, так как все эти статьи вместе меньше полной 8-листной тетради. В основном тексте "Псалтири" никакой разметки нет, нет ее и в других дополнительных статьях. Судя по разметке, с парадной рукописи печатались первое предисловие, второе предисловие и стихи "К гаждателю". Возможно, также с парадной рукописи печатались небольшие статьи, размером всего в одну печатную страницу (разметки нет, но там она и не требовалась): выходной лист, "стихи о псалмах", криптограмма, стихи на обороте листа с криптограммой, псалом 151, "Благодарствие". Но посвящение царю, канонические псалмы, библейские песни и Месяцеслов печатались не с парадной рукописи: разметки в этих текстах нет, хотя в рукописи для набора непременно должна быть разметка.

³ Подьячий Михаил Иванов сын Родостамов переписал для Симеона Полоцкого беловую рукопись "Повести о Варлааме и Иоасафе" – ГИМ, Синодальное собрание, № 766; на нижнем форзаце рукописи – запись переписчика: "Pisasia lieta 7188. [=1680] rukoiu mnohohriesznoho podiaczeho PMR"; имя переписчика в записи обозначено латинской монограммой "RMR", т.е. подьячий Михаил Родостамов. Подробнее о нем см.: [12].

4) Наборная рукопись – не сохранилась. С этой рукописи печатался основной текст "Псалтири", также и многие дополнительные статьи (подробнее см. выше, в характеристике парадной рукописи). В наборной рукописи должна быть разметка по страницам и тетрадам печатного текста.

5) Корректурный экземпляр печатной "Псалтири" 1680 г. – Не сохранился.

6) Окончательный печатный текст "Псалтири" 1680 г. – Сравнительно с другими кирилловскими изданиями того времени экземпляры печатной "Псалтири" редкости не представляют и есть во многих библиотеках.

В 1680-е годы, в правление царевны Софьи, "Псалтирь" Симеона Полоцкого положил на музыку "певчий дьяк" (регент придворного хора) Василий Титов (о нем см. [13]). Нотная рукопись Василия Титова, поднесенная им Софье – Санкт-Петербург, Библиотека Академии наук (БАН), собрание Петра Великого, отдел А, № 66. В библиотеке Санкт-Петербургской Духовной Академии (№ 348) был экземпляр печатной Псалтири 1680 г. со вписанными от руки нотами; вероятно, ноты также Василия Титова [14].

В 1882 г. стихотворный "Месяцеслов" из "Псалтири" Симеона Полоцкого был перепечатан отдельным изданием, кириллицей; издание вышло из петербургской типографии Алексея Суворина [15]: Предисловие, примечания и другие дополнительные статьи отсутствуют; имя редактора не обозначено.

Кто подготовил это отдельное издание "Месяцеслова", неизвестно.

"Псалтирь" Симеона Полоцкого была дважды перепечатана русским гражданским шрифтом – в 1809 и 1811 гг., в составе большого сборника "Полное Собрание Псалмов Давыда Поэта и Царя, предложенных как древними, так и новыми Российскими Стихотворцами из прозы стихами, с надписанием каждого из них имени". Составитель "Полного Собрания Псалмов" – Андрей Гордеевич Решетников. Первое издание сборника Решетникова вышло в Москве в 1809, второе, дополненное – в 1811 г.; оба издания (каждое в двух довольно объемистых томах) отпечатаны в арендованной Решетниковым Губернской типографии. В своем сборнике Решетников перепечатал все псалмы Симеона Полоцкого, с 1 по 151. Дополнительные тексты из Симеоновой "Псалтири" 1680 г. (библейские песни, Месяцеслов и т.п.) – в сборник Решетникова не вошли.

Кроме славянских силлабических переложений Симеона Полоцкого, в сборнике Решетникова есть еще три славянские силлабические версии, не принадлежащие Симеону Полоцкому: псалмы 1 ("Преложение древнейших Стихотворцев."), 83 ("Прелож. древнейшаго неизвестнаго Стихотворца."), 136 ("Преложен. одного из древних Стихотворцев."). Решетникову был еще понаслышке известен псалом 90 в славянском силлабическом переложении Феофана Прокоповича; но Решетников не смог разыскать этот текст.

Андрей Гордеевич (или Гордианович) Решетников – московский типограф. В 1790-е годы Решетников – владелец вольной типографии в Москве (вольные типографии были закрыты по указу Екатерины II от 16 сентября 1796 г.). В 1800–1810-е годы Решетников – "содержатель" (арендатор) Губернской типографии в Москве. Решетников был не только типографщик, но и довольно плодовитый автор. Сочинения Решетникова перечислены в статье о нем Бориса Модзалевского в "Русском Биографическом Словаре" [16]. Большинство собственных сочинений Решетникова – разные учебники; другие сочинения – "Любопытный художник и ремесленник, или Записки, касающиеся до разных художеств, рукоделий, составов и до некоторых экономических, поваренных и садовых работ и проч." (М., 1791, 2 части); "Новый Месяцеслов, или Полный показатель во весь год празднуемых Российской Церковию Святыя" (М., 1799, 2-е изд. – 1802). Решетников издавал также одногодичные журналы: "Дело от Безделья" (1792), "Прохладные Часы" (1793), "Московский Собеседник" (1806).

"Полное Собрание Псалмов" Решетникова – стихотворные версии всех без исключения псалмов (псалмы 1–151). В богослужебных славянских Псалтирях и в "Псал-

тири" Симеона Полоцкого за псалмами следуют девять библейских песней; здесь, у Решетникова, песней нет. Псалмы разделены на 20 кафизм, как в славянской богослужебной Псалтири; в первом томе "Полного Соборания" – кафизмы 1–10 (псалмы 1–76), во втором томе – кафизмы 11–20 (псалмы 77–151).

Второе дополненное издание 1811 г. содержит, по моему подсчету, 655 стихотворных и прозаических версий псалмов, в том числе: 150 прозаических версий на славянском языке (перевод архиепископа Амвросия Московского), 154 стихотворные версии на славянском языке (псалмы Симеона Полоцкого и три славянских переложения неизвестных авторов) и 351 стихотворная версия на русском языке. Подсчет здесь более или менее условный, так как совершенно точный подсчет версий невозможен из-за текстуального разнобоя: например, Александр Сумароков и Николай Николов разделили псалом 9 на два стихотворения (по протестантскому делению); Иван Лопухин к своему переложению псалма 14 добавил стихотворение "Подражание смысла того же Псалма".

У Решетникова каждому псалму посвящена рубрика, которая содержит:

1) Переложения псалма на русском языке, следующие в приблизительном хронологическом порядке.

2) Псалом в славянской стихотворной версии Симеона Полоцкого. В псалмах 1, 83 и 136 перед версией Симеона еще анонимная славянская стихотворная версия.

3) Псалом в новом славянском прозаическом переводе Амвросия (Зертис-Каменского), архиепископа Московского (убит во время "Чумного Бунта" в Москве 16 сентября 1771 г.). Перевод Амвросия сделан с древнееврейского масоретского текста; поэтому в переводе нет неканонического псалма 151, сохранившегося только в Септуагинте. Перевод Амвросия выполнен, вероятно, в последние годы жизни Амвросия, во второй половине 1760-х годов. Известный историк Дмитрий Бантыш-Каменский (внучатый племянник Амвросия) в своей биографии Амвросия (1813) пишет о Псалтири: "Он вместе с Донским Архимандритом Варлаамом Лащевским [Лящевским] трудился в переводе Давыдовой Псалтыри с Еврейскаго подлинника на Российский, которая была окончана, переписана и уже приготовлена для поднесения Императрице, но с кончиною его осталась донныне в рукописи. Копия с оной хранится в библиотеке Святейшаго Синода". [17]. Курьезно, что публикация Решетникова осталась неизвестной Бантыш-Каменскому, хотя свою книжку об Амвросии Бантыш-Каменский напечатал почти одновременно, в 1813 г., и у того же Решетникова. Решетников впервые опубликовал перевод архиепископа Амвросия в своем "Полном Соборании Псалмов". При этом, если во втором издании 1811 г. в сборнике Решетникова помещен полный текст псалмов в переводах Амвросия, то в первом издании 1809 г. многие псалмы в начале напечатаны с купюрами, причем очень небольшими. Чем вызваны эти купюры в первом издании, непонятно: напечатать сразу же полный текст было не трудней, чем тот же текст с очень незначительными по объему купюрами. Может быть, у Решетникова была плохо сохранившаяся рукопись Амвросия, где текст во многих местах был поврежден, и лишь потом Решетников смог достать полную рукопись. Позднее, в 1878 г., "Псалтирь" Амвросия была отдельно издана (гражданским шрифтом) редакцией журнала "Православное Обозрение" [18]. Редактором издания 1878 г. был профессор Московской Духовной Академии библиист Павел Горский-Платонов. О публикациях Решетникова Горский-Платонов знал, но остался ими недоволен: "К сожалению, в издании Решетникова перевод Амвросиев напечатан по списку неудовлетворительному [...]".

Число версий одного и того же псалма у Решетникова неодинаково. Наибольшее число стихотворных версий одного псалма: псалом 1 – 11 версий, псалом 18 – 9 версий, псалмы 12 и 103 – 8 версий. В псалмах 52 и 135 только одна стихотворная версия – Симеона Полоцкого.

В "Полном Соборании Псалмов" Решетникова помещены стихотворные переложения, принадлежащие 33 поэтам (анонимы и нераскрытые криптонимы не в счет). Много переложений (10 и более псалмов) – у следующих авторов: Симеон Полоцкий –

151 псалом, Александр Сумароков – 148 псалмов (152 версии), Авраам Крылов – 27, Николай Николев – 25, Андрей Решетников (сам составитель) – 16, Михаил Вышеславцев – 12, Андрей Протопопов и Василий Третьяковский – по 10 псалмов. Среди переложивших менее 10 псалмов – классики: Михаил Ломоносов – 8 псалмов, Ипполит Богданович и Гавриил Державин – 7, а также: граф Дмитрий Хвостов – 3, Иван Дмитриев – 1 псалом. Анонимные переложения на славянском языке (не Симеона Полоцкого) – 3 псалма. Более точные сведения об авторах см. в указателе.

Бросается в глаза, что в сборнике Решетникова хотя и есть новый славянский перевод Амвросия, но отсутствует общепринятый текст Псалтири – древний славянский прозаический перевод в стандартной синодальной редакции. Вероятно, это вызвано цензурными соображениями: вряд ли Решетников мог напечатать Псалтирь гражданскими буквами вместо кирилловских и вместе с разными переложениями, церковного значения не имеющими.

Непосредственными оригиналами для печатного текста были, очевидно, снятые Решетниковым рукописные копии псалмов на отдельных листах. Копии эти перед печатью не были приведены в должный порядок, отчего в сборнике есть явные недолжки. Так, например, в первом издании 1809 г. псалом 1 в версии Симеона Полоцкого помещен не на своем месте, а после псалма 8 в Симеоновой же версии. Во втором издании 1811 г. псалом 19 в версии некоего "А... С...", напечатан не на своем месте, а после 23 псалма. В обоих изданиях пять псалмов в переложениях Ивана Петровича Тургенева (27, 33, 69, 101, 129) напечатаны анонимно как "Преложение неизвестной Особы", один псалом (12) – под криптонимом "Г.А.Р.", а авторство всех этих псалмов указано в примечаниях к 136 псалму, где обозначено имя Тургенева.

Решетников закончил составительскую работу над первым изданием 10 марта 1809 г., над вторым изданием – в конце того же 1809 г. Первое издание вышло в 1809 г., второе – в 1811 г.

Различия между первым изданием 1809 г. и вторым изданием 1811 г. (подробнее см. в приложении – в описаниях этих изданий и в авторском указателе):

1) Славянский прозаический перевод архиепископа Амвросия: во 2-м издании у всех псалмов полный текст, в 1-м 53 псалма напечатаны с небольшими купюрами в тексте. Во 2-м издании псалмы в версиях Амвросия с заголовками "Перевод" такого-то псалма, в 1-м издании – "Примечания" к такому-то псалму.

2) Во 2-м издании добавлены новые стихотворные переложения псалмов. Всего 24 новые версии, в том числе 6 версий Ипполита Богдановича, автора "Душеньки".

3) Значительно переработаны переложения самого составителя Андрея Решетникова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Панченко А.М.* Симеон Полоцкий // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. П–С. С. 362–379.
2. *Татарский И.А.* Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886.
3. *Глокке Н.* "Рифмотворная Псалтырь" Симеона Полоцкого и ее отношение к польской "Псалтыри" Яна Кохановского // *Университетские Известия*. Киев, 1896. Год 36. № 9. Ч. II. С. 1–18.
4. *Серман И.З.* "Псалтырь рифмотворная" Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в. // *Труды Отдела древнерусской литературы*. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 214–232.
5. *Łuźny R.* "Psałterz rymowany" Symeona Połockiego a "Psałterz Dawidów" Jana Kochanowskiego // *Slawia Orientalis*. Warszawa, 1966. Rocznik XIV. № 1. С. 3–27.
6. *Державина О.А.* Симеон Полоцкий в работе над "Псалтырью рифмотворной" // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 116–133. Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.).

7. *Kochanowski J.* Psalterz Dawidow. Przekładania Jana Kochanowskiego. 1-е изд. Краков, 1579; 2-е изд. (последнее прижизненное) Краков, 1583; *Kochanowski J.* Dzieła Wszystkie. Wydanie sejmowe. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1982–1991. Т. I. Psalterz Dawidów. Część 1, 3–5; *PiekarSKI K.* Bibliografija dzieł Jana Kochanowskiego. Wiek XVI i XVII. Kraków, 1930. С. 44–61. Раздел XXII.
8. *Досифей, Митрополит Молдавский (Сочавский).* Псалтирь в стихах, на молдавском языке, кириллицей. Унев, 7151 [1673]. Факсимильное издание, с транскрипцией латинским шрифтом: *Dosoftei.* Psaltirea in versuri. 1673. Ediție critică de N.A. Ursu. Cu un cuvînt înainte de Înalт Prea Sfințitul Iustin Moisescu Arhiepiscop al Iașilor și Mitropolit al Moldovei și Sucevei. Mitropolia Moldovei și Sucevei. Iași, 1974.
9. *Чебан С.Н.* Досифей, митрополит Сочавский и его книжная деятельность. К истории румынской письменности и румыно-русских литературных отношений XVII в. Киев, 1915.
10. *Татищев В.Н.* История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 175, пункт 2.
11. *Миллер Г.Ф.* Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 321.
12. *Каган М.Д.* Родоставов Михаил Иванович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 3. П–С. С. 312–313.
13. *Панченко А.М., Салмина М.А.* Василий Титов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 1. А–З. С. 163–164.
14. *Родосский А.* Описание старопечатных и церковнославянских книг, хранящихся в библиотеке С.-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1891. Вып. 1. 1491–1700 г. включ. С. 352.
15. Месяцослов[.] // Стихотворил Иеромонах // Симеон Полоцкий[.]. Москва[.] // 1680[.] [Санкт-Петербург, типография Алексея Сергеевича Суворина, 1882.]
16. *Модзалевский Б.* Решетников Андрей Гордеевич (или Гордианович) // Русский Биографический Словарь. Пг., 1918. С. 741–742.
17. *Бантыш-Каменский Д.* Жизнь Преосвященного Амвросия, Архиепископа Московскаго и Калужскаго, убиеннаго в 1771^м году. С портретом его. М., 1813.
18. Псалтирь в новом славянском переводе Амвросия архиепископа Московскаго. М., 1878.

Приложение

"Полное Собрание Псалмов" Андрея Решетникова – описание изданий (1809 и 1811 гг.) и указатель содержания (по 2-му изданию 1811 г.)

Описание изданий

1. Андрей Гордеевич Решетников – составитель.
"ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ // ПСАЛМОВ ДАВЫДА // ПОЭТА и ЦАРЯ, // преложенных как древними, так и // новыми Российскими Стихотворцами // ИЗ ПРОЗЫ // СТИХАМИ, // с надписанием каждаго из них имени;
СОБРАННАЯ // по порядку Псалтири // А. [= Андреем] Решетниковым.
С картинами.
ТОМ ПЕРВЫЙ. [-] <ВТОРЫЙ.>
МОСКВА. // В Губернской Типографии у А. [= Андрея] Решетникова, // 1809 года."
Славянский и русский языки. Русский гражданский шрифт.
8° (~ 12,5 × 21,5 см). 2 тома.
"ТОМ ПЕРВЫЙ." [Кафизмы 1–10. Псалмы 1–76.] 604 нум. с.; [1]–[11] л. илл.
"ТОМ ВТОРЫЙ." [Кафизмы 11–20. Псалмы 77–151.] 544 нум. с.; [12]–[21] л. илл.

Содержание

Том 1.

С. [1] – титульный лист 1-го тома. Между заглавием и выходными данными – виньетка с пейзажем.

С. [2], сверху – цензурное разрешение, напечатанное курсивом: "С одобрения Цензурного Комитета, // учрежденного для Округа // Императорского Московского // Университета."

С. [2], внизу – типографская марка Андрея Решетникова: монограмма "АР" в венке из цветов.

С. [3] – 604 – основной текст: кафизмы 1–10 (псалмы 1–76).

С. 79, в конце 1-й кафизмы, после 8-го псалма в версии Симеона Полоцкого – "И ПСАЛОМ СЕЙ ЖЕ КАФИСМЫ. // Блажен муж, иже не иде на совет не- // честивых и на пути грешных не ста-, // которой ошибкою при порядке был пропущен. // Преложение Иеромонаха Симеона Полоцкого."

С. 604 – эксплицит: "Конец // преложению Псалмов // из Десятой Кафисмы. // и // ПЕРВАГО ТОМА."

Том 2.

С. [1] – титульный лист 2-го тома. Между заглавием и выходными данными – виньетка, та же, что и в 1-м томе.

С. [2], сверху – цензурное разрешение, то же, что и в 1-м томе.

С. [2], внизу – типографская марка, та же, что и в 1-м томе.

С. [3] – 512 – основной текст: кафизмы 11–20 (псалмы 77–151).

С. 512 – эксплицит: "Конец преложению Псалмов // из Двадесятой Кафисмы. // ВТОРАГО и ПОСЛЕДНЯГО ТОМА."

С. [513] – 544 – приложение к обоим томам: "ПСАЛМЫ, // которые при порядке в кафис- // мах пропущены." Всего 14 новых версий: Андрей Протопопов – псалмы 3, 7, 11, 15, 21, 29; Иван Нестерович – псалмы 15–16, 76; "А.... С...." – псалом 19; Николай Щеголев – псалмы 26, 107; "Г.Х." (Граф Дмитрий Хвостов) – псалом 34; Иван Петрович Тургенев – псалом 136.

С. 529–530, после псалма 21 в версии Андрея Протопопова – "Из ТОЙ ЖЕ [3-й] КАФИСМЫ Псалом XIX й. // NB: Сей псалом переложен Анапестоямбиче- // скими белыми стихами. // Услышит Тя Господь в день печали, // защитит тя имя Бога Иаковля. // Преложение А.... С...."

С. 544, в конце приложения – примечание: "NB. Сии дополнения псалмов по 1809 год Марта // по 10 й день собраны мною."

В заглавиях обоих томов – "С картинами." Я не видел экземпляров с иллюстрациями. Очевидно, в обоих томах – гравюры на меди, такие же, как и во 2-м издании 1811 г.

2. Андрей Гордеевич РЕШЕТНИКОВ – составитель.

"ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ // ПСАЛМОВ ДАВЫДА // ПОЭТА и ЦАРЯ, // преложенных как древними, так и // новыми Российскими Стихотворцами // ИЗ ПРОЗЫ // СТИХАМИ, // с надписанием каждого из них имяни;

СОБРАННЫЯ // по порядку псалтири, // в 1809 году, А. [= Андреем] Решетниковым; а ны- // не при втором издании им же умноженное // и дополненное, в течении года вновь пе- // реложенных в стихи Псалмов, любите- // лям Богодухновенных песней, Россий- // ских стихотворцев.

С картинами.

ТОМ ПЕРВЫЙ. [-] <ВТОРЫЙ.>

С одобрения Цензурного Комитета, учреж- // деннаго для Округа Императорскаго Москов- // скаго Университета.

МОСКВА. // В Губернской Типографии у А. [= Андрея] Решетникова, // 1811 года."

Славянский и русский языки. Русский гражданский шрифт.

8° (~ 12,5 × 21,5 см). 2 тома.

"ТОМ ПЕРВЫЙ." [Кафизмы 1–10. Псалмы 1–76] 608 нум. с.; [1]–[11] л. илл.

"ТОМ ВТОРЫЙ." [Кафизмы 11–20. Псалмы 77–151.] [1] – 509, 600 [= 510] – 609 [= 519], 700 [= 520] – 707 [= 527], [708 = 528] нум. с.; [12]–[21] л. илл.

Различия между 1-м изданием 1809 г. и 2-м изданием 1811 г. (подробнее см. в тексте статьи и в указателе):

1) Славянский прозаический перевод архиепископа Амвросия: во 2-м издании у всех псалмов полный текст, в 1-м издании 53 псалма напечатаны с небольшими купюрами в тексте. Во 2-м издании псалмы в версиях Амвросия с заголовками "Перевод" такового псалма, в 1-м издании – "Примечания" к такому-то псалму.

2) Во 2-м издании добавлены новые стихотворные переложения псалмов. Номера псалмов и авторы новых переложений:

2–1) псалом 12 – Ипполит Богданович;

2–2) псалом 17 – Федор Козельский;

2–3) псалом 18 – Богданович;

2–4) псалом 18 – Михаил Вышеславцев;

2–5) псалом 18 – "Б.";

2–6) псалом 22 – Богданович;

2–7) псалом 42 – И. Забелин;

2–8) псалом 45 – Богданович;

2–9) псалом 49 – Николай Щеголев;

2–10) псалом 51 – Козельский;

2–11) псалом 76 – "Б....";

2–12) псалом 83 – Козельский;

2–13) псалом 90 – Александр Касаткин;

2–14) псалом 90 – "С. Т. Р. К. В.";

2–15) псалом 93 – Андрей Протопопов;

2–16) псалом 100 – Козельский;

2–17) псалом 103 – Козельский;

2–18) псалом 106 – Протопопов;

2–19) псалом 111 – Богданович;

2–20) псалом 126 – Протопопов;

2–21) псалом 136 – Козельский;

2–22) псалом 138 – Протопопов;

2–23) псалом 139 – Козельский;

2–24) псалом 148 – Богданович.

Всего 24 новые версии, в том числе 7 – Козельского, 6 – Богдановича и 4 – Протопопова.

3) Переложения самого составителя Андрея Решетникова значительно переработаны. Радикально переработаны – псалмы 4, 7, 15, 51, 97, 139; с небольшими изменениями – псалмы 3, 8, 53, 60, 109, 132, 133, 137, 145; вовсе без изменений – только псалом 98.

Содержание

Том 1.

С. [1] – титульный лист 1-го тома.

С. [2], в середине – эпитафия, напечатанная крупным курсивом:

"Благо есть исповедаться Го- // сподеви, и пети имени Твоему // Вышний. Псал.[.] 91й."

С. [2], ниже середины – типографская марка Решетникова, та же, что и в издании 1809 г.

С. [3] – 608 – основной текст: кафизмы 1–10 (псалмы 1–76).

С. 238, в конце 3-й кафизмы, после 23-го псалма – "ПСАЛОМ XIX ть // Услышит тя Господь в день печали, за- // щитит тя имя Бога Иаковля. // которой ошибкою при порядке был пропущен. // NB. Сей Псалом переложен Анапестоямбиче- // скими белыми стихами. // Преложение А.... С...."

С. 608 – эксплицит: "Конец преложению Псалмов // из Десятой Кафисмы // и // ПЕРВАГО ТОМА."

Том 2.

С. [1] – титульный лист 2-го тома.

С. [2], в середине – эпитафия, напечатанный крупным курсивом:

"Воспою Господеви в животе // моем, пою Богу моему дон- // деже есмь.

Псалом 103й. Стих 33й."

С. [2], ниже середины – типографская марка Решетникова, та же, что в 1-м томе издания 1811 г. и в обоих томах издания 1809 г.

С. [3] – 707 [= 527] – основной текст: кафизмы 11–20 (псалмы 77–151).

С. 707 [= 527] – эксплицит: "Конец преложению Псалмов // из Двадесятой Кафисмы; // И КОНЕЦ // ВТОРАГО И ПОСЛЕДНЯГО ТОМА."

С. [708 = 528] – пустая.

Иллюстрации – гравюры на меди, на отдельных листах, не имеющих нумерации и не входящих в пагинацию. В 1-м томе – фронтиспис ко всей Псалтири и нечто вроде фронтисписов к каждой кафизме; во 2-м томе – подобные же фронтисписы к каждой кафизме; всего в обоих томах должна быть 21 гравюра – общий фронтиспис и 20 фронтисписов к кафизмам. Я не видел экземпляров 2-го издания 1811 г. с полным числом иллюстраций. Очевидно, такие же иллюстрации были и в 1-м издании 1809 г.

Алфавитный указатель

"А.... С....". – Псалом 19 (1-е издание – т. 2, с. 529–530, в приложении; 2-е издание – т. 1, с. 238, в конце 3-й кафизмы, после псалма 23). Всего только 1 псалом.

"А.... Т.... Ъ....". – Псалом 103. Всего только 1 псалом.

АМВРОСИЙ (Зертис-Каменский), архиепископ Московский. – Псалмы 1–150. Все псалмы, кроме неканонического псалма 151. Новый славянский прозаический перевод, сделан с древнееврейского масоретского текста. Деление псалмов – как в масоретском тексте и протестантских переводах: псалом 9 (по обычному делению) разделен на два псалма, псалмы 146 и 147 объединены в один псалом. Нумерация псалмов двойная: обычная и протестантская.

2-е издание 1811 г. – полный текст всех псалмов (без традиционных надписаний в начале псалмов). Примеры заголовков: псалом 1 – "ПЕРЕВОД // С Еврейскаго языка сего Псалма, Преосвященнаго // Амвросия Архиепископа Московскаго." (т. 1, с. 14); псалом 11 – "ПЕРЕВОД // Преосвященнаго Амвросия Архиепископа Московскаго, // с Еврейскаго языка XI а по псалтири Еврейской // XII го Псалма." (т. 1, с. 113). Псалмы делятся на нумерованные стихи, но в псалмах 91–101 нумерации стихов нет. Т. 2, с. 115 – примечание в начале псалма 91: "NB. Сей псалом и следующия десять, в Ев- // рейской псалтири положены без числа // стихов."

1-е издание 1809 г. – есть все 150 псалмов, но у одних псалмов текст полный, а у других – неполный, с купюрами (купюры всегда небольшие). Примеры заголовков: псалом 1 – "Примечания к I му Псалму, // Взятая из переведенных с Еврейскаго языка // Псалмов, Преосвященным Амвросием Архиепи- // скопом Московским." (т. 1, с. 14); псалом 11 – "Примечания на XI й Псалом, // Взятая из перевода Преосвященнаго Амвросия, // Архиепископа Московскаго." (т. 1, с. 118).

1-е издание – полный текст: псалмы 23, 28, 40, 46–47, 54–67, 69, 72–76, 78–79, 81–150. Неполный текст: псалмы 1–22, 24–27, 29–39, 41–44, 45 (нет только нескольких слов в стихе 10), 48–53, 68, 70–71, 77, 80. Всего 97 псалмов с полным текстом и 53 – с небольшими купюрами в тексте.

"Б." и "Б....". – Псалмы 18 ("Б.", только во 2-м издании), 76 ("Б....", только во 2-м издании). Всего 2 псалма, оба только во 2-м издании.

Ипполит Федорович БОГДАНОВИЧ. – Псалмы 12, 18, 22, 45, 111, 114, 148. Всего 7 псалмов. Псалом 114 – в обоих изданиях, другие псалмы – только во 2-м издании.

Захар Алексеевич БУРИНСКИЙ. – Псалом 67. Всего только 1 псалом.

Михаил Михайлович ВЫШЕСЛАВЦЕВ. – Псалмы 2, 8, 11, 13–14, 18, 22, 29, 45, 54, 79, 90. Всего 12 псалмов. Псалом 18 – только во 2-м издании.

"Г.". – Псалом 140. Всего только 1 псалом.

"Г. А. Р.". – См.: Иван Петрович ТУРГЕНЕВ.

"Г. Х.". – См.: граф Дмитрий Иванович ХВОСТОВ.

Гавриил Романович ДЕРЖАВИН. – Псалмы 44–45, 81, 101, 103, 120, 146. Всего 7 псалмов.

Иван Иванович ДМИТРИЕВ. – Псалом 49 ("Преложение Гна. И... Димитриева. [!]"). Всего только 1 псалом.

"Преложение К... Александръ Долгорукаго." (Князь Александр ДОЛГОРУКОВ?). – Псалом 22. Всего только 1 псалом.

И. ЗАБЕЛИН. – Псалом 42. Всего только 1 псалом, и только во 2-м издании.

Александр КАСАТКИН. – Псалом 90. Всего только 1 псалом, и только во 2-м издании.

Федор Яковлевич КОЗЕЛЬСКИЙ. – Псалмы 17, 51, 83, 100, 103, 136, 139. Всего 7 псалмов, все только во 2-м издании.

Ермил Иванович КОСТРОВ. – Псалом 18. Всего только 1 псалом.

Александр КОТЕЛЬНИЦКИЙ. – Псалом 143. Всего только 1 псалом.

Авраам КРЫЛОВ. – Псалмы 1–17, 19–21, 36–37, 49, 93, 101, 108, 138. Всего 27 псалмов.

Михаил Васильевич ЛОМОНОСОВ. – Псалмы 1, 14, 26, 34, 70, 103, 143, 145. Всего 8 псалмов.

Иван Владимирович ЛОПУХИН. – Псалмы 12, 14 (с добавлением "Подражание смысла тогоже Псалма."), 23, 41, 96. Всего 5 псалмов.

Евфимий (Ефим) Петрович ЛЮЦЕНКО. – Псалом 93. Всего только 1 псалом.

"...нь". – Псалом 1. Всего только 1 псалом.

"Н... Щ...". – См.: Николай Н. ЩЕГОЛЕВ.

"Н... Щ...въ". – См.: Николай Н. ЩЕГОЛЕВ.

Иван Иванович НЕСТЕРОВИЧ. – Псалмы 15–16, 76, 80, 90, 109. Всего 6 псалмов. 1-е издание – псалмы 15, 16 и 76 помещены в приложении (т. 2, с. 518–520, 521–523, 536–539).

Николай Петрович НИКОЛЕВ. – Псалмы 1–14, 26, 34, 44–45, 70–71, 96, 103, 143, 145, 148. Всего 25 псалмов. Псалом 9 – разделен на два стихотворения.

Марья ОБРЮТИНА. – Псалом 12 ("Преложение Г-жи Марьи.... Обрютиной."). Всего только 1 псалом.

"Преложение Пр. В. Пр. в городе Серпухове." – Псалмы 34, 54. Всего 2 псалма.

Василий Петрович ПЕТРОВ. – Псалом 85 ("Преложение М.А.С. Василия ... Гна. Петрова."). Всего только 1 псалом.

Александр Иванович ПОДЛЕСЕЦКИЙ. – Псалом 9. Всего только 1 псалом.

Андрей Федотович ПРОТОПОПОВ. – Псалмы 3, 7, 11, 15, 21, 29, 93, 106, 126, 138. Всего 10 псалмов. 1-е издание – псалмы 3, 7, 11, 15, 21 и 29 помещены в приложении (т. 1, с. [513]–517, 520–521, [524]–529, 532–534). Псалмы 93, 106, 126 и 138 есть только во 2-м издании.

Андрей Гордеевич РЕШЕТНИКОВ (составитель). – Псалмы 3–4, 7–8, 15, 51, 53, 60, 97–98, 109, 132–133, 137, 139, 145. Всего 16 псалмов. 2-е издание – по сравнению с 1-м изданием: радикально переработаны – псалмы 4, 7, 15, 51, 97, 139; с небольшими изменениями – псалмы 3, 8, 53, 60, 109, 132, 133, 137, 145; вовсе без изменений – только псалом 98.

"С. Т. Р. К. В.". – Псалом 90. Всего только 1 псалом, и только во 2-м издании.

Иеромонах СИМЕОН Полоцкий. – Псалмы 1–151. Все без исключения псалмы, на славянском языке, силлабическими стихами. Всего 151 псалом. 1-е издание – псалом 1 по ошибке помещен в конце 1-й кафизмы, после псалма 8 в версии Симеона (т. 1, с. 79). Другие славянские силлабические версии см.: СЛАВЯНСКИЕ силлабические переложения, ФЕОФАН Прокопович.

СЛАВЯНСКИЕ силлабические переложения – неизвестных авторов, не Симеона Полоцкого. – Псалом 1 ("Преложение древнейших Стихотворцев."), 83 ("Прелож. древнейшаго неизвестнаго Стихотворца."), 136 ("Преложен. одного из древних Стихотворцев."). Всего 3 псалма.

Александр Петрович СУМАРОКОВ. – Псалмы 1–18, 19 (две версии), 20–50, 51 (две версии), 53–105, 106 (две версии), 108–134, 136–142, 143 (две версии), 144–151. Переложены все псалмы, кроме 52, 107, 135. Всего 148 псалмов (152 версии). Псалом 9 – разделен на два стихотворения. Т. 1, с. 461, псалом 52 – "Примечание: Сей псалом точно тот же, // что и [во] второй Кафисме 13 ть, кроме что в не- // которых различествует слова; да в сти- // хе 7 м, которой особенное имеет в себе со- // держание." Т. 2, с. 262, псалом 107 – "NB. Примечание. Псалом сей почти такоуж // содержания от стиха 7 го даже до конца // всего, как и 59 й в восьмой кафисме; и потому // надобно думать, что Господин // Сумароков пропустил его, в преложении своем стихами." Т. 2, с. 407, псалом 135 – "NB. Сего псалма преложения Александръ Петрови- // ча Сумарокова нет, потому что он почти // тот же самой, как прежний, кроме что в // конце сего пять стихов прибавлено к нему."

Псалмы в переложениях Александра Петровича Сумарокова – см. его "Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе", в 10 частях, "Собраны и изданы [...] Николаем Новиковым", М., 1781–1782. Ч. I, 1781, с. [1] – 216 – "Духовныя Стихотворения, или Преложение Псалмов".

"К... ТАВРИДЕЦЪ." – Псалом 33. Всего только 1 псалом.

"Господинъ Ии, Тмковск..." (Иван Федорович ТИМКОВСКИЙ). – Псалом 27. Всего только 1 псалом.

Василий Кириллович ТРЕДИАКОВСКИЙ. – Псалмы 1, 6, 18, 42, 51, 78, 111, 136, 139, 143. Всего 10 псалмов.

Вся Псалтирь в переложении Василия Кирилловича Тредиаковского (псалмы 1–151 и обычные песни с добавлением песни пророчицы Деворы), новейшая публикация гражданским шрифтом, по авторской рукописи 1753 г. Vasilij Kirillovič Trediakovskij. Psalter 1753. Erstausgabe besorgt und kommentiert von Alexander Levitsky herausgegeben von Reinhold Olesch und Hans Rothe. 1989. Ferdinand Schöningh. Paderborn–München–Wien–Zürich. (Biblia Slavica. Herausgegeben von Reinhold Olesch und Hans Rothe unter mitarbeit von Friedrich Scholz. Serie III: Ostslavische Bibeln. Band 4: Russische Psalmenübertragungen. b: Vasilij Kirillovič Trediakovskij.)

Иван Петрович ТУРГЕНЕВ. – Псалмы 12 ("Преложение Г. А. Р."), 27 ("Преложение неизвестной Особы."), 33 (т. 1, с. 296–298 – "Преложение неизвестной Особы.", начало: "Хвалу Всевышнему Владыке, // [...]"), 69 ("Преложение неизвестной Особы."), 101 ("Преложение неизвестной Особы."), 129 ("Преложение неизвестной Особы."), 136 ("Преложение Ивана Петровича Тургенева."). Всего 7 псалмов. Автор указан только при 136 псалме; там же заметка Решетникова, где указано, что остальные псалмы (12, 27, 33, 69, 101, 129) – также принадлежат Ивану Петровичу Тургеневу. См. т. 2, с. 417, псалом 136: "NB. Псалмы помещенныя при порядке псалтыри 12, 27 й, 33 й, 69, 101 й и 129 его же Г. Тургенева преложение, которыя в Друге Юношества [за 1809 г.] в Январе месяце издаваемом Г-м [Максимом] Невзоровым объяснены в надписи." 1-е издание – псалом 136 в приложении (т. 2, с. 542–544).

"Господин УСОЛЕЦ." – Псалом 18 ("Преложение Гна. Усольца."). Всего только 1 псалом.

ФЕОФАН Проколович, архиепископ Новгородский. – Решетникову был понаслышке известен псалом 90 в славянской силлабической версии Феофана Прокопо-

вича, но в сборнике Решетникова нет этой версии. См. т. 2, с. 111 – примечание Решетникова к псалму 90: "Примечание. Есть сей псалом преложения Преосвященнейшаго Феофана Прокоповича, Архиепископа Новгородскаго; но нигде я его отыскать не мог, для сведения же о нем, сие замечание при порядке здесь помещаю." Псалом 90 в славянской силлабической версии Феофана Прокоповича см.: Vasilij Kirillovič Trediakovskij. Psalter 1753. 1989, с. 556–557, в английском послесловии Александра Левитского.

Граф Дмитрий Иванович ХВОСТОВ. – Псалмы 34 ("Преложение Г. Х."), 42, 103. Всего 3 псалма. 1-е издание – псалом 34 помещен в приложении (т. 2, с. 534–536).

"Птр. Шрпв." (Петр ШАРАПОВ). – Псалмы 8, 127. Всего 2 псалма.

Николай Н. (= Николай Е.?) ЩЕГОЛЕВ. – Псалмы 26 ("Преложение Н... Щ...въ"), 49 ("Преложение Николая... Гна... Щеголева."), 71 ("Преложение Гна. Н... Щ..."), 107 ("Преложение Николая Н... Гна. Щеголева."). Всего 4 псалма. 1-е издание – псалмы 26 и 107 помещены в приложении (т. 2, с. 530–532, [540]–542). Псалом 49 – только во 2-м издании.

"...Ъ." – Псалом 48. Всего только 1 псалом.

Андрей Федорович ЯКУБОВИЧ. – Псалом 36. Всего только 1 псалом.

"N... N..." и "N. N.". – Псалмы 1 (3 версии, во всех "N... N..."), 18 ("N. N."). Всего 2 псалма (4 версии).

"Преложение неизвестной Особы." – См. также: Иван Петрович ТУРГЕНЕВ.

"Преложение неизвестной Особы." – Псалмы 33 (т. 1, с. 293–296, начало: "Благо- словен на всяко время // [...]"), 41 (две версии), 48, 71, 89–90, 100, 122–125, 136, 141. Всего 13 псалмов (14 версий).

© 2001 г. А.С. СТЫКАЛИН

НОВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЛИ СОВЕТСКОГО ФАКТОРА В ЧЕХОСЛОВАЦКИХ СОБЫТИЯХ 1968 ГОДА (К ВЫХОДУ В СВЕТ МЕМУАРОВ ГЕНЕРАЛА А.М. МАЙОРОВА)

Предпринятая в Чехословакии весной-летом 1968 г. попытка реформировать реальный социализм и острая реакция на нее официальной Москвы, своей интервенцией 21 августа положившей конец одному из наиболее интересных социальных экспериментов второй половины XX в., продолжают привлекать внимание исследователей.

В год 30-летия "Пражской весны" обширная библиография работ, ей посвященных, пополнилась немалым количеством новых публикаций на разных языках. Довольно видное место в литературе о чехословацких событиях по-прежнему занимают свидетельства очевидцев. В отличие от известных российскому читателю мемуаров активных деятелей "Пражской весны" З. Млынаржа [1] и О. Шика [2], книга генерала армии А.М. Майорова [3] принадлежит перу человека, сыгравшего в те дни совсем иную, во многом противоположную, роль. Ведь командуя в августе 1968 г. 38-й армией, он явился одним из главных исполнителей военной операции по вводу войск в Чехословакию, а в октябре того же года был назначен первым командующим только что созданной Центральной группы войск, которой предстояло постоянно дислоцироваться в этой центральноевропейской стране. Мемуары генерала А. Майорова, включающие в себя и некоторые аутентичные документы, относящиеся к 1968 г. (в первую очередь, донесения генерала, адресованные в Москву), дополняют немаловажными подробностями известную из других источников картину чехословацких событий.

Процессы, происходившие в Чехословакии с середины 1960-х годов (либерализация в культурной жизни, первые попытки экономических реформ), не только привлекали пристальное внимание Кремля, но, судя по всему, еще задолго до весны 1968 г. вызывали определенные опасения. Когда в 1966 г. военный советник в Египте А. Майоров впервые был принят Л.И. Брежневым, пожелавшим побольше узнать о положении на Ближнем Востоке, разговор неожиданно зашел о Чехословакии. Майорову тогда предстояло принять новое назначение – в Прикарпатский военный округ. Напутствуя командарма, генеральный секретарь ЦК КПСС дал ему лишь один конкретный совет: поглядывать на соседнюю Чехословакию и иметь побольше друзей в ее армии.

Прошло менее двух лет, и беспокойство в Москве заметно усилилось. Чехословацкая пресса к концу зимы 1968 г. фактически выходит из-под партийного контроля.

Стыкалин Александр Сергеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Возникают очаги внепартийной оппозиции – разного рода интеллигентские клубы. Разбуженная политическая активность населения приводит и к кадровым изменениям в правящей партии: под давлением общественного мнения, впервые за годы коммунистического правления заявившего о себе как о действенном факторе политической жизни, в ЧССР происходят одна за другой отставки функционеров догматического толка, партийные "либералы" овладевают целым рядом важных должностей. 23 марта 1968 г. состоялась встреча лидеров ряда соцстран в Дрездене, первая в череде других, посвященных обсуждению положения в Чехословакии. Делегация КПЧ впервые подверглась жесткой проработке за "уступки оппозиции".

12 апреля генерал-лейтенант А. Майоров был вызван из Хмельницкого во Львов к командующему округом, где его ознакомили с приказом министра обороны и Генштаба от 11 апреля о вводе 38-й армии в ЧССР "с целью подавления, а при необходимости и уничтожения контрреволюции на ее территории" [3. С. 19]. В течение суток с момента получения сигнала армии предстояло пройти 500–550 км, взять под контроль Словакию и восток Моравии, выйти на линию Брно – Острава. Документ был особо секретным. Майорову не разрешалось проинформировать о его содержании даже армейскую парторганизацию. Однако при том, что план оккупации ЧССР, как впервые выясняется именно из мемуаров Майорова, был разработан уже к середине апреля, принципиальное политическое решение о военном вторжении отнюдь еще не было к тому времени принято. Ведь успех всей операции зависел не только от действий военных; куда труднее было решить проблему власти – удалить из руководящих чехословацких партийных и государственных органов всех неугодных Москве людей, сделать правительство послушным и управляемым, готовым беспрекословно подчиниться воле Кремля. Начальник главного оперативного управления Генштаба, приехавший во Львов, чтобы дать конкретные указания А. Майорову, накануне, 11 апреля, вместе с министром обороны А. Гречко был принят Брежневым, который сказал последнему: "Андрей, готовься к большему. Но даст Бог, обойдется без этого" [3. С. 21].

Прямую военную акцию решено было отсрочить, на протяжении нескольких месяцев она рассматривалась лишь как одна из альтернатив, на случай неблагоприятного развития событий. Этому способствовало и майское посещение Праги А.Н. Косыгиным, который по итогам поездки был вынужден признать популярность избранного в январе 1968 г. первым секретарем ЦК КПЧ А. Дубчека, персонифицировавшего курс на обновление, а также убедиться в слабости позиций тех, кого в Москве считали более надежными партнерами.

В течение июня на территории ЧССР проходили крупномасштабные войсковые учения стран Варшавского договора "Шумава", по сути дела ставшие своеобразной формой политического давления, тем более, что в течение целого месяца по окончании маневров, вопреки явному неудовольствию хозяев, многотысячные вооруженные формирования все никак не уходили с чехословацкой земли. Воодушевленные присутствием советских войск, ортодоксы из КПЧ, недовольные развернувшейся либерализацией, попытались предпринять контрнаступление, перехватить инициативу. Это заметили и советские военные. "Пребывание советских воинов на территории областей ЧССР вызывает уверенность у партийного, общественного и армейского актива в своем положении", – доносил в то время Майоров в Москву [3. С. 35]. А позже, пытаясь в мемуарах реконструировать собственное отношение к происходившему вокруг ЧССР в июне 1968 г., он замечал, что "опасения о возможном остродраматическом развитии отодвигались, во всем чувствовалась последовательность и твердость нашего высшего политического и военного руководства" [3. С. 44].

Однако полного спокойствия, конечно же, не было, и по мере продолжения маневров озабоченность возрастала. Проведя немало дней в Чехословакии в период крупномасштабных маневров, советский генералитет во главе с маршалом И.И. Якубовским сделал вывод о низкой боеспособности Чехословацкой Народной Армии (ЧНА). Даже новый президент ЧССР, уважаемый советскими военными престарелый

генерал Л. Свобода, посетив одно из показательных учений, в сердцах обозвал своих соотечественников "швейками". Если боевая подготовка в ЧНА была явно не на высоте, то о какой-либо партийно-политической работе в ее красноармейском понимании вообще не могло идти речи. Советские генералы были явно шокированы, увидев на стенах одной из казарм вместо портретов руководителей партии вырезки из полупорнографических журналов. При этом в беседах с советскими офицерами чехословацкие военные, включая политработников, подчас весьма яро отстаивали преимущества демократического социализма, одновременно насмехаясь над уставами Советской Армии, задавая "провокационные" вопросы, жалуясь на низкое качество советских военных самолетов и на неправильное освещение "Правдой" положения в Чехословакии, выражая неудовольствие неравноправным экономическим обменом с СССР и недоумевая по поводу задержки войск стран Варшавского договора в ЧССР по окончании маневров. К огромному раздражению советских военных, газета "Rudé právo" критически отзывалась о поведении советских солдат и торопила СССР с выводом войск, а "матерые" руководители правого крыла КПЧ, участник гражданских войн в Испании и Китае Ф. Кригель и лидер чешского подполья времен второй мировой войны Й. Смирковский (испытывший тюремное заключение и при Масарике, и при немецких оккупантах, и при Готвальде), открыто высказывались против затянувшегося пребывания на чехословацкой земле иноземных солдат. Среди бойцов ЧНА вполне легально собирались подписи в поддержку "2000 слов" (программного документа интеллигентской оппозиции), на митингах с участием чехословацких военнослужащих нет-нет да появлялись транспаранты "Русские, домой!", и вдобавок ко всему интендантские службы ЧНА сняли советские части с довольствия еще до их выхода с чехословацкой территории.

Особо неслыханным по своей возмутительности советским генералам представлялся тот факт, что в Чехословакии политруки и комиссары вместо того, чтобы прививать своим солдатам идеи "пролетарского интернационализма", напротив, "разлагают" армию проповедью особого чехословацкого пути к социализму, более "демократического", чем в СССР и где-либо еще. Вывод, который делался из всего этого, был однозначен: "так называемая демократизация" в ЧНА зашла настолько далеко, что мы рискуем потерять надежного союзника на одном из важнейших стратегических направлений. "По нашему мнению, состояние многих частей и соединений ЧНА не соответствует сложности современной международной обстановки и острому внутривнутриполитическому положению в ЧССР", – доносил Майоров в Москву [3. С. 96].

Но самое главное, в СССР и ЧССР отнюдь не одинаково понимались задачи чехословацкой армии в случае возможных военных столкновений с Западом, что показала и тактика чехословацких генералов в ходе маневров. "Какими бы лояльными ни были союзники, их военно-политической установкой всегда является обеспечение собственных интересов. Для Чехословакии, в случае вторжения противника, главное – как можно скорее втянуть в войну своего союзника СССР с его могучими вооруженными силами, а свою армию – беречь. Обороняться и не рисковать – вот кредо чехословацких вооруженных сил" [3. С. 75]. У СССР была иная установка – заставить армию ЧССР драться активно, обеспечив условия для выдвижения из СССР мощных военных группировок. Смысл учений "Шумава" заключался в том, чтобы отрепетировать эти роли. Однако маневры как нельзя лучше показали, что каждый понимал свою роль в соответствии с собственными устремлениями. При этом высшие руководители Чехословакии, продолжая декларировать ее верность союзническим обязательствам, в то же время со все большей определенностью высказываются за сокращение непосильных оборонных расходов ЧССР, а среди офицеров, в том числе в Военно-политической академии, получает хождение идея нейтралитета наподобие югославского [4].

Впечатления советских генералов, полученные в ходе двухмесячного пребывания в ЧССР, разительно контрастировали с их представлениями о том, что такое социа-

лизм: "Слово. Радио. Телевидение. Газеты. У венгров тоже с этого начиналось. А кончилось тем, что коммунистов вешали на фонарях... Только второй Венгрии они здесь не дождутся", – говорил своим подчиненным маршал Якубовский [3. С. 119]. Можно предполагать, что донесения советских военных политическому руководству страны по итогам летних маневров в Чехословакии стали одним из главных факторов, предопределивших окончательный выбор силового варианта решения чехословацкой проблемы.

Поскольку принципиальное решение о военном вмешательстве в июле 1968 г. не было еще принято, пребывание советских войск в ЧССР в течение месяца по окончании маневров не сопровождалось соответствующей политической подготовкой; солдаты и офицеры чувствовали неопределенность своего положения. Правда, маршал Якубовский на одном из офицерских совещаний сказал, что части Советской Армии будут находиться на чехословацкой территории до конца лета, а в сентябре начнутся новые "большие маневры" [5. С. 32]. Однако шумная пропагандистская кампания, развернувшаяся в ЧССР против затянувшегося пребывания советских войск, заставляла усомниться в том, что эта версия согласована с чехословацкими руководителями. Даже просоветски настроенные офицеры в беседах с советскими коллегами не скрывали своего негативного отношения к задержке с выводом войск. Неопределенность положения разлагающе влияла на армию. Политруки все чаще докладывали о "нездоровых настроениях" солдат. Среди офицеров активно обсуждался вопрос о разногласиях внутри Организации Варшавского Договора, о том, что якобы "даже Польша выступила против вооруженного вмешательства, а Венгрия уже давно оказывает поддержку Чехословакии" [5. С. 32]. В середине июля делегация КПЧ отказалась прибыть в Варшаву на совещание лидеров ряда соцстран. Напряженность в отношениях "братских партий" хорошо ощущалась советскими офицерами среднего звена. "Единственно, чего я опасюсь, что если чехи прилетят в Варшаву, то их могут там и не выпустить, а кто-либо другой (тот же Биляк, Кольдер или Индра) может объявить о создании правительства и пригласить наши войска... Боюсь, что мы влезаем в некрасивую историю, как бы не пришлось сделать первый выстрел в третьей войне", – записал в дневнике один полковник [5. С. 32]. Напряженное ожидание развязки со временем только усиливалось. Когда в начале августа лидеры соцстран съехались в Братиславу, у некоторых офицеров складывалось впечатление, что правительству ЧССР будет предъявлен ультиматум и начнется вторжение [5. С. 33].

Никакой политической выгоды СССР задержка с отводом армии не приносила. Напротив, в начале августа уход советских войск воспринимался общественным мнением в ЧССР уже не просто как отвод на свои базы, а как отступление, признание неудачи политики силового давления, новый успех "правых сил" в КПЧ. Впоследствии, в частности в директивной статье газеты "Правда" от 22 августа "Защита социализма – высший интернациональный долг", недовольство населения пребыванием советских войск по окончании маневров пытались расценить как результат успешной пропаганды "ревизионистов", сознательно стремившихся поставить под сомнение обязательства Чехословакии, вытекающие из ее членства в Организации Варшавского Договора. Тем самым оно использовалось как один из аргументов в пользу размещения в ЧССР контингента Советской армии на постоянной основе.

Выйдя из ЧССР, части 38-й армии расположились в непосредственной близости от границы. 11 августа в Москве генерал-лейтенант Майоров был принят Гречко, а затем Брежневым и Суловым. Положение в Чехословакии продолжало вызывать серьезные опасения в Кремле, ведь процесс либерализации набирал темп, обретая собственную динамику, и, вопреки обещаниям Дубчека на встречах в Чиерне-над-Тисой и Братиславе в конце июля – начале августа, опыненное непривычно широкой народной поддержкой руководство КПЧ даже перед лицом советского диктатора пока не было склонно предпринимать решительных действий против сторонников "особого пути" к социализму, ограничивать проявления стихийной общественной активности.

На встрече Майорова с лидерами КПСС речь зашла о силовом варианте решения чехословацкой проблемы. Естественно, встал вопрос: окажет ли ЧНА сопротивление советским войскам после их несанкционированного вступления на территорию ЧССР? Нелестное мнение командарма о боеспособности чехословацкой армии лишь утвердило партийных лидеров в мысли о не слишком высокой цене силового решения.

"Всеим своим видом и жестаим Брежневу удавалось создать обстановку доброжелательности, раскрепощенности, так чтобы любой его собеседник чувствовал себя равным в диалоге с ним", – таким запомнился Майорову человек, символизировавший эпоху застоя [3. С. 276]. Однако главное, что бросилось в глаза Майорову, так это природная нерешительность Брежнева. Генеральный секретарь понимал, что потеря контроля над Чехословакией будет стоить ему поста. Но будучи человеком отнюдь не волевым по натуре, склонным к сомнениям, Брежнев не являлся главным ястребом в советском руководстве, он готов был пойти на крайние меры лишь под давлением непреложных обстоятельств и коллег по Политбюро, подталкивавших его к такому решению.

После указанных встреч Майоров был командирован в Польшу. Созданный скупымим средствами генеральских мемуаров, но тем не менее выразительный образ В. Гомулки – одна из несомненных удач книги. Лидер ПОРП, предпочитавший получать информацию из первых рук, пожелал принять у себя советского командарма и внимательно выслушал его сообщение о внутривполитическом положении в Чехословакии. В свое время, в конце 1940-х годов, не прошедший должной коминтерновской выучки Гомулка вызывал немалое раздражение в Кремле своим явным несоответствием установленным канонам руководителя "братской партии", отчетной Сталину и Коминформбюро. Предпочтение было отдано Б. Беруту, проявившему гораздо больше готовности смириться с крайне незавидной для польского политика ролью московского вассала. Исключенный в конце концов из партии и проведенный три года в заключении Гомулка был, однако, востребован польской нацией позже, осенью 1956 г., в условиях глубокого кризиса всей системы. Решительно выступив тогда за равноправие польско-советских отношений, настояв на удалении большой группы советских советников из силовых структур ПНР, Гомулка, пришедший к руководству ПОРП на волне митинговой стихии, сумел несколько разрядить обстановку, нейтрализовать грозившие обернуться мощным взрывом антикоммунистические настроения в Польше. "В первый раз со времени своего возникновения польский коммунизм освободился от обвинений в том, что является российской марионеткой, обреченной на вечный и непримиримый конфликт с польскими национальными устремлениями... В первый раз за свою долгую, переменчивую и трагическую карьеру польский коммунизм взял на себя роль выразителя национальных устремлений к независимости и свободе", – писал в те дни на страницах журнала "Scotsman" уроженец Польши, выдающийся британский левый политолог Исаак Дойчер (цит. по: [6]). При том, что за Гомулкой в глазах Москвы закрепилась стойкая репутация "правонационалистического уклониста", Н.С. Хрущев и его окружение поняли, что из всей коммунистической элиты Польши прежде всего он и его сторонники из таких же "национал-уклонистов" смогли бы помочь облечь идею социализма в упаковку, более привлекательную с точки зрения польского национального сознания. В варшавском Бельведере также были готовы пойти на компромисс. Подписанный в Варшаве еще в мае 1955 г. договор, положивший начало ОВД, подавался идеологами ПОРП (и отнюдь не безосновательно) как гарант сохранения незыблемости той системы международных отношений, которая смогла обеспечить для польской нации максимально благоприятное в новейшее время геополитическое пространство. Между тем завоевания польского октября 1956 г. не получили институционального закрепления, и буквально в течение года произошел откат к хотя и не слишком тиранической, но все же очень неэффективной административно-бюрократической модели социализма. Расстрел рабочей демонстрации в Гданьске в конце 1970 г. знаменовал собой бесславную концовку режима Гомулки.

Под пером мемуариста Гомулка предстает читателю как прожженный, ловкий, весьма циничный политикан, в котором шляхетская заносчивость и презрение к толпе сочетались, впрочем, с неплохой интуицией и способностью достаточно трезво оценивать обстановку, делая надлежащие выводы касательно собственной безопасности. Беседуя с советским эмиссаром рангом ниже себя, Гомулка не особенно скрывал своей глубокой русофобии. Он не мог, например, отказать себе в удовольствии пустить несколько шпилек в адрес Майорова, чьи предки, казаки, в свое время "пролили немало крови польской". С интересом читается и лаконичное, но выразительное описание "придворного" быта и нравов официальной Варшавы 1960-х годов: каждому иностранному гостю, посещавшему Гомулку в его загородной резиденции, предлагался причудливый винегрет из музыки Шопена и девочек легкого поведения, приятному обществу которых "пан секретарь" не преминул передать и своего собеседника-генерала, удостоверившись в ходе беседы, что эти "швейки" не окажут серьезного сопротивления объединенным силам стран Варшавского Договора.

Утром 18 августа в Москве Майоров был вызван на совещание генералитета у министра обороны, проходившее в обстановке строгой секретности, без права записывать. Гречко приехал с заседания в Кремле, где при участии союзников было принято решение о военной акции. Оно окончательное и бесповоротное, от него мы не отступим даже при угрозе третьей мировой войны, подчеркнул, выступая перед подчиненными, министр. Союзники (венгры, поляки, болгары) также подключаются к операции. Пять дивизий готов предоставить и В. Ульбрихт, но их прямое участие в акции признано политически нецелесообразным, к их помощи решено обратиться лишь при наихудшем развитии событий, пока же они только подтянуты к границе (позже президент Свобода, с горечью воспринявший решение союзников о некрошенной "интернациональной помощи", был рад уже тому, что в оккупации Чехословакии не приняли участие немецкие войска) – 1939 год еще продолжал ощутимо присутствовать в памяти старших поколений. Хотя на Политбюро при обсуждении плана действий приводилась точка зрения о том, что для "нормализации" положения в стране можно будет обойтись силами двух-трех дивизий, некоторые опасения западного вмешательства (а в Баварии вот-вот должны были начаться маневры НАТО) заставили избрать иную стратегию, предполагавшую максимальное использование военных ресурсов. Всего в системе ОВД в состоянии повышенной боеготовности было приведено около 200 дивизий. Общее командование операцией осуществлял главнокомандующий сухопутных войск генерал армии И.Г. Павловский.

При занятии Праги предстояло взять под контроль основные государственные учреждения, парализовав всю систему власти. Эту функцию выполняли по преимуществу воздушно-десантные соединения [7]. 38-я армия под командованием генерал-лейтенанта Майорова с приданными ей соединениями должна была в 24 часа овладеть Словакией и Моравией. Открывать огонь можно было только с разрешения министра обороны, хотя предвидеть всех последствий неожиданного вторжения было, конечно, невозможно, и большая ответственность ложилась непосредственно на командарма. На случай осложнения ситуации, т.е. активного сопротивления ЧНА, был разработан особый план. Для того, чтобы пресечь любые попытки противодействия со стороны ЧНА, Гречко напутствовал министра обороны СССР М. Дзура фразой, вошедшей в историю: "Передай Дзуру, – сказал он Павловскому, – что если в нашу сторону будет сделан хотя бы один выстрел, я его повешу на первой же осине". Начало перехода границы было назначено на 23 ч 20 мин 20 августа.

При том, что в ход была пущена гигантская военная машина, политический смысл происходящего, судя по источникам, преподнесли основной массе задействованных военнослужащих не только тенденциозно, но в самой общей форме. Согласно отзывам очевидцев, некоторые из советских солдат "и не знали, что они в Праге, думали, они в Германии. Единственное, в чем они были убеждены, что они пришли подавить контрреволюцию... Русские солдаты не понимали, почему люди смотрят на них с ненавистью, ведь они приехали нас освободить, как и в 1945 году... Объяснение,

что мы, так же как и они, хотим жить в социализме, но по-своему, осталось без отзыва" [8]. Пражский Национальный музей еще долго сохранял следы автоматной очереди, выпущенной по его стенам солдатами, принявшими это здание за берлинский рейхстаг. По свидетельству тогдашнего корреспондента "Известий" Б. Орлова, многие бойцы Советской Армии испытали настоящее душевное потрясение, столкнувшись с крайне враждебным отношением населения [9].

Операция по занятию территории Чехословакии была проведена довольно четко. "Военные специалисты США оценивают акцию пяти стран Варшавского Договора как полный военный успех", – отмечалось в одном из дипломатических донесений посольства ЧССР из Вашингтона [10. С. 17]. Но политически акция явно не удалась. Вопреки чересчур оптимистическим прогнозам советского посольства, на протяжении многих месяцев дававшего в Москву искаженную картину общественных настроений и соотношения сил в партийном руководстве, "здоровые силы" так и не сумели добиться большинства в Президиуме ЦК КПЧ; президент Свобода отказался признать марионеточное правительство "друзей Москвы". Как Национальное собрание ЧССР, так и состоявшийся в конце августа XIV (высочанский) съезд КПЧ (кстати, единственный в истории партии съезд, прошедший нелегально) осудили агрессию.

На незаконный характер акции указал и представитель ЧССР на заседании Совета Безопасности ООН, где 21 августа состоялась жаркие дебаты. "21 августа штаб-квартира ООН на Ист-Ривер напоминала встревоженный муравейник... Политическая атмосфера, в которой проходила дискуссия в Совете Безопасности, была предельно накалена. Ни до, ни после мне не доводилось быть свидетелем столь острой, грубой, порой оскорбительной для отдельных ее участников полемики. Она шла в основном между американским и советским представителями", – вспоминает В.Л. Исразян, в то время заместитель постоянного представителя СССР в ООН [11]. Хотя США и их союзники по НАТО объективно были заинтересованы в ослаблении противостоящей им силы – ОВД, прямой конфронтации с Москвой они, как правило, стремились избегать; часть западных политиков придерживалась той точки зрения, что усиление полицентрических тенденций в восточноевропейском лагере нарушит сложившийся баланс сил в Европе, усилит напряженность на континенте и потому нежелательно для Запада. На протяжении всей "Пражской весны" правительство США последовательно дистанцировалось от архитекторов чехословацких реформ, стараясь не давать СССР и его союзникам малейшего повода для обвинений во вмешательстве во внутренние дела ЧССР и, соответственно, предлога для интервенции [10]. Более того, используя дипломатические каналы, оно неоднократно призывало пражских реформаторов к сдержанности и осторожности.

Исходя из незыблемости ялтинско-потсдамской модели послевоенного устройства Европы, США и другие западные державы и после 21 августа, вопреки всей своей пропагандистской риторике, не только не были склонны на далеко идущие санкции против СССР, но подчеркнуто демонстрировали отсутствие каких-либо особых интересов во внутренних делах стран восточноевропейского блока. Как и в случае с венгерскими событиями 1956 г., они фактически признали за Советским Союзом право на диктат в сфере своего влияния. Многие видные западные наблюдатели резонно замечали, что акция 22 августа 1968 г. носила в сущности оборонительный характер, будучи субъективно направлена на восстановление пошатнувшихся позиций СССР в одной из ключевых стран своей зоны безопасности, сохранение достигнутого паритета, а отнюдь не на овладение новым геополитическим пространством. Особенно откровенен был тут, пожалуй, генерал де Голль, который, кстати сказать, еще осенью 1956 г. шокировал французское общественное мнение оправданием советской агрессии в Венгрии интересами равновесия сил в Европе. Как в либеральных, так и в консервативных кругах разных стран существовали к тому же опасения, что успехи пражских реформаторов усилят влияние левых идей и партий на Западе. Убеждение, что большой войны из-за Чехословакии не будет, сыграло немалую роль при выработке силового решения чехословацкой проблемы. Характерны в этой связи

слова министра иностранных дел СССР Громыко, произнесенные 19 июля на заседании Политбюро: "Надо подумать о том, что же вызовут крайние меры? Я думаю, что сейчас международная обстановка такова, что крайние меры не могут вызвать обострения, большой войны не будет" [12].

Из-за провала планов по созданию нового правительства тактику приходилось менять на ходу. Вывезенных в СССР под конвоем членов и кандидатов в члены Президиума ЦК КПЧ А. Дубчека, Ф. Кригеля, Й. Смирковского, О. Черника, Й. Шпачека и Б. Шимона усадили за стол переговоров в числе представителей чехословацкой стороны и навязали им целый ряд новых, еще более жестких, чем в Чиерне-над-Тисой и Братиславе, ультимативных требований. "Все, что мы могли сделать в Москве, – это попытаться ограничить потери и сохранить возможно больший простор для дальнейших самостоятельных действий... Я не терял надежды, что нам удастся спасти существенную часть своих реформ", – вспоминал впоследствии Дубчек [13]. Эти иллюзии, однако, не оправдывались. Под давлением Кремля руководство ЧССР постепенно расширяло пределы "компромисса", шло на новые уступки, и это в конечном итоге привело к окончательному отказу от реформаторского курса и последующему удалению из партийных рядов всех, кто был к нему причастен.

В своих донесениях 1968 г. в Москву, приводимых в книге, Майоров не скрывал, что ввод союзнических войск вызвал крайне негативную реакцию населения в Чешских землях. Не приходилось почивать на лаврах и в Словакии, где в силу специфики исторической памяти нации особенно плохо отнеслись к новому приходу венгров. Вообще же, надо отметить, мемуарами Майорова подтверждается различие общественных настроений в Чехии и Словакии – словаки в целом восприняли ввод войск ОВД и начавшуюся "нормализацию" спокойнее, ибо многие из них в период "Пражской весны" опасались, что стихийная либерализация общественной жизни (особенно заметная в Чешских землях) приведет к усилению великочешского национализма.

Воспоминания А.М. Майорова воспроизводят палитру общественных настроений в чехословацкой армейской среде и шире – в чешском и словацком обществе осенью 1968 г. Многие бойцы, офицеры и даже представители высшего командного состава ЧНА после ввода войск ОВД не скрывали своей враждебности к ним, отказывались от каких-либо контактов, вели открытую антисоветскую агитацию, проводя параллели с действиями Германии в 1939 г. Такому отношению способствовали и издержки рьяной исполнительности некоторых военачальников (достаточно сказать о поступившей инициативе публично расстрелять в одном из чешских городов трех "злостных контрреволюционеров" во утрашение других; правда, инициатива эта, к чести генерала Майорова, так и не была реализована).

Донесения генерала, поступавшие из оккупированной Чехословакии, представляют несомненный интерес как источник. Отражая менталитет высокопоставленного советского военачальника со всеми присущими ему стереотипами восприятия роли СССР, характера отношений внутри соцлагеря, противоборства между "здоровыми силами" и "ревизионистами" в ЧССР, они при всей предвзятости оценок не старались все же выкрашивать картину в излишне розовые тона, подлаживаясь под наиболее оптимистические ожидания тех, кто делал политику в Кремле. Сложность ситуации в Чехословакии, где пассивное сопротивление приняло самые массовые формы, передавалась достаточно адекватно. Содержались и рекомендации о дальнейших действиях, в той или иной мере учитывавшиеся при выработке последующей политики.

Скоропалительное введение огромного количества войск в Чехословакию не сопровождалось созданием должной материальной базы (расчеты на помощь соответствующих служб ЧНА не оправдались, те зачастую открыто саботировали прием непрошенных гостей). "Теснота и скученность везде были ужасными. Все хранилось навалом и бессистемно, в том числе и оружие с боеприпасами, а также гранаты, что и явилось причиной нескольких ЧП, повлекших гибель солдат", – вспоминал бывший советский офицер положение в одной из чехословацких казарм [14].

12 октября на совещании высшего генералитета в Москве Майоров был в числе тех немногих, кто предлагал вывести значительную часть войск, ускорив в то же время создание постоянного контингента и заключение договора об условиях его пребывания. Это предложение поддержали на самом верху, и к началу ноября Чехословакию покинуло 25 дивизий ОВД. 16 октября был подписан договор об образовании Центральной группы советских войск, которой Майоров командовал в течение нескольких лет. Брежнев, к которому командарм опять был приглашен при новом назначении, заметил, что хотя, согласно договору, советские войска будут размещены в Чехословакии временно, вплоть до окончания "нормализации", нет ничего более постоянного, чем временное, и речь идет не о месяцах, а о годах, тем более, что критерии полной "нормализации" не определялись сколько-нибудь четко.

Соппротивление многих тысяч чехов, по преимуществу пассивное, но временами перераставшее в активные, уличные выступления протеста, продолжалось долгие месяцы после ввода войск. Из мемуаров Майорова выясняется, что значительные волнения ожидалось под новый, 1969 год. Утром 31 декабря, получив информацию о готовящейся всеобщей политической стачке, советское командование привело войска в боевую готовность. Некоторые воинские части покинули места своей постоянной дислокации, вошли в пределы Праги. Однако день прошел спокойно. Более взрывоопасная обстановка сложилась в Праге через несколько недель, после самосожжения на площади студента Я. Палаха, протестовавшего таким образом против советской оккупации. Войска снова приводятся в полную боевую готовность. Надо заметить, что любые подобные эксцессы давали Москве повод эскалировать свои требования, и в частности, настаивать на удалении из чехословацкого руководства неугодных фигур.

При принятии решения о применении силы в Чехословакии сугубо идеологические мотивы (т.е. боязнь инфицировать советское общество идеями "более гуманного" социализма) перемешивались с геополитическими соображениями, причем доминировали последние. Западная граница Чехословакии воспринималась как граница всей советской империи. "Брежнев, – вспоминал впоследствии З. Млынарж о переговорах в Москве после неудачи с приведением к власти нового правительства, – давал нам, коммунистам-реформаторам, поистине полезный урок: мы, фантазеры, рассуждаем о какой-то модели социализма, которая подошла бы для Европы, в том числе и Западной. Он, реалист, знает, что это вот уже 50 лет не имеет никакого смысла. Почему? Да потому, что граница социализма, т.е. граница СССР, пока проходит по Эльбе. И американский президент согласился с этим, так что еще лет пятьдесят все останется без изменений. А какой-то там тов. Берлингуэр... Вы надеетесь на коммунистическое движение в Западной Европе? Но оно вот уже пятьдесят лет не имеет никакого значения" [15]. Неготовность Москвы защищать свою сферу влияния могла создать во всем мире впечатление слабости ее позиций. "Если упустим Чехословакию, соблазн великий для других", – заметил на одном из заседаний партийного руководства Громыко [12].

Чехословацкие реформаторы 1968 г. не могли не учитывать уроков венгерского кризиса 1956 г. В отличие от И. Нады, они и не помышляли о нейтралитете своей страны и разрыве с Варшавским Договором. Это, впрочем, отнюдь не успокоило советское руководство, видевшее в любых серьезных реформах угрозу своему влиянию в Чехословакии. Тактика советских лидеров также не оставалась неизменной. Если в 1956 г. они предпочли осуществить военную акцию собственными силами, то в 1968 г., напротив, стремились интернационализировать конфликт, представить его как общее дело всего соцлагеря, разделить с союзниками ответственность за предпринятые меры.

Главные же уроки Советским Союзом извлечены не были. И прежде всего тот, что любая победа окажется пирровой, если оскорбит национальные чувства другого народа. Решив довольно краткосрочную по эффекту задачу сохранения своих геополитических преимуществ в Чехословакии, Советский Союз в исторической перспективе утратил несравнимо большее – веру миллионов людей во всем мире в воз-

возможность реформирования социализма. Именно август 1968 г. положил начало тем необратимым процессам в духовной эволюции многих левых интеллектуалов как на Западе, так и на Востоке Европы, которые в конце концов привели к полному их отказу от социалистической идеи. Кроме того, если ранее Советский Союз оставался центром притяжения для большинства левых сил на Западе, то после 1968 г. ситуация кардинальным образом меняется – от СССР начинают открыто дистанцироваться все сколько-нибудь сильные и самостоятельные западные компартии.

Конечно, было бы большим преувеличением сказать, что столкнувшись с подобной реакцией со стороны европейских левых в Кремле пожалели о содеянном. И все-таки, делая хорошую мину при плохой игре, брежневское руководство иногда осознавало, сколь велики моральные издержки подобных акций. Характерны слова Ю. Андропова, сказанные в связи с польским кризисом 1980–1981 гг.: лимит интервенций уже исчерпан, надо искать политические средства [16]. Война в Афганистане тогда уже шла, не предвещая скорого и успешного окончания. Развязанный одновременно вооруженный конфликт в Польше, учитывая численность и боеспособность Войска Польского и общественные настроения в этой стране, мог бы иметь самые роковые не только внешне-, но и внутривнутриполитические последствия для СССР, и в Москве это поняли.

Мемуары генерала армии А.М. Майорова, активного участника событий более чем 30-летней давности, содержат обилие материала, помогающего осмыслить с сегодняшней исторической дистанции уроки "Пражской весны" и интервенции августа 1968 г. В этом состоит их ценность как источника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М., 1992.
2. Шик О. Весеннее возрождение – иллюзии и действительность. М., 1991.
3. Майоров А. Вторжение. Чехословакия 1968. Свидетельства командарма. М., 1998.
4. Havranek J. Megújhdott szocializmus? História. Budapest, 1994. № 5/6. 63 old.
5. Колесников М. Дневник офицера // Огонек. 1993. № 34.
6. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 30. Д. 229. Л. 95.
7. Кыров А. Десантники в операции "Дунай" (Советско-чехословацкие военно-политические отношения 1968 года). М., 1996.
8. Вейсова Е. В своих соотечественниках я вдруг увидела оккупантов... // Правозащитник. 1998. № 2. С. 93–94.
9. Орлов Б. Правду знают не только танки // Диалог. 1990. № 8.
10. Орлик И.И. Запад и Прага в 1968 г. По документам министерства иностранных дел Чешской Республики // Новая и новейшая история. 1996. № 3.
11. Ибрагьян В. 105-е вето Советского Союза // Международная жизнь. 1990. № 10. С. 125–126.
12. Пихоя Р.Г. Чехословакия, 1968. Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС. Часть 2 // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 36.
13. Огонек. 1993. № 34. С. 35.
14. Жемайтис О.Ф. Чехословацкий дневник (1968–1972) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 87.
15. Млынарж З. Тот август шестьдесят восьмого // Юность. 1990. № 1. С. 73.
16. Мусатов В. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996. С. 227.

© 2001 г. Л.П. ЛАПТЕВА

МЕРЧИН НОВАК-НЕХОРНЬСКИЙ: ВИДНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ СЕРБОЛУЖИЦКОЙ КУЛЬТУРНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

В середине июня 2000 г. серболужицкая культурная общественность отмечала столетие Мерчина Новака-Нехорньского (он же Мартин Нойманн). Это – одна из самых заметных фигур серболужицкой культурной и национальной жизни прошедшего века. Нехорньский достиг недюжинных успехов и как художник, и как писатель. Публицист, эссеист, сотрудник многих газет и журналов, автор текстов, редактор, иллюстратор, он способствовал тому, что анонимная ранее в ее основе серболужицкая культура получила возможность глубокого проникновения в сознание этноса, да сверх того и обрести известность также среди немцев.

Мерчин Новак-Нехорньский родился 13 июня 1900 г. в серболужицкой деревне Нехорне. Отец его – немец, мать – серболужичанка. Отец был женат на вдове с тремя дочерьми, она была на 24 года старше мужа, а Мерчин родился от одной из ее дочерей (у двух других тоже были дети от отца Мерчина). Своеобразное положение семьи в деревне обусловило ее национальную и социальную изолированность. Члены семьи общались между собой на немецком языке, но, учась в сельской школе, чрезвычайно одаренный мальчик усвоил и серболужицкий.

Кроме того Мерчин проявил большой талант к рисованию. Он рос, наблюдая окружающую природу, мало общаясь с людьми, по-своему осмысливая действительность. Талант художника был замечен, и юноша получил возможность короткое время проучиться в Берлине, а его рисунки, полные юмора и своеобразия, стали печататься в газетах и журналах. По окончании школы Мерчин стал свободным художником, а с 1919 г., получив гонорар за картины, проданные на его первой выставке, поехал учиться в Лейпцигскую академию живописи и графики. Затем он совершенствовался в Дрездене, Праге, где провел четыре года, в Варшаве. В молодые годы Мерчин участвовал в оппозиционном движении властям – главным образом, своими рисунками, репортажами и фельетонами в органах печати с серболужицкой ориентацией. Не раз он подвергался преследованиям, неоднократно арестовывался. В 1941 г. он был призван в вермахт, попал в плен к американцам и возвратился домой в 1946 г. В период существования ГДР Новак-Нехорньский работал редактором верхнесербского органа "Nowa doba", а затем ежемесячного журнала "Rozhled". В 1946 г. он вступил в Союз серболужицких художников и много лет был его председателем, получал премии и награды.

До конца жизни (1990) Мерчин Новак-Нехорньский писал книги публицистического и репортажного характера, издавал собственные сказки, переводил литературу с других языков. Не случайно его называют патриархом серболужицкой культуры XX в.

Как художнику, Новаку-Нехорньскому удалось сохранить определенный элемент культуры серболужицкого этноса. Он десятилетиями изучал народную жизнь не

только в Верхней Лужице, где родился, но и в Нижней, побывал почти во всех деревнях края, беседовал с людьми, знакомился с традиционным образом жизни серболужицкой деревни, отлично знал фольклор. В своем художественном творчестве он отражал жизнь этноса доиндустриальной эпохи, видя ее черты прежде всего в сельской обстановке, типичной для XIX в. Своеобразие серболужицкой сущности состояло для него исключительно в понятии "сельско-крестьянского" быта. Поэтому его рисунки и картины изображают сцены из серболужицкой мифологии, праздники этноса, природу и борьбу с мифическими злыми силами, а также достойные иронии и насмешки положения, в которые попадают его мифические или сказочные персонажи. Именно образы сказок и мифов составляли главные сюжеты творчества художника. Зла он не изображал, для его рисунков типичен детский характер внешности изображаемых особ. Все творчество Нехорньского-художника отличается привязанностью к родине и ее народу.

Как писатель, Мерчин Новак-Нехорньский тоже занимает важное место в современной серболужицкой культуре. Он с юных лет проявлял склонность к описанию окружающего мира. Предпочтительным жанром его (написанных только в прозе) текстов были репортажи, на первом этапе – немецкоязычные. С середины 1920-х годов он публиковал описания путешествий, рассказы, фельетоны, а также помещал художественно оформленные сказки в журналах на серболужицком языке. Благодаря своему темпераменту критика и сатирика, он стал влиятельнейшим серболужицким публицистом межвоенного периода. Именно своими работами, начиная с 1920-х годов, описывающими его странствия как по Лужицам, так и за их пределами, он представил самостоятельное, строго этнически ориентированное отражение окружающей действительности. Об этом очень ярко свидетельствуют три тома его воспоминаний (изданы в 1974, 1979 и 1990 гг.).

Новак-Нехорньский обогатил серболужицкую словесность тем, что, мастерски владея языком, выработал своеобразный народный стиль изложения. Он мог писать и поэтически красиво, и с едкой иронией. Наиболее известной книгой корифея является "Крабат", она переведена на многие языки. Мифология и фольклор с романтическим оттенком делают его сказки народными.

В своем писательском творчестве Новак-Нехорньский нередко обращался к переводам небольших произведений славянских авторов. Из русских писателей он переводил (после 1947 г.) сочинения Гоголя, Тургенева (например "Муму"), Пришвина, Чехова, Горького. Любимым же автором Нехорньского был чешский писатель К. Чапек. Искусный и в то же время близкий к народному стиль этого писателя, его склонность к иронии и острога полемики в произведениях малообъемных жанров стали для Нехорньского образцами. Из всего творчества Чапека, существующего на серболужицком языке, 38 текстов переведены Нехорньским. К столетнему юбилею писателя изданы его избранные произведения в двух томах [1].

Столетний юбилей Мерчина Новака-Нехорньского достойно отмечен серболужицкой общественностью. Была устроена международная научная конференция, на которой заслушаны 16 докладов, посвященных анализу различных сторон творчества писателя и художника. Большинство из них прочитано научными сотрудниками Серболужицкого института в Бауцене (Будишине). Серболужицкий музей в том же городе организовал выставку большого количества художественных произведений юбиляра. Из общего числа в 900 единиц живописи и графики было выставлено 300. Издательство "Домовина" выпустило замечательный каталог выставки, а журнал "Rozhled" отвел немало страниц на публикацию статей и заметок о творчестве художника и писателя [2]. О конференции, выставке и других юбилейных мероприятиях писали все серболужицкие газеты. Юбилей стал праздником для всех лужицких сербов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nowak-Njechorński. Wubrane spisy. Leipzig, 2000. Zw. 1–2.
2. Rozhled. Lětnik 50 (2000). Č. 6. S. 201–210.

M. CZEPE. Kamaryla Pana z Dukli. Kształtowanie się obozu politycznego Jerzego Augusta Mniszcha 1750–1763. Warszawa, 1998. 300 S.

М. ЧЕППЕ. Камарилья пана из Дукли. Формирование политического лагеря Ежи Августа Мнишка 1750–1763

Вышедшая в Варшаве книга краковского историка Марии Чеппе посвящена такому периоду истории Польши, который никак нельзя было бы отнести к временам, не привлекавшим ранее внимание как польских, так и иностранных исследователей. Одно перечисление имен выдающихся общественных деятелей XVIII в., писавших о правлении Саксонской династии в Речи Посполитой, или же известных историков, на протяжении двух веков задававшихся роковыми вопросами о причинах упадка Польско-Литовского государства во время правления Веттинов, заняло бы немало страниц. Тем не менее автор рецензируемой монографии занимает в этом ряду достойное место, ибо из огромного комплекса проблем польской и теснейшим образом связанной с ней европейской истории середины XVIII в. М. Чеппе избрала такую тему, которая, с одной стороны, не была изучена прежде, а с другой – представляется принципиально важной для понимания механизмов функционирования политической системы шляхетской республики в период ее политического упадка, когда вопрос о преобразованиях государственного строя Речи Посполитой приобрел особую актуальность как с точки зрения внутреннего развития страны, так и ее международного положения. Названная книга представляет несомненный интерес еще и потому, что на основе ценнейших источников и богатого фактического материала воссоздает картину господства магнатской олигархии, не только определявшей политический курс Польско-Литовского государства, но и использовав-

шей в собственных интересах республиканские институты в условиях шляхетской демократии.

Рецензируемое издание посвящено истории одной из магнатских группировок Речи Посполитой середины XVIII в. – так называемой "дворской партии", во главе которой стоял Ежи Мнишек – надворный маршал коронный и зять Г. Брюля, первого министра Августа III. Камарилья Мнишка (так выдающийся польский историк В. Конопчинский называл "партию" надворного маршала) взаимодействовала в политической жизни Польши с двумя другими магнатскими объединениями: "патриотами" (во главе с Потоцкими) и "фамилией" Чарторьских ("фамилия" – называвшаяся так еще в XVIII в. магнатская группировка, во главе которой стояли братья Михал и Август Чарторьские и куда входили в первую очередь их родственники). Обосновывая во введении избранную исследовательскую тему, М. Чеппе, в частности, отметила, что ставила своей задачей проанализировать процесс формирования политических группировок Нового времени (С. 7). Хронологически данный тезис не вызывает сомнения, поскольку автор рассматривает период 1750–1763 гг. Однако в какой мере польские "партии" XVIII в. принадлежали к Новой истории по существу? Ответ на этот вопрос стал, по нашему мнению, одной из центральных, если не самой главной проблемой, рассматриваемой в монографии.

Первая глава, "Начало придворной карьеры Е. Мнишка", посвящена анализу формирования группировки надворного маршала и

ее взаимоотношениям с королем и другими магнатскими "партиями" в период перехода Чарторыхских в оппозицию. Время с 1734 по 1752 гг., от утверждения Августа III на польском престоле до неудачи реформаторских планов "фамилии" Чарторыхских, характеризовалось в международном плане протекторатом великих держав над Польшей, который, с одной стороны, исключал любые самостоятельные действия польского правительства во внешней политике, с другой – какие-либо изменения в политическом устройстве Речи Посполитой. С этой точки зрения неудача реформаторских замыслов Чарторыхских была предопределена. Теми же причинами было обусловлено и формирование нового политического курса польских верхов, что в свою очередь сделало возможным политическое усиление Мнишка и его сторонников. Курс этот предполагал маневрирование, использование противоречий между великими державами для осуществления политических планов Веттинов: утверждения Саксонской династии в Курляндии и на польском престоле, а также, при благоприятных условиях, оформления унии Саксонии с Польшей и Литвой. Внутри страны он был ориентирован на поддержание баланса между "республиканским лагерем" и "фамилией", что позволило бы обеспечить политическую стабильность в Речи Посполитой и проведение некоторых преобразований, позволявших королю достичь своих политических целей, не вызывая сопротивления соседних стран и магнатских группировок в Польше. Как показала М. Чеппе, именно такая политика правящих кругов сделала возможным формирование "дворской партии" Мнишка, которая отличалась от "патриотического лагеря" только лишь особой близостью к королю и первому министру Брюлю, а также присутствием в ее рядах "саксонских креатур".

Говоря о протекторате великих держав над Польшей, автор в целом верно указала, что Август III правил в Речи Посполитой при поддержке России (С. 13). Однако, на наш взгляд, следует принять во внимание то, что эта поддержка была обусловлена не только собственно российскими интересами, но и австрийской ориентацией внешней политики Петербурга, то, что за спиной Саксонской династии стояла прежде всего Вена, которая и определяла курс Дрездена и Варшавы. Русская же политика в Польше, при всем своем значении, оставалась в указанный период все же на втором плане. Возможности правящих кругов Польши маневрировать, используя противоречия между европейскими державами, были также весь-

ма ограничены, поскольку в Варшаве, да и в Дрездене, такие противоречия явно переоценивали, во-первых, потому, что ошибочно усматривали их природу в конфликте из-за Польши, а во-вторых, преувеличивали остроту и мнимую непримиримость конфликтов между европейскими дворами по польскому вопросу и не предполагали перспективы соглашения держав-протекторов за счет Речи Посполитой.

Во второй главе М. Чеппе рассматривает период сотрудничества Е. Мнишка с Г. Брюлем, длившийся с 1750 по 1763 гг., которым завершается правление Саксонской династии в Польше. В области внутренней политики на это время пришлось вмешательство королевской власти в разрешение вопроса об Ординации (майорате) Островских, попытка династии Веттинов после пресечения рода Кеттлеров передать курляндский престол саксонскому принцу Карлу, "монетное дело". Это было время паралича политической системы шляхетской республики, традиционно рассматриваемый в историографии как период "господства анархии в Польше", когда практически все сеймы были сорваны. Однако автор показывает, что упадок политической системы еще не означал ее деградации, что королевская власть сохраняла возможность управления страной посредством Сенатских советов и королевских указов, а также с помощью раздачи должностей. Продолжали сохранять свое значение королевские министры – канцлеры и маршалы. Функционировала судебная система. О ее значении свидетельствовала борьба между канцлерами и маршалами, в частности за влияние на ассессорский суд, и возросшая роль трибуналов, на которые, при разрываемых сеймах, пытались возложить некоторые законодательные функции. Из приведенного М. Чеппе материала можно заключить, что имели место две тенденции: с одной стороны, возрастание роли королевской власти, Сената и министров, с другой – укрепление позиций сеймиков и трибуналов. Отдельно можно было бы поставить вопрос о роли гетманов, которые в политическом отношении примыкали к "патриотическому лагерю", но одновременно сотрудничали с двором и "партией" Мнишка.

Заслуживает упоминания наблюдение автора о соперничестве при дворе надворного маршала Е. Мнишка и коронного канцлера Я. Малаховского. Хотелось бы добавить, что такие отношения между ними не только отражали конъюнктуру придворных интриг, но и выполняли известную функцию в по-

литике Г. Брюля, когда через Малаховского, как оппонента Мнишка при дворе, первый министр осуществлял контакты с "фамилией" и российскими представителями. Как коронный канцлер и конкурент надворного маршала, Я. Малаховский играл особую роль во взаимоотношениях двора и гетманов.

В целом представленная картина политических порядков в Речи Посполитой отнюдь не свидетельствовала о безотрадной ситуации в стране и безвластии в республике. К подобной оценке, скорее, подталкивали пропагандисты из группировки Чарторьских, распространившие в Короне и в Литве, а также и при европейских дворах мнения об угрозе саксонского абсолютизма, произволе гетманов и об ущемлении прав шляхты.

Углубление политического кризиса, как справедливо подчеркивает М. Чеппе, было обусловлено прежде всего внешними факторами, когда в результате Семилетней войны произошли обострение англо-французского соперничества, усиление Пруссии и сближение Фридриха II с Россией, что неизбежно сказалось как на международном положении Польши, так и на внутренней ситуации в стране. Начало ему было положено уже накануне сейма 1761 г. В 1762 г., в связи с приходом к власти в России Екатерины II, "фамилия" получила возможность усилить давление на двор, что вынудило правящую в Польше группировку пойти на новые контакты с пророссийской оппозицией. Это повлекло за собой ослабление позиций Е. Мнишка в правящих кругах. Наивысшей точкой наступления Чарторьских на политику Г. Брюля стала попытка организации в 1763 г. конфедерации при участии русских войск. В этой ситуации, как показала М. Чеппе, Мнишек сделал все возможное для объединения вокруг двора всех политических сил, противостоявших плану российской интервенции, однако решение этой задачи, по мнению автора, парадоксально повлекло за собой растворение собственного политического влияния надворного маршала (С. 55–56). Следует признать этот вывод справедливым лишь отчасти. Обострение внутреннего конфликта и поляризация политических сил привели к тому, что прежняя тактика лавирования изжила себя, что не могло не сказаться на позициях Мнишка и повлекло за собой ослабление его собственной политической роли.

По нашему мнению, в дополнительном разъяснении нуждается и тезис о планах государственного переворота (*zamach stanu*),

здуманного Чарторьскими в 1763 г. Обвинения в этом в адрес "фамилии" со стороны политических противников положили начало соответствующей традиции в польской историографии. Однако подобная оценка действий противников двора представляется односторонней. Все польские конфедерации XVIII в. действовали при вооруженной поддержке извне, поэтому планы Чарторьских не представляли собой исключения из обычной политической практики соперничавших магнатских группировок. С правовой точки зрения, вопрос о законности задуманной "фамилией" конфедерации также мог трактоваться двояко, т.е. политическая ситуация весной 1763 г. не была чревата угрозой государственного переворота в буквальном смысле. Поэтому призывы к противостоянию такой опасности являлись не более чем просто политическим лозунгом, выдвинутым "патриотической партией" и объединившимися с ней сторонниками Е. Мнишка.

Оценивая в целом итоги политической деятельности Мнишка во главе "дворской партии" с 1750 по 1763 гг., М. Чеппе констатировала, что, несмотря на близость к королю, сулившую немалые политические и материальные выгоды, положение надворного маршала было незавидным: польское шляхетское общество винило двор за удручающее состояние страны. Однако наряду с этим, в восприятии шляхты, и данный вывод автора очень важен, Мнишек предстал "как свой генеральный староста" (С. 55). Иными словами, несмотря на неудовлетворительные результаты, политика "дворцев" во главе с надворным маршалом расценивалась господствующим сословием как наиболее соответствующая интересам и устремлениям польского дворянства.

Третья глава, "Партия, сторонники, принципы объединения", занимает в книге М. Чеппе центральное место. В ней автор анализирует историю формирования политической группы в польских верхах, объединившейся вокруг Мнишка, характер ее деятельности, персональный состав. Зарождение новой "партии" было связано с политическими расхождениями между Брюлем и Чарторьскими, которое выявилось, по меньшей мере, с 1750 г. и совпало с женитьбой маршала на дочери саксонского министра. По мнению М. Чеппе, уже с 1759 г. Мнишек не пользовался в полной мере королевским доверием. Окончательный закат "дворской партии" автор связывает с кончиной Августа III 5 октября 1763 г. Однако думается, что названный рубеж,

хотя и является, безусловно, правомерным, поскольку после смерти польского короля — своего покровителя — сторонники Мнишка утратили статус "партии двора", не ознаменовал все же финал политической деятельности надворного маршала. Группировка сохранила свое ядро и известное политическое влияние до 1770 г. На сотрудничество с Мнишком в борьбе с Барской конфедерацией рассчитывал еще М.Н. Волконский.

Принимая для обозначения исследуемой политической группировки, согласно традиции XVIII в., термин "партия", М. Чеппе задается целью определить его содержание, преодолевая существенные трудности источниковедческого, терминологического и содержательного характера. Исследуя внутреннюю структуру и деятельность "партии двора", автор применила методику типологического анализа, сопоставив объединение Мнишка с аналогичными польскими "партиями", а также политическими и придворными группировками в других странах. При этом М. Чеппе констатировала, что "партию" Мнишка нельзя отождествить просто с группой сторонников, поскольку, помимо совпадения интересов, личных, родственных и тому подобных связей, их объединяла общая политическая позиция, а от тех или иных придворных группировок отличала публичная политическая деятельность. Анализ персонального состава "партии" и характера взаимодействия между входившими в нее людьми позволил автору выделить: круг ближайших сподвижников надворного маршала; выявить представителей польских верхов, которые принимали сторону "партии" в важнейших политических вопросах; некоторую часть сторонников "дворцев" среди рядовой шляхты, не принадлежавших каристократическим родам и не занимавших видных должностей, однако отождествлявшихся с "партией двора". Интересные выводы и чрезвычайно ценный фактический материал, ранее не привлекавшийся исследователями, помещен в последующих главах, посвященных деятельности "партии" в воеводствах Польши и в Литве, где весьма детально проанализированы специфические черты политических позиций и деятельности сторонников надворного маршала в различных землях — особенно это касается Великого княжества Литовского.

Хотелось бы указать на роль сторонников Мнишка в сеймиках и трибуналах, которая детально проанализирована автором, а также на вывод М. Чеппе о том, что трибунальские сеймики имели для шлях-

ты и для "партии" большее значение, чем посольские, поскольку сеймы разрывались и выборы послов на сейм не представляли для шляхты особого интереса (С. 113). Не возражая против такого заключения полностью, хотелось бы все же отметить, что сфера компетенции сеймиков была чрезвычайно широка — от хозяйственных до посольских. И здесь местные проблемы поветов, земель и воеводств имели для шляхты первостепенное значение, что проявилось даже в первенстве инструкции, данной сеймиком послам, перед решением собрания сейма. С этой точки зрения постановления трибуналов как высшей судебной инстанции, принимаемые к тому же большинством голосов, имели для шляхты принципиальное значение, в отличие от единогласных конституций сеймов, исход которых целиком зависел от воли магнатской олигархии.

Особое место в политике двора занимал и вопрос о назначении на общественные должности, и раздача должностным лицам в условное владение королевских земель, что являлось важнейшим инструментом внутренней политики. Участие в этом "дворской партии" было одним из главных средств ее политического влияния и определяло существенное отличие сторонников Мнишка от всех прочих магнатских группировок.

В заключение хотелось бы остановиться на некоторых основных выводах, которыми автор завершает свое исследование. М. Чеппе верно отметила, что усиление Пруссии и ослабление позиций Саксонии в Германии и в Европе в целом обусловили возрастание саксонской заинтересованности в делах Речи Посполитой, что Август III и его первый министр Генрих Брюль стремились к созданию собственной "партии", т.е. магнатской группировки, ориентированной на возможно более тесное сотрудничество с династией Веттинов, что такая политика имела своей целью установление унии Польши, Литвы и Саксонии (С. 250). В историографии в связи с этим утвердилось представление, во многом восходящее к агитации противников двора — "фамилии" и оппозиционеров—"патриотов", что группировка Мнишка являлась "саксонской партией". Материал, приводимый в книге, опровергает этот тезис. Анализ политических связей надворного маршала позволяет сделать вывод, что никаких особых отношений с политическими верхами Саксонии, с саксонским дворянством и даже с так называемыми саксончиками (представителями польских магнатов и шляхты саксонского происхождения) у сторонников

Е. Мнишка не было. Собственные властные позиции надворного маршала, как убедительно показала М. Чеппе, определялись не его должностью, а родственными отношениями с Г. Брюлем. Во многом политические планы двора и "дворской партии" были реализованы через Сенат, что ставит вопрос о том, в какой степени тактика управления посредством Сенатских советов была вынужденной из-за срыва сеймов, а в какой – соответствовала принципиальным политическим установкам двора и поддерживавших его аристократов, стремившихся ограничить политическое участие шляхты в управлении страной. Весьма существенными представляются также отмеченные автором особенности политической тактики группи-

ровки Мнишка в Короне и в Литве. В первом случае "партия" надворного маршала доминировала, а во втором – вынуждена была действовать с помощью союзников.

Говоря о книге М. Чеппе в целом, хотелось бы подчеркнуть, что перед нами одна из значительных работ, посвященных истории магнатской олигархии в Польше XVIII в., в которой не только обобщен ценнейший материал источников, что само по себе служит развитию дальнейших исследований, но содержатся важные выводы о тенденциях развития политической системы и направлениях внутренней политики шляхетской Речи Посполитой.

© 2001 г. Б.В. Носов

Славяноведение, № 1

G. WIŚNIEWSKI. Pięć polskich losów w Rosji. Warszawa, 1999. 61 S.

Г. ВИСЬНЕВСКИЙ. Пять польских судеб в России

Рецензируемая книга – новая работа Гжегожа Висьневского, известного польского ученого, доктора искусствоведения, исследователя русской музыкальной культуры и русско-польских культурных связей – сборник небольших историко-биографических очерков, посвященных судьбам россиян с "польскими корнями". Интерес к проблемам "полонии" Висьневский проявлял и будучи вице-директором Польского культурного центра в Москве (1988–1992), организовав конференцию по этой проблематике с российскими и польскими участниками. Рецензируемая книга в значительной части создана на основе многочисленных встреч и бесед автора с его героями. Она примечательна подходом к теме "российских поляков": их биографии, по определению самого Висьневского, "не вмещаются в рамки сложившегося в последние годы стереотипного представления о судьбе нашего соплеменника на Востоке. Хотя люди, портреты которых здесь представлены, или их семьи, также были жертвами преследований и репрессий, хотя их не пощадили горе, голод и унижительные скитания, вопреки всяческим препонам им удалось достичь в жизни очень многого, занять в России и в русской культуре

важное, а иногда выдающееся место, никогда при этом не порывая связей с культурой своих предков и делая очень много для ее популяризации в стране, в которой им выпало жить и работать" (S. 7).

Висьневский затрагивает важную для "российских поляков" проблему их идентичности. Сибирский поэт К. Лисовский, например, писал о себе: "Сердцем русский, поляк по крови". В. Василевская, жившая в СССР с осени 1939 г., называлась в советской печати то "польской советской писательницей", то "советской писательницей, пишущей по-польски", то "советской украинской писательницей, пишущей по-польски" и т.д. Висьневский не стремится определить степень и статус "российскости" или "польскости" своих персонажей, но представляет их собственный выбор в этом вопросе и четко проводит мысль о принадлежности их творческого наследия как "русской культуре, так и польской" (S. 7). Он показывает это на конкретных фактах разнообразной деятельности и контактов героев с окружением, не "изымая" их из контекста общественно-культурной жизни СССР и России и не замыкая в пределах интереса к одной лишь теме, даже польской.

Этим книга Висьневского отличается от ряда ранее созданных работ [1].

И при всем этом естественно, что основное внимание в адресованной польскому читателю книге, автор уделяет "польскому аспекту" – происхождению героев, их связям с польской культурой и вкладу в популяризацию ее в России. Наиболее развернуто представлен здесь портрет И.Ф. Бэлзы, по характеристике Висьневского "одного из самых выдающихся и наиболее заслуженных зарубежных исследователей и популяризаторов польской культуры", "эрудита-энциклопедиста", "интересы которого охватывали целые эпохи и огромные культурные пространства" (S. 9). Свои суждения автор подтверждает отсылками прежде всего к работам профессора о русской, польской, чешской, немецкой музыке, (добавим – и украинской), к его исследованиям славянских мотивов в произведениях ряда композиторов и творчества выдающихся писателей разных народов и эпох. Особо подчеркнуты заслуги И.Ф. Бэлзы перед польской музыкальной культурой. Висьневский прослеживает родословную ученого, восходящую к известному в Польше роду Бэлзов, среди предков которого – современники и друзья Ф. Шопена, упоминает о связях родителей и других членов семьи с видными деятелями польской и русской культуры, о детских годах в варшавском доме родителей. Обращаясь к последующим этапам жизни своего героя, автор пишет о Киеве, работе его в консерватории и творческом союзе с А. Довженко, затем о Москве и работе в Московской консерватории (1942–1948), а также о 1948 г., когда И.Ф. Бэлза оказался в "черном списке" печально известного постановления Совмина СССР о музыке, запрещавшем, в частности, исполнение произведений Бэлзы, после чего он вынужден был вместе с другими профессорами, в том числе Д. Шостаковичем, покинуть консерваторию и вслед за этим и пост главного редактора "Музгиза". Коснувшись работы Бэлзы в Институте славяноведения СССР, Висьневский пишет, что здесь профессор нашел себе "пристанище", которому "остался верен до перехода на пенсию" (S. 14). Истины ради следует отметить, что И.Ф. Бэлза был многолетним сотрудником этого крупнейшего центра славистики, где создал немало трудов, ценился как ученый и организатор исследований в области славянской культуры, и не ощущал себя на периферии научной жизни, как может показаться читателю очерка Г. Висьневского. "И. Бэлза, – пишет в заключении

автор, – считал себя русским человеком и русским ученым, но о своей польской генеалогии говорил при каждом подходящем случае" (S. 10–11).

Герой очерка "Мечислав Вейнберг – человек трех культур" – уроженец Варшавы, выросший в еврейской музыкальной семье, учился в школе при Варшавской консерватории, где судьба свела его с известными композиторами и музыкантами. Оказавшись в 1939 г. в Минске, он за полтора года окончил консерваторию по классу композиции. В 1941 г. создал свою первую симфонию. С 1942 г. жил в Москве. Висьневский пишет о череде драматических испытаний, выпавших на долю его героя: гибель семьи в варшавском гетто, после убийства его тестя С. Михоулса – постоянная слежка, и в феврале 1953 г. арест по обвинению в "еврейском буржуазном национализме". Добавим, что постановление 1948 г. запрещало исполнение его произведений. На протяжении нескольких десятилетий Вейнберг жил в СССР по документам, в которых по своеволию советских чиновников значилось имя "Моисей", вместо его настоящего – Мечислав. После войны у Вейнберга не сложились и отношения с Польшей, где он был лишь однажды. В 1966 г., в составе официальной советской делегации.

Основное внимание Висьневский уделил операм композитора: по мотивам "Портрета" Н. Гоголя, произведениям Шолома-Алейхема, и прежде всего – по "Идиоту" Ф. Достоевского, которую считает "одной из несомненно наиболее ценных русских опер последних лет" (S. 27). Автор отмечает, что большой интерес Д. Шостаковича вызвали две, по определению Висьневского, "польские" оперы Вейнберга – по мотивам повестей В. Богомолова "Зося" (опера "Мадонна и солдат", 1970) и З. Посмыш "Пассажира" (1968). При всем лаконизме, с которым Висьневский говорит о связях двух композиторов, очерк дает представление о значительной роли Шостаковича в творческой и личной судьбе Вейнберга, и восприятию Вейнбергом Шостаковича как крупнейшего композитора XX в. Автор очерка особо подчеркивает "охотное" обращение многих выдающихся российских музыкантов к произведениям композитора, что, по его мнению, "было и несомненно остается еще одним подтверждением выдающейся позиции Вейнберга в музыкальной жизни России" (S. 32). В развитии темы польских связей Вейнберга Висьневский, ссылаясь на его собственные высказывания, пишет, что "без Шопена" он не представлял

себе жизни, что его глубоко впечатляла музыка В. Лютославского, которого он считал "одним из величайших композиторов" XX столетия, и влекло творчество многих польских поэтов, особенно стихи – Ю. Тувила. В очерке Висьневского Вейнберг предстает человеком несомненно сильным, обладавшим огромным творческим потенциалом, активно реализовавшимся при всех общественных и личных невзгодах. Даже прикованный болезнью к постели в последние годы жизни, он не переставал писать музыку. Его творческое наследие составили 26 симфоний, семь опер, музыка к десяткам кинофильмов (в том числе "Летят журавли") и др.

В своей книге автор обращается и к судьбам потомков польских коммунистов, оказавшихся в 1930-е годы в СССР. Героиня очерка "Поэтесса Наталья из Чешейко-Сохацких" была дочерью Ежи Чешейко-Сохацкого – видного деятеля сначала ППС, затем польской компартии. В Москву его направили нелегально для работы в Коминтерне, а вскоре по приезде, в 1932 г., назначили редактором выходившего на польском языке научного исторического журнала "С поля битвы" ("Z pola walki"), органа комиссии истории партии при ЦК ВКП(б) [2]. Арестованный 15 августа 1934 г. Е. Сохацкий спустя три недели покончил с собой, выбросившись из окна в здании на Лубянке. Выселенных из "дома на набережной", жену отравили в тюрьму, а будущую поэтессу и ее младшего брата – на поселение в Восточный Казахстан. Здесь героиня очерка училась в школе, работала в разных учреждениях, позднее в процессе "поисков себя" училась в разных институтах. С 1955 г. целиком посвятила себя поэзии. Справедливо суждение Висьневского о том, что поэзия Астафьевой пользуется в России признанием, как и его наблюдение об автобиографическом по большей части характере ее стихов. В них запечатлены трагизм сиротского детства, "поиск смысла и моральных ориентиров в непростой действительности" (S. 41) и образ отца, бывшем для поэтессы воплощением силы, добра и нежности и мерилом нравственности. С признательностью отзывается Висьневский и о муже Астафьевой – известном поэте Владимире Британишском (тоже с польскими корнями), как переводчиках и пропагандистах польской литературы в России – их деятельность отмечена двумя престижными премиями в Польше. Астафьева, у которой немало стихов и на польском языке, для нашей литературной критики, разумеется, русская поэтесса. И это не входит, на

наш взгляд, в противоречие с содержанием заключительного фрагмента очерка Висьневского: "... как признается сама Астафьева, она – человек двух культур, а в ее творчество вновь и вновь возвращается тема двух родин" (S. 42).

Очерк "Ника, которая не могла носить фамилию Станде" – о дочери польского коммуниста, поэта Станислава Рышарда Станде, эмигрировавшего в СССР в 1931 г., и известной советской пианистки М. Гринберг, в середине 1930-х годов ставшей женой поэта. После того, как Станде 9 сентября 1937 г. арестовали и 1 ноября того же года расстреляли, его жену с дочерью Никой, родившейся за два месяца до этого, выселили из "дома на набережной". Спустя годы, при получении паспорта дочери не разрешили взять фамилию отца, но она добилась, чтобы в графе о национальности ей указали: "полька". В личной и творческой жизни матери и дочери, также ставшей пианисткой, Висьневский прослеживает те моменты, в которых "дала о себе знать Польша". Это и обращение к творчеству Ф. Шопена и В. Лютославского, и унаследованное по деду имя ее сына – Станислав, также пианиста, который, по словам героини очерка, приводимым Висьневским, "похож на деда, а когда играет Шопена, в его интерпретации есть что-то польское..." (S. 52).

Героиня заключительного очерка книги – дочь В. Василевской Эва попала в СССР в декабре 1939 г. одиннадцатилетней девочкой. В описании жизни Эвы, которой, как следует из очерка, поглощенная своими литературными и общественными делами мать уделяла мало времени, он выделяет короткий период пребывания его юной тогда героини в Приокском Сельце, где формировалась – при участии В. Василевской 1-я Польская армия им. Т. Костюшко. Три месяца, проведенные Эвой в женском батальоне, готовившем санитарок для службы в армии, "остались в ее памяти, – пишет автор, – как один из прекраснейших эпизодов жизни: она была среди поляков, жила в атмосфере энтузиазма и надежды на лучшее, о многих мрачных и трагических событиях еще не знала..." (S. 57). После окончания в 1949 г. филологического факультета МГУ, она работала в журнале "Советская литература", издававшемся на нескольких иностранных языках, сначала как переводчик на польский язык, а с 1976 г. и до его закрытия в 1990-м году – ведущей польской редакцией. Она стала известной переводчицей художественной литературы, в том числе – произведений

В. Василевской, С. Шамаглевской и др., успешно выступила как автор – ее сказка для детей переведена на многие языки в СССР, всегда следит за развитием польской литературы, откликается на происходящее в ней. «И по-прежнему чувствует себя полькой, – замечает Висьневский, – хотя, как она сама это определяет, может быть полькой "в русской шкуре"; некогда она даже размышляла о возвращении навсегда на родину. Оказавшись на распутье – между двумя культурами, она думает и говорит на двух языках, считая, однако, в глубине души, что по-настоящему родину можно иметь только одну ("здесь им детство вспоминается сказками Пушкина, а мне – стихами Тувима"), – и что столь же мучительно должна была это чувствовать и ее мать...» (S. 61).

Описание жизненного пути и облика героев, их выбор, обусловленный авторской

концепцией, как представляется, превосходит начальную задачу Г. Висьневского. В итоге он создал серию портретов людей, из числа тех, на которых – хотя по-разному и в разной мере, в XX в. "завязывались" отношения польской и советской, затем российской культуры. Книга интересна для историков культуры новым фактическим материалом и приведенными суждениями ее героев о времени и о себе.

© 2001 г. Т.П. Агапкина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапкина Т. Из истории польской публицистики 1918–1939 гг. // Советское славяноведение. 1971. № 1. С. 112–114.
2. Sierocka K. Polonia radziecka. 1917–1930-te. Warszawa, 1968. S. 58.

Славяноведение, № 1

Fondy a sbirky Archivu Akademie věd České republiky / Hana Barvíková, Helena Janderová, Václav Podaný. Praha, 1999. 361 С.

Фонды и собрания Архива Академии наук Чешской республики

Издательство Архива Академии наук Чешской республики выпустило в свет новый путеводитель "Фонды и собрания Архива Академии наук Чешской республики" в серии "Работы по истории Академии наук" (Разряд Б, том 13).

По сравнению с предыдущими путеводителями 1962 и 1973 гг. и несколькими дополнениями к ним это самый полный информационный справочник, обзорающий содержание всех фондов, правда, без детального их описания. Часть А содержит сведения о научных учреждениях Академии (всего 251): институтах, организациях и обществах на различных этапах ее существования. В части В рассматриваются 232 крупных и разрозненных фонда видных чешских ученых, работавших в различных сферах науки. Часть С информирует читателей о девяти собраниях и коллекциях Архива (медали, картины и портреты, фото-, кино- и видеоматериалы, отчеты о научных экспедициях, собрание уставов АН, приглашения и плакаты, печатные материалы о

АН, наградные списки ЧСАН и др.). Часть D содержит сведения о библиотеке Архива, составленной из библиотек предшествующих научных организаций, собраний академиков. В частности, сюда включена библиотека бывшего президента ЧСАН Зденека Неядлы (хранившаяся ранее в Институте чешской и мировой литературы ЧСАН и составляющая 80 тыс. томов), библиотека бывшего вице-президента ЧСАН Л. Штоллы (40 тыс. томов) и др.

Каждая статья об отдельном фонде в путеводителе в преамбуле информирует читателя о его временном диапазоне, количестве картонов, дает краткую справку об истории его формирования. В основной части кратко сообщается о содержании документов фонда, о наличии или отсутствии более подробной описи и т.д.

Путеводитель снабжен указателем личных имен, реестром названий институтов и периодических изданий, предметным и географическим указателем, списком литературы об истории Архива. В нем помещен ряд

иллюстраций, представляющих фрагменты наиболее интересных документов Архива, фото ученых, прославивших чешскую науку.

Особо хотелось сказать о содержательном введении Г. Барвиковой и В. Поданого. Оно кратко и емко информирует об основных вехах в истории чешской Академии и ее Архива.

Архив вобрал в свой состав собрания документов всех академических структур Чехии XVIII–XX вв. Прежде всего, это Королевское чешское общество наук (1784–1952), Чешская академия наук и искусств (1890–1952), Чешский национальный исследовательский совет (1924–1952), Массариковская академия труда (1920–1952). Все эти учреждения были объединены и трансформированы в рамках ЧСАН (1953–1992). Их документальные собрания были помещены в основанном при ней Центральном архиве ЧСАН. Его последовательно возглавляли академик В. Войтишек (1954–1968), В. Ванечек (1968–1985), Л. Новы (1985–1990), З. Шолле (1990–1991). В 1992 г. ЧСАН была реорганизована в АН ЧР, Архив возглавила А. Мишкова (1992–1994). С 1995 г. во главе архива стоит А. Костлан.

Архив размещался на Туновой улице в Праге и в замке в Бечварех (60 км от Праги). После 1989 г. он был вынужден искать новое место расположения. Ныне он

занимает помещения на улице в Замцах (д. 56), в здании Института структуры и механики горных пород и др. Читальный зал расположен на Гусовой улице (д. 4).

С 1992 г. в составе Архива возобновил свою работу Славянский институт, который с 1 января 1998 г. получил статус самостоятельного научного учреждения в рамках АН ЧР.

Важной задачей обновленного Архива стало принятие на хранение документов 21 института ЧСАН, расформированного в начале 1993 г. В следующем году при Архиве был создан отдел Истории науки и научных институтов и отдел архивных фондов. Ныне в Архиве работает 25 научных и вспомогательных сотрудников. Архив издает два сборника научных трудов: "Studie o rukopisech" и "Práce z dějin Akademie věd".

В заключение отметим, что новый путеводитель по архивным фондам АН ЧР является важным, ценным и необходимым информационным изданием, которое дает исследователю новейшую предварительную информацию о богатстве архивных собраний чешской Академии наук на всех этапах ее существования. Более детальное знакомство с фондами обеспечивается дополнительными путеводителями и описями.

© 2001 г. М.Ю. Досталь

Славяноведение, № 1

Listy L'udovíta Štura. IV. Dodatky / Na vydanie pripravil Vladimír Matula.
Bratislava, 1999. 338 S.

Письма Людовита Штура. IV. Дополнения

Это новое, прекрасно выполненное полиграфически издание писем Людовита Штура вышло в Братиславе в 1999 г. при финансовой поддержке Министерства культуры Словакии. Публикация является продолжением известного трехтомного издания "Писем Людовита Штура" (1954, 1956, 1960), подготовленного Йозефом Амбрушем (1914–1993), которое в свое время стало знаменательным событием в научной жизни Словакии. Оно в определенной мере подводило итоги многолетних исследований жизни и деятельности Л. Штура (1815–1856)

и целого этапа возглавлявшегося им словацкого национального движения. Издание включало в себя 423 письма Л. Штура 1834–1855 гг. более чем 100 адресатам и было снабжено высококвалифицированным комментарием.

Завершая публикацию, Й. Амбруш хорошо сознавал, что она не исчерпывает обширную корреспонденцию Л. Штура и что в будущем могут быть найдены новые документы. И действительно, в последующие годы им самим и рядом других исследователей были опубликованы в раз-

личных научных изданиях вновь обнаруженные письма Штура и его адресатов к нему. Все эти письма были тщательно собраны, исследованы и с учетом последних научных достижений прекрасно отрецензированы доктором исторических наук Владимиром Матулой, который много лет жизни посвятил изучению наследия Штура и которому принадлежат в этой сфере серьезные теоретические обобщения и уникальные архивные находки.

Указанные письма и составили четвертый том нового издания "Писем Людовита Штура". В первой части издания помещены 42 письма самого Штура, во второй – 45 писем его корреспондентов с 1834 г. по 27 октября 1855 г. – даты последнего известного письма Штура. Большинство публикуемых писем относится к 1848–1849 гг. – к наименее изученному периоду жизни лидера словацкого национального движения. Они свидетельствуют о широких связях Штура со славянским миром и адресованы российскому слависту О.М. Бодянскому, деятелям хорватского (илирийского) движения С. Вразу, И. Кукулевичу-Сакцинскому, Д. Кушлану и М. Ожеговичу, сербскому патриарху Й. Раячичу, чешскому священнику-патриоту Й.М. Роштлапилу. Особый интерес среди них представляет письмо Штура к С. Вразу (от 15 января 1843 г.), в котором представлена его новая концепция славянства, признающая языковое и культурное равноправие всех славянских народов, девизом которого было: "Будь славянином телом и душой, но в своем племени".

Нельзя не отметить научную значимость собрания писем (всего их 14) Штура священнику русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевскому, которые охватывают последний этап жизни и творчества словацкого общественно-политического деятеля. Они содержат, в частности, новые подробности о планах создания самого загадочного произведения Штура, вызвавшего столько споров в литературе – трактата "Славянство и мир будущего" – и позволяют уточнить дату его создания, установленную в специальном исследовании Матулы.

Не менее интересны для исследователей эпохи письма, адресованные Штуру, – прежде

всего его друзей и соратников А.В. Врховского, Й.М. Гурбана, М.М. Годжи, С.Б. Гробоня, В. Шулека, Л.Я. Шулека, Я. Франциски, А. Радлинко, а также известных современников, виднейших пражских славистов П.Й. Шафарика и В. Ганки, идеолога славянской взаимности Я. Коллара, российского слависта И.И. Срезневского, славянофила Н.А. Ригельмана, священнослужителей М.Ф. Раевского и Й. Раячича и др.

Четвертый том корреспонденции Л. Штура сознательно построен по тем же издательским принципам, что и предыдущие. Это позволяет считать его органической составляющей всего издания. Особо хотелось бы отметить комментарии к письмам, составленные с учетом новейшей литературы и европейского контекста. Этот комментарий уточняет, дополняет, иногда развивает отдельные примечания Амбруша и представляет самостоятельную научную ценность.

Кроме подробных, высококвалифицированных комментариев публикация содержит введение, аннотированный именной указатель адресатов писем Л. Штура и авторов писем к нему (С. 267–271), список сокращений, внушительный перечень цитированных источников и литературы (С. 277–282), хронологию корреспонденции Штура ко всем четырем томам и примечаниям к ним, дающую целостную картину масштаба его переписки, всего эпистолярного наследия с указанием на письма, которые не сохранились, но о которых упомянуто в переписке. Кроме того, есть краткое резюме на немецком и русском языках, именной и предметный указатели.

Новое издание писем Л. Штура не только завершает предыдущую публикацию, подводя итоги многолетних изысканий эпистолярного наследия ключевой фигуры словацкого национального возрождения, но и выводит его на новый качественный уровень, учитывающий в определенной степени веяния современной словацкой и шире – европейской историографии. В этом большая заслуга публикатора – видного словацкого историка В. Матулы.

© 2001 г. М.Ю. Досталь

M. SCHOFEROWA. Grzędowie, opowieść z Zimnego Podola. Exodus, sztuka sceniczna / Komentarz socjologiczny i postowie Elżbeta Smułkowa. Warszawa, 1998. 234 S.

М. СХОФЕРОВА. Гженды, повесть из зимнего Подола. Exodus, пьеса / Социологический комментарий и послесловие Эльжбеты Смулковой

В рецензируемом научном издании представлена и прокомментирована первая публикация двух художественных произведений (повести 1932 г. и пьесы 1945 г.), написанных Марией Схоферовой (1884–1967), некогда, до сентября 1939 г., владевшей землей и усадьбой под Львовом, где она жила с мужем и шестью детьми, а в 1944 г. уехавшей вместе с семьей младшей дочери из отошедшего к СССР Львова на запад Польши – в Торунь. Подготовка текстов к печати и сопровождающий их всесторонний комментарий выполнены Эльжетой Смулковой – известной исследовательницей диалектов и языковых контактов, профессором Варшавского университета и заведующей кафедрой белорусской культуры университета в Белостоке, бывшей первым чрезвычайным и полномочным послом Республики Польша в Республике Беларусь (библиографические данные о проф. Смулковой см. в [1]).

Это ценное для истории и культуры источниковедческое издание, безупречное по своим эдиционно-филологическим решениям, обладает еще одной особенностью, редкой в исследовательском комментировании памятников и по-человечески волнующей: М. Схоферова и Э. Смулкова – это бабушка и внучка. И если первой осенью 1939 г. пришлось, спасаясь от репрессий, в 55 лет, под чужим именем пойти в прислуги, то внучка, дочь инженера-лесовода, пропавшего после ареста в марте 1940 г. (его след отыскался в опубликованных в 1994 г. списках расстрелянных на Украине), была вместе с матерью в мае 1941 г. сослана в Сибирь, без права покидать поселок (Усть-Сельга на берегу Васюгана) в течение 20 лет, однако, по последующим договоренностям между советскими органами и эмигрантским правительством Сикорского, в 1946 г. вернулась, к счастью, тоже вместе с матерью, в Польшу.

Для современной славистики публикация повести и пьесы М. Схоферовой интересна в разных аспектах: 1) как датированные и документированные факты из истории литературного процесса в Польше 1930–1940-х годов; 2) как источник сведений (прежде всего социально-психологических, но также и фактографических), по истории разноязычной, разноконфессиональной и разноукладной Восточной Галиции первой половины XX в. – от кануна первой мировой войны до поворотных событий во второй; 3) как ценный диалектологический источник, сохранивший не только уходящие раритеты крестьянского языка в украинско-польском пограничье, но и региональное своеобразие культурного польского языка в предвоенном Львове и близлежащих поместьях; 4) как демонстрация новых информационных возможностей гуманитарного "макротекста" – семантически многослойного и продуманно структурированного издания, в котором публикация и историко-филологическое исследование "документов эпохи" (включая диалектологический словарь, этнографические и семейные фотографии) соседствуют с элементами "путевых записок" публикатора и "очерковых" интервью.

Культурно-литературный и социальный контекст публикуемых произведений таков. М. Схоферова написала "Гженды, повесть из Зимнего Подола" в 1932 г. Спустя три года она послала рукопись (точнее машинопись) "Гжендов", под выразительным для Кракова и Львова девизом – "Viribus unitis" "объединенными усилиями" (девиз Франца-Иосифа, последнего императора Австро-Венгрии), – на конкурс повестей, объявленный краковским "Pustrowanym Kurierem Codziennym" по случаю 25-летия газеты. Еще через год жюри во главе с Каролем Губертом Розтворовским, членом Польской Академии литературы, поэтом и драматургом, выделило из более чем

полутысячи рукописей 11 "награжденных" и еще 31 "отмеченных" произведений. В числе "отмеченных" были и "Гженды" М. Схоферовой.

"Повесть из Зимнего Подола" начинается как динамичная семейная хроника крестьянского рода: свадьба зажиточного хозяина Францишка Гженды и 30-летней беднячки Анны, вдовы конюха-батрака, рождение дочери, пересуды деревенских женщин про Гжендов и авторские суждения, не менее вовлеченные, хотя и дистанцированные лексически.

В экспозиции автор затрагивает и различия между соседями в вероисповедании и языках: «Здоровались все неизменным "Niech będzie pochwalony Jezus Chrystys", но дальше уже разговор быстро переходил на русский (т.е. украинский. – Н.М.) язык. Таких, которые, как Гженды, говорили по-польски дома, можно было по пальцам пересчитать» (S. 43). Униатская церковь была рядом, а римо-католики ("łacinniki") в любую непогоду шагали в свою отдаленную парафию. Однако крестьяне-соседи не видели в обрядовых и языковых различиях причин для розни и тем более вражды.

Первая мировая война и за ней не менее страшные "местные" войны, политические потрясения, череда оккупаций (австрийцы, венгры, украинцы, поляки, русские казаки, солдаты, черкесы, словаки) – все это превращает мирные семейные драмы в трагический хаос и жестокие испытания для героев повести: поджоги, предательства, насилия, надругательства над святынями, смерти. Самое ужасное автор видит в кровавых конфликтах между теми, кто поколениями жил рядом, – украинцами и поляками. Пафос повести заключен в призыве к межэтническому и конфессиональному согласию двух народов.

Конец повести оптимистичен до неправдоподобия: жизнь в Восточной Галиции входит в новое русло, украинские крестьяне получают землю разукрупненных польских поместий, для них доступны государственные кредиты, кооперативный маслозавод, сельские читальни украинской "Просвиты"...

"Piustrowany Kurier Codzienny" опубликовал обоснования решений жюри (вместе с краткими советами авторам), в которых повесть "Гженды" называлась "крестьянской" (*opowieść chłopska*) и подчеркивалось хорошее знание автором жизни деревни, "представленной с высоким мастерством и реализмом, стилем выразительным и колоритным". Однако эти достоинства призывались лишь за первой частью повести:

там же, где автор "из хорошо известной ему крестьянской среды вступает в широкий мир, повествование становится путаным и хаотичным. Совет: работать над деревенской тематикой, которую над автор чувствует и понимает" (S. 20).

М. Схоферова получила поздравление жюри со многими подписями и приглашение на церемонию торжественного закрытия конкурса в краковском "localu Koła Literacko-Artystycznego i Klubu prawników". Однако повесть "Гженды" опубликована не была, хотя некоторые из конкурсных произведений, в том числе из "неотмеченных" жюри, газета печатала в отрывках в своем историко-литературном приложении. Можно согласиться с мнениями Э. Смукловой и внутриздательского рецензента книги М.М. Дроздовского – в 1930-е годы публикации "Гжендов" помешала политическая конъюнктура того времени и, прежде всего, характер польско-украинских отношений.

Действительно, после падения буферной Западно-Украинской Народной Республики (ноябрь 1918 г.), украинско-польской (1918–1919) и советско-польской войн (1920), несколько миллионов украинцев, вопреки своему желанию, оказались в составе II Речи Посполитой. Первое послевоенное десятилетие – отмеченное такими акциями, как бойкоты украинцами переписи 1921 г. и выборов в парламент 1922 г., неприятие закона о самоуправлении 1922 г., а также рядом террористических актов по отношению к польским институтам, польским политикам и украинским деятелям, сотрудничавшим с польскими властями – было, по выражению И. Кедрина, "периодом двустороннего отрицания" [2]. Несмотря на некоторые меры, направленные на ослабление враждебности между украинцами и поляками напряжение сохранялось и в 1930-е годы. В такой атмосфере сочувствие автора "Гжендов" к галицийским украинцам и призывы к этнорелигиозной и классовой толерантности, по-видимому, звучали диссонансом.

В пьесе "Exodus" (лат. *exodus* 'исход'), которая в авторском подзаголовке названа «продолжение повести "Гжендов"», представлена еще более широкая панорама лиц и событий, связанных с историей второй мировой войны на Западной Украине (от лета 1939 г. до 1943 г.). Кроме молодого поколения Гжендов, в пьесе действуют польские и украинские крестьяне и священники, профессор, учительница, дети, немецкие колонисты (жившие в четырех милях от Львова), польские полицейские,

еврейские торговцы, польские, советские, немецкие солдаты и офицеры. Несмотря на драматическую форму произведения, в пьесе в существенно большей мере, чем в повести, сказались автобиографические мотивы. "Exodus" – это история широко понимаемого бегства – как спасения от насилия и как поиски *Wujaju, wyreja*, т.е. 'теплых краев (куда улетают птицы)' и одновременно 'сказочной счастливой страны (куда стремятся люди)'.

В исследовании, предворяющем публикацию художественных текстов (богатых исторически важными подробностями и вместе с тем отнюдь не документальными), Э. Смулкова раскрывает их источниковедческую ценность – и для истории военного лихолетья, и, в не меньшей мере, для истории этнических и религиозных взаимоотношений в Восточной Галиции, для понимания хозяйственно-экономического и бытового уклада крестьянской жизни, своеобразия нравов и общения. В специальном разделе введения ("Локализация событий") Э. Смулкова рассматривает реальные географические и хронологические соответствия событиям, отображенным в произведениях М. Схоферовой, сопровождая анализ картой бывшего Тернопольского воеводства. В характеристиках Польши 1930-х годов комментатор учитывает как современные исследования, так и источники того времени, в том числе, например, три годовых комплекта "Pustrowanego Kuriera Codziennego" (за 1934–1936 гг.). При воспроизведении художественных текстов последовательно различаются примечания к регионализмам, сделанные самой М. Схоферовой, и диалектологический комментарий издателя (главным образом в "Словаре регионализмов" в конце книги). Естественно, в публикации сохранены местные и иные особенности авторской речи в "Гжндах", в том числе ее экспрессивная пунктуация. Издатель воздерживается от психологических характеристик авторского стиля произведений (что также естественно), но читателю дано почувствовать своеобразие и человеческую значительность публикуемых сочинений.

Представим себе: читатель впервые открывает эту книгу и, как это обычно бывает, сначала с любопытством рассмат-

ривает семейные фотографии благополучных и красивых людей из "довоенного ретро". И в сочинениях читатель ожидает встретить сюжеты под стать фотографиям. Однако текст контрастирует со снимками: дочь военного врача из Львова Мария, в замужестве Схоферова, в свои уже немолодые годы написала книгу, которую литературные современники назвали "крестьянской" или даже "мужицкой". Ее волнует история в коллизиях, выходящих за пределы родных и близких домов. Она "не своя" среди крестьян, но стремится понять их язык и понять правду тех, кто добывался передела земли. Таким мне видится и стиль М. Схоферовой – напористый, субъективно-оценочный, далекий от гладкого спокойного письма, стремящийся к выразительным деталям и хлесткому народному словцу и при этом отнюдь не цельный – напротив, с рискованным соседством фольклорных красок, латинских афоризмов (без перевода!), публицистических монологов, этнографических подробностей, диалектизм, интеллигентских и газетных клише.

Помимо словарика диалектизм, в книгу включен своеобразный эпилог – рассказ Э. Смулковой о том, что можно было в 1995 г. увидеть и услышать на месте дедовской усадьбы, давно растасканной по крестьянским подворьям. Думается, эти несколько страниц преобразуют жанр всей книги: перед нами не только образцовое издание богатейших свидетельств о недавнем прошлом, но и первоисточник по истории текущей.

© 2000 г. *Н.Б. Мечковская*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аксамітаў А.С.* Смулкова Яніна-Эльжбета // Беларуская мова: Энцыклапедыя. Мінск, 1994.
2. *Стемень С.* Поляки й українці в II Речі Посполитій: спроба діалогу // Польско-українські студії. I. Україна – Польща: історична спадщина і суспільна свідомість. Матеріали міжнародної наукової конференції. Кам'янець-Подільський, 29–31 травня 1992 р. Київ, 1993. С. 212.

A. MCMILLIN. Belarusian Literature in the 1950s and 1960s: Release and Renewal. Köln, Weimar, Wien Böhlau, 1999. 315 P. (=Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte: Reiche A. Slavistische Forschungen. N.F., Bd. 28)

А. МАК-МИЛЛИН. Белорусская литература 1950-х и 1960-х годов: Послабление и перемены

Профессор Лондонского университета Арнольд Барнет Мак-Миллин известен как крупный знаток русской литературы, преимущественно XX в., и как первый в неславянском зарубежье специалист по белорусской литературе. В 1971 г. Мак-Миллин защитил диссертацию по белорусской лексикологии и издал в 1974 г. на ее основе словарь белорусского литературного языка XIX в. [1]. В 1977 г. в Германии увидела свет его история белорусской литературы – "От истоков до современности" [2]. В БССР эта книга А. Мак-Миллина была упрятана в спецхран. О ней знали, ее пытались перевести и издать в Белоруссии, однако, даже и без вмешательства спецслужб, работу остановили чиновные участники литературного процесса.

Начиная с 1967 г. Мак-Миллин входит в редакционный совет (в качестве редактора, члена совета или соредактора) журнала "The Journal of Byelorussian Studies" (с 1995 г., в связи с изменением формата и периодичности издания, – "Occasional Papers in Belarusian Studies"). Мак-Миллину принадлежат многочисленные исследования по белорусской литературе, перевод знаменитой бурлескной поэмы XIX в. "Тарас на Парнасе" (совместно с Верой Рич), подготовка к изданию белорусских антологий, а также предисловия и комментарии к ним, статьи в энциклопедиях и многое другое. Например, в 1992 г. Мак-Миллин по рукописи опубликовал в Лондоне сборник до того неизвестных стихотворений Ларисы Гениюш 1945–1947 гг. [3]. И вот – новая книга Мак-Миллина – о двух десятилетиях в истории белорусской литературы.

Главное достоинство книги Мак-Миллина состоит в ее высоком профессионализме, благодаря которому литературный процесс в Белоруссии 50–60-х годов предстает читателю по-новому интересным и значитель-

ным. Острота темы заключается в локальном, индивидуально белорусском переживании общих для Восточной Европы исторических сдвигов.

Послесталинское послабление и хрущевская оттепель, надежды 60-х годов сейчас, на исходе века, могут казаться наивными и лежащими целиком в прошлом. Разумеется, родовые черты оттепели и либерализации в литературе сейчас можно перечислить просто дедуктивно-типологически. Однако историку культуры мало типологии: в событиях литературного процесса ему важно увидеть не только родовое и типологическое, но и жизнь, литературную работу многих и разных людей – с разной мерой таланта, разными судьбами, в конечном счете – увидеть их разный след в недавнем прошлом, которое стало историей.

Высокий академизм рецензируемой монографии проявляется в трех ее чертах: во-первых, рассмотрен репрезентативный корпус белорусских художественных текстов; во-вторых, работая с первоисточниками, А. Мак-Миллин умеет выделить и точно назвать самые существенные, определяющие черты авторского мировидения и поэтики; в-третьих, исследование Мак-Миллина привлекает своей невовлеченностью в белорусский литературный процесс: книга написана сторонним лондонским наблюдателем, приверженцем либерально-демократических ценностей и свободы художественных поисков.

В монографии А. Мак-Миллина семь больших нумерованных частей. Из них первые четыре представляют собой жанрово-хронологические обзоры-характеристики литературного процесса в Белоруссии. Первый раздел – "50-ые годы: Выход из темноты" включает подразделы о поэзии, прозе и драме, при этом в разделах о поэзии и прозе даны хронологически распо-

ложенные очерки о наиболее репрезентативных фигурах литературного процесса в 50-х годах: в поэзии это Сергей Дергай, Аркадь Кулешов, Пимен Панченко, Алексей Пысин, Максим Танк; в прозе выделены три автора: Ян Скрыган, Янка Брыль, Иван Шамякин.

Второй раздел – "Поэзия 60-х: Традиции и инновации" – строится в основном как тематический обзор белорусской поэзии ("Военная поэзия", "Белорусский патриотизм: три поэта-женщины", "Смерть в жизни и искусство", "Три ученых поэта", "Формальные инновации и эксперименты", однако по мере конкретизации вновь возникают очерки о творчестве наиболее значительных поэтов: о трех поэтессах (Евдокия Лось, Дануте Бичель-Загнетовой, Вере Вербе), трех поэтах-профессорах (Олеге Лойке, Миколе Арочке, Ниле Гилевиче), об Анатоле Гречанникове и Василе Зуёнке как ведущих "экспериментаторах" в поэзии 60-х.

Третий раздел – "Проза и драма 60-х: Время надежд" – в наибольшей мере отвечает задачам жанрово-тематического обзора (по разделам "Военная проза", "Деревенская проза", "Историческая и прочая проза", "Драма"). Этот обзор невелик (около 30 страниц) и ограничен общей панорамой литературного процесса, в то время как персоналии – характеристики творчества четырех крупнейших прозаиков 60-х – даны в следующих отдельных "именных" разделах: "Иван Мележ: Эпическое искупление"; "Василь Быков: Боль правды"; "Иван Пташников: Суровый лиризм"; "Владимир Короткевич: Романтическое воссоздание истории".

Замечу, что если "панорамные" характеристики литературного процесса хронологически действительно ограничены заявленными 50–60-и годами, то большинство "персональных" разделов и очерков естественным образом затрагивают, пусть выборочно, и последующие десятилетия. Внимание Мак-Миллина к тем или иным авторам (и, соответственно, печатная площадь в его монографии) отнюдь не пропорционально количеству выпущенных авторами книг. Принцип исследователя заявлен во введении: в отдельных главах рассмотрено творчество авторов, которые в постсталинское время были "далеки от тех, кто оставался, как Петрусь Бровка, неизменно верным сталинским началом" (Р. 5).

Судя по введению, А. Мак-Миллин планирует продолжить исследование белорусской литературы в новой монографии – о 70-х, 80-х и начале 90-х годов. В ней в

отдельном разделе будет рассмотрено творчество Рыгора Бородулина. Пока, в рецензируемой книге, о Бородулине сказано до обидного мало: упомянута его публикация в "Дне паэзіі" 1965 г. и предисловие к посмертной книге стихов Вл. Короткевича (1986). Между тем, характеристика 60-х не полна без Бородулина: уже в 60-х годах он был автором десяти поэтических сборников, отмеченных небывало яркой метафорикой и новыми для белорусской поэзии формами стиха. Представляя белорусский авангард, Бородулин известен не только в Белоруссии; характерен факт издания в Нью-Йорке в 1984 г. сборника его стихов в переводе на английский ("Small Anthology of the Poetry by Ryhor Baradulin") [4].

Можно сожалеть также о том, что А. Мак-Миллин лишь вскользь упомянул о последней повести из трилогии Якуба Коласа "На ростанях" (закончена в 1954 г.). В белорусской культуре 50-х годов завершение трилогии было крупным событием. Книгу тогда еще живого классика включили в программу средней школы, экранизировали, а образ ее главного героя – молодого сельского учителя Андрея Лобановича – стал литературным эталоном белорусского интеллигента из народа. Характерно, что как раз в эталонном смысле Лобанович упомянут и Мак-Миллином (Р. 165). Представляется, что завершение "На ростанях" – полуавтобиографической книги беспартийного классика, депутата и академика, – являло собой поучительный для писателей компромисс между официальной идеологией и правдоподобным бытописанием.

Монография А. Мак-Миллина написана позитивистски строго: максимальное внимание к анализируемым текстам; аргументация с опорой на первоисточники, в том числе путем их обильного цитирования (при этом стихотворные фрагменты приводятся в оригинале, но всегда с подстрочным переводом; проза – в переводах); точное знание библиографии и хронологии литературного процесса. Для зарубежных славистов книга станет хорошим справочником по белорусской литературе. Почти о каждом упомянутом авторе даны биографические сведения: место рождения (с паспортной точностью), социальное происхождение, образование, год вступления в КПСС, хронология выпущенных книг и переводов, присвоения почетных званий и присуждения официальных премий; перечни тех постов, которые занимали белорусские писатели в издательствах, редакциях, институтах, творческих союзах или партийном аппарате.

Насыщенный фактами основной текст книги дополнен информативным критическим аппаратом, состоящим из двух указателей. Первый – это библиография источников, на которые в основном тексте есть ссылки; главным образом это художественные тексты и некоторые их переводы на русский и английский языки. Во втором указателе представлены имена и названия произведений: под рубриками соответствующих имен приводятся алфавитные перечни тех произведений, которые цитируются или упоминаются в основном тексте книги, при этом разными шрифтами набраны публикации в журналах или сборниках и отдельные издания. Указатель не только удобен (помогает быстро находить нужное место), но и репрезентативен: демонстрируя богатую базу данных, на которую опирался автор монографии, указатель позволяет ориентироваться в том, "кто есть кто" в белорусской литературе. Правда, к сожалению, в него не включены фамилии авторов, приводимые (по ходу изложения) в библиографических ссылках.

Если литературоведческий позитивизм (как антитеза импрессионистичности и идеологическим или фрейдистским шаблонам) определяет основательность рецензируемой книги, то индивидуальность метода А. Мак-Миллина связана с умением формулировать замечательно точные характеристики изучаемых явлений. Секрет точности, на мой взгляд, состоит в том, чтобы видеть противоречивость или внутреннюю неоднородность феноменов литературного процесса и, понимая это, называть вещи своими именами. В отличие от оценочной монотонности, умолчаний и уклончивости белорусского литературоведения, у Мак-Миллина почти в каждом его оценочном или резюмирующем высказывании есть противопоставление, или эксплицируемое противоречие, или сопоставление, или уточнение масштаба оценки. Именно это придает его характеристикам и оценкам взвешенность и ответственность. Вот несколько иллюстраций.

1. "Ученые занятия профессора Лойко явились толчком к созданию ряда стихотворений, посвященных культурной истории Белоруссии – таких, как "Лямантацыі Кірылы Тураўскага" (1971), "Партрэт Сымона Буднага" (1974), "Балада Траецкай гары" (1965), "Цётка" (1971) [...] Его тематический размах огромен, однако на поверку, при всей легкости (facility) письма, некоторые его стихотворения кажутся только намеком на историю, и это происходит в значительной мере из-за упорного стрем-

ления использовать детали, которые ближе скорее к банальности, чем к простоте, и из-за не способной тронуть сентиментальности, а кроме того из-за наивного мировосприятия автора, так контрастирующего с относительной ученостью его профессионального знания" (Р. 113).

2. "Нил Гилевич – не только исключительно плодовитый и умелый автор, но и поэт огромной страстности и эмоциональной прямоты. Его лирический герой – это творческая личность с обостренным чувством социальной ответственности, верящая в живительную ценность народной этики и эстетики. Фольклорное начало отразилось в его стилистике, многое воспринявшей из народной поэзии и вместе с тем утверждающей реализм и ясность выражения. Его главными темами были деревенская жизнь, национальное мировидение белорусов, дополненное широким интересом к чужим странам, трагедия войны, история родной земли в ее связях с современностью" (Р. 118). "Гилевич, человек подлинных и широко признанных благородных принципов, сыграл важную роль в моральной жизни своей страны, постоянно борясь против цинизма и подлых идей, отвергая беззаконие. Возможно, именно поэтому он был очень влиятелен в кругах молодых поэтов – при существенно меньшем влиянии его поэтической техники, ведь в отношении поэтической формы сам Гилевич – это естественный эклектик. Его авторитет в большей мере связан с его ясной и бескомпромиссной моральной позицией, с его искренним и глубоким чувством в поэзии, посвященной Белоруссии, исторической и современной" (Р. 119). «Из трех "ученых-поэтов", о которых шла речь в этом разделе, Гилевич, по-видимому, наименее значим как исследователь, однако без сомнения он является наиболее значительным поэтом и широко признанным общественным деятелем» (Р. 123).

3. «Разумеется, Иван Пташников не легкий писатель. Едва ли его книги, особенно "Алімпіяда", могли бы стать доходными. Действительно, горы подробностей, которые он стремится вместить в свои описания, сейчас не в моде. Но есть и другие читатели: они видят в нем одного из самых крупных авторов современности, достойного последователя предвоенной психологической романистики Кузьмы Черного, сопоставимого и с такими лидерами позднесоветской прозы, как Чингиз Айтматов, Василий Белов и Валентин Распутин, и с такими более ранними мастерами, как Леонид Леонов и Якуб Колас» (Р. 242).

4. [В финале разбора "Балады аб трыццаць першым сарэбраніку"]: "Это в целом типично для баллад Короткевича: выбор исторической (иногда фольклорной) темы и красочная, драматичная разработка ее сути при экспрессивно подчеркнутой современности ее звучания. Среди других белорусских поэтов в этом отношении Короткевич ближе всего к Янке Сипакову" (Р. 250).

5. "И как писатель, и как человек Короткевич был замечательной фигурой: он был великим учителем и вместе с тем умел развлекать. На похоронах немногих, если вообще кого-либо из белорусских, писателей, звучали такие прочувственные слова скорби" (Р. 243).

Что касается индивидуально своеобразия литературного процесса в послесталинской Белоруссии, то А. Мак-Миллин чаще всего отмечает его три особенности: во-первых, относительно более медленное преодоление сталинизма (см. ниже пункт А); во-вторых, и это более существенная черта, – иные, нежели в русской литературе, настроения в деревенской прозе и драме (см. пункт В); в-третьих, и это самое существенное, присутствие в белорусской литературе проблемы национально-культурного самосохранения и возрождения (см. пункт С).

А. Феномен большей дозволенности свободы и разномыслия в послесталинской Москве, нежели в Киеве или Минске, а также в Ленинграде – хорошо известен. Как одно из следствий – многие произведения Василия Быкова, Алеся Адамовича, позже – Светланы Алексиевич впервые увидели свет не в Белоруссии, но в московских журналах или издательствах. Дело, однако, не только в либерализме московских властей и большей запуганности подначальных редакторов "на местах". Как отмечает Мак-Миллин, коммунистическое руководство БССР всячески поддерживало писателей, "продолжавших создавать сталинистские романы и после смерти диктатора. После Бровки ближайшим к нему по верности духу коммунистической партии и по количеству наград и почетных званий был Михась Лыньков" (Р. 50). Помимо засилья литературных генералов сталинской выучки, были и другие причины живучести конформизма (впрочем, и без того склонного к официозу), – например, слабые художественно-интеллектуальные возможности конкретных авторов. Мак-Миллин, в частности, говорит о "фантастическом романтизме" Алеся Савицкого, повествовавшего о строителях настолько "немыслимо идеализированно", что «ни один из его героев не имел

ничего общего с теми реальными рабочими, о которых в эти же годы писали русские писатели, такие, как Владимир Войнович, и чьи книги были очень популярны у советского читателя. Навероятно, но в 1970 г. за эту повесть ["Самы высокі паверх". – Н.М.] автор был удостоен премии ленинского комсомола Белоруссии» (Р. 170).

В. Своеобразие деревенской темы в белорусской литературе (и в прозе, и в драме, например, в пьесах Андрея Макаёнка, по мысли А. Мак-Миллина, состоит в том, что белорусские авторы, в отличие от русских писателей-"деревенщиков" (прежде всего В. Белова, В. Распутина), не идеализируют патриархальное прошлое крестьянства и не считают, что "близость к земле" поможет и спасет от всех напастей урбанизации. Большую трезвость и реалистичность белорусских деревенщиков Мак-Миллин справедливо объясняет их прямой и кровной связью с крестьянской жизнью, а также тем, что "эта жизнь была органической частью белорусской литературы с самого ее начала" (Р. 151).

С. А. Мак-Миллин чрезвычайно внимателен к проблеме, может быть, и не самой тяжелой, но самой большой и этически острой – к проблеме этноязыкового самосохранения белорусского народа. Так, в предвоенной поэзии А. Кулешова Мак-Миллин замечает "сильную русофилию" и признает ее "довольно странной" (Р. 31). В романе И. Шамякина "Сэрца на далоні" (1963) он считает художественным изъяном то, что хотя действие романа разворачивается в Гомеле, оно без потерь могло бы быть перенесено в любой небелорусский город Советского Союза. Признавая талантливость сатирической комедии К. Крапивы "Брама неўміручасці" (1973), исследователь, тем не менее пеняет автору на невыраженность в пьесе белорусского национального самосознания (Р. 75). Мак-Миллин выступает против игнорирования или затушевывания национальных различий, против недомолвок и умолчаний в национальных вопросах. При этом речь идет не только о белорусах. В одной сноске (именно в сноске пети́том, а не в основном тексте), говоря о романе И. Новикова "Руіны страляюць ва ўпор" (1962), Мак-Миллин уничтожительно замечает, что об этой книге "не стоило бы и упоминать", если бы "автор не умудрился удивительным образом, рассказывая о Минском гетто, избежать слова *еврей*" (Р. 68–69).

Исследователь регулярно отмечает такие феномены белорусско-русского двуязычия,

как создание белорусскими писателями произведений на русском языке; как авторский перевод (не авторизированный, но именно перевод автором) на русский язык произведения созданного по-белорусски (речь шла о ряде книг В. Быкова и Вл. Короткевича); как редактирование белорусским писателем минского русскоязычного журнала и т.п.

"Небелорусскость" или недостаточная "белорусскость" если и не оцениваются Мак-Миллином отрицательно, то малоинтересны для него. Относительно подробно характеризует белорусскоязычные пьесы А. Делендика, М. Матуковского, А. Петрашкевича, он, в лучшем случае, лишь упоминает их произведения на русском языке. Говоря о Короткевиче, Мак-Миллин считает важным перечислить все "лингвистические" обстоятельства его жизни: что "родом из русскоговорящей семьи гражданского служащего в Орше", что в эвакуацию жил в Перми и Оренбурге, что закончил филологический факультет Киевского университета. И далее Мак-Миллин особо подчеркивает, что, несмотря на русский язык семьи и детства, Короткевич с первых баллад пишет по-белорусски, "потому что без сильного национального языка он не видит будущего для белорусской культуры" (Р. 244).

Однако сформулированный тезис принадлежит не Короткевичу, но Мак-Миллину. Между тем языковая проблема в Белоруссии и горше и сложнее. Горше, потому что в послевоенной Белоруссии позиции белорусского языка год от года слабеют. Сложнее, потому что белорусская культура издавна существует не только на белорусском языке. Писавший художественную прозу по-русски Алесь Адамович и пишущая по-русски Светлана Алексиевич – это белорусские писатели. Их белорусскость состоит прежде всего в неприятии империи и в утверждении достоинства жизни человека и истории народа, независимых от империи.

А. Мак-Миллин с некоторым недоумением упоминает биографические сведения о том, что когда Короткевич учился в Киевском университете, у него была "странная репутация украинского националиста" (Р. 243). Между тем здесь нет странности: "украинский национализм" Короткевича –

это прежде всего антиимперская настроенность интеллигента-демократа за пределами России. Белорусская ментальность шире белорусского языка, и надо видеть приоритеты. Утверждать, что без белорусского языка нет Белоруссии – это значит деморализовать народ, отбирать у него перспективу на независимое будущее и возрождение. Именно государственный суверенитет, своя, самостоятельная организация жизни позволят сохранить национальную культуру, защитить и возродить язык. Но не наоборот. На мой взгляд, Владимир Короткевич это видел.

В монографии Мак-Миллина нет традиционного заключения (выводов и обобщений): ее последний абзац – это конец главы о Короткевиче. Впрочем, у подобного финала своя семиотика: это и способ уйти от неизбежных банальностей, "общих мест" в "заключительных аккордах", и напоминание о том, что говорилось во введении: "исследование продолжается".

Испытывая мощное воздействие превосходной монографии А. Мак-Миллина, я закончу рецензию аналогично: без итогов и резюме, но в уверенности: его мастерское исследование белорусской литературы продолжается.

© 2001 г. Н.Б. Мечковская

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *McMillin A.B.* The Vocabulary of the Byelorussian Literary Language in the Nineteenth Century. London: The Anglo-Byelorussian Society, 1974. 336 P.
2. *McMillin A.B.* A History of Byelorussian Literature: From its Origins to the Present Day. Giessen: Schmitz Verlag, 1977. 447 P.
3. *Геніюш Ларыса.* Вершы: Рукапісны зборнік з 1945–47 гг. / Пад рэдакцыяй і з уступам А.Б. МкМільліна. Лёндан: Беларуская Бібліятэка імя Ф. Скарыны; School of Slavonic and East European Studies, University of London, 1992. 46 с.
4. *Беларускія пісьменнікі: Біябібліяграфічны слоўнік у 6 тамах. Т. 1.* Мінск, 1992. С. 226.

Z. ZIĄTEK. *Wiek dokumentu*. Warszawa, 1999. 224 S.

З. ЗЁНТЕК. Век документа

Мысль о том, что эстетическая деятельность совершается в человеческом сознании постоянно и, как следствие, проза художественная и "личный документ"¹ (дневники, мемуары, биография, автобиография и пр.) – тесно взаимосвязаны, давно уже стала общим местом. Отдельные теоретические и историко-литературные проблемы, возникающие на стыке прозаических жанров разной степени эстетической организованности, так или иначе затрагивались во многих работах, в том числе и польских. Однако до сих пор отсутствовало синтетическое исследование, посвященное документальному измерению польской прозы XX в., каким стала книга известного польского критика, литературоведа, сотрудника Института литературных исследований ПАН Зигмунта Зёнтека.

В ее основе лежит несогласие автора с традиционным сведением взаимосвязей литературы и исторического опыта XX в. лишь к тематическим инспирациям. "Век документа", таким образом, – результат поиска этих связей на стыке документалистики и беллетристики. Следует заметить, что в силу стечения разного рода исторических обстоятельств, а также отсутствия собственной прочной натуралистической традиции, влияние на литературный процесс таких документальных жанров, как непрофессиональная автобиография, репортаж и свидетельство очевидца, оказалось в Польше особенно сильным и специфическим. Исследователь сосредоточил свое внимание на произведениях художественной литературы, в которых наиболее совершенным образом реализовались документальные инспирации, утверждая, что этот метод дает наиболее полную возможность рассмотреть стимулы, получаемые беллетристикой от документальной прозы. И в самом деле, в этом ракурсе

выявлены наиболее значимые точки пересечения прозы различной степени структурности.

Первая глава ("Жажда самопознания") посвящена творчеству Веслава Мысливского, прочитанного в контексте "литературной карьеры" крестьянской автобиографии, которая стимулировала развитие автобиографической деревенской прозы (зародившейся в 30-е годы XX в., достигшей кульминации на рубеже 60–70-х годов, и, наконец, практически исчезнувшей в последнее десятилетие). В этой связи Зёнтек поднимает интереснейшую проблему психологии творчества, отмечая, что в некоторых случаях выбору формы на стыке воспоминаний и беллетристики предшествовали неудачные попытки создания романа, что, очевидно, свидетельствует о неизбежности как этапа автобиографизма, так и самостоятельного открытия этой закономерности.

Если стихийное родство деревенской прозы и крестьянской автобиографии специальных разъяснений не требует, то стремление к художественной реконструкции этой модели, к выведению из нее собственной, мемуарной беллетристической формулы, представляется уже не столь простым и очевидным. Анализируя это явление, Зёнтек обращается к идее аутентизма (сформулированное в 30-е годы Ст. Черником требование верности собственному общественному опыту и самостоятельного поиска универсальных смыслов только через этот опыт), возрождавшейся не одной писательской формацией и справедливо рассматриваемой исследователем прежде всего как документ самосознания. "Мемуароподобные" формы присутствовали в творчестве наиболее значительных представителей деревенской прозы постоянно (от автотематизма В. Маха, через формулу исповеди в прозе Ю. Мортгона, Ст. Пентака, Ю. Кавалеца, до эссеизированного культурологического исследования собственной биографии Ст. Черником). Но сознательное обращение к модели крестьянских воспоминаний мы находим лишь в творчестве так называемого второго поколения авторов

¹ Этому закрепившемуся в польском литературоведении термину соответствует употребляемое в российском литературоведении понятие "человеческого документа".

деревенской прозы (дебютировавшего в 60-е годы).

В этом ракурсе и контексте подробно анализируется проза В. Мысливского – от "Голого сада" (1967) до "Горизонта" (1996), практически уже выходящего за рамки "деревенскости", пусть даже в самом общем ее понимании: углубляясь в собственную биографию, писатель обращается к опыту столь универсально-экзистенциальному, что вопрос участия в опыте коллективном оказывается второстепенным.

Главная тема второй главы ("Жажда правды") – проблемы жанра так называемого свидетельства очевидца. Следует отметить, что в польской литературе он оказался необычайно популярен и плодотворен, приобретя особое значение во время и после Второй мировой войны, когда авторы подобных документов ощутили себя хранителями правды о судьбе уничтоженных. Чрезвычайно интересен вопрос мотивации создания этой разновидности "личного документа" в разные исторические периоды. Но в любом случае единственная, хотя и призрачная возможность противостоять хаосу – это осмыслить его. А это значит – дать переживанию язык, найти адекватную опыту формулу (отсюда мучительное ощущение – по Ч. Милошу – что обязательно должно быть сочетание слов, в котором заключена эссенция кошмара нашего столетия). Перенесению военных свидетельств в область художественной литературы способствовало своего рода размывание границ последней: когда документом культуры признаются настенная надпись, записка, протокол допроса, уменьшается значение соотношения в повествовании документальности и "литературности", а также дифференциация вариантов сочетания фактографии, моралистики и интеллектуальной рефлексии (примером могут служить лагерные рассказы Т. Боровского, "Медальоны" З. Налковской, автобиографическая проза Г. Херлинга-Грудзиньского).

В прозе, опирающейся на свидетельства очевидца – как и в других прозаических жанрах, восходящих к документу – произошла внутренняя эволюция, процесс универсализации значений. Он, главным образом, связан с временной дистанцией, возможностью благодаря ей сопоставить личный опыт со сложившимся в польской ментальности образом войны. Этот второй этап эволюции жанра свидетельства представлен в прозе Ч. Милоша (беседы с А. Ватом, 1978), М. Бялошевского ("Дневник варшавского восстания", 1970). В некоторых

случаях (у М. Эдельмана, Ю. Чапского, Я.Ю. Щепаньского) можно наблюдать развитие этого процесса в рамках творчества одного и того же писателя. Важная роль в процессе литературной эволюции жанра свидетельства принадлежит писателям, которые, испытав потребности и возможности его, позже, в 70-е годы вновь обратились к этой формуле, но уже как беллетристы (речь идет о таком – все еще популярном – явлении, как роман-дневник, парамемуары).

Нельзя не согласиться, что в результате на второй план отодвинулись первые тексты, написанные еще по горячим следам. Здесь Зёнтек обращается к интереснейшему временному различию между ними и более поздними мутациями жанра свидетельства. Это заключенное в них переживание и структурирование времени. Здесь уместно добавить, что многие свидетельства были вызваны к жизни именно попыткой сохранить связь с временем "нормальным" – временем культуры, цивилизации, личной и общественной идентичности. Ощущение перенесенности в иное временно измерение, обычно характеризующееся невыносимым ускорением, отразилось уже в самих названиях: от универсальной метафоры "бесчеловечное время" (одноименный роман Ст. Отвиновского, 1946) через годы ("Пять лет концлагеря" Ст. Гжесюка, 1958), месяцы и дни ("Сто одиннадцать дней летаргии" А. Гжималы-Седлецкого, 1965) до часов ("24 часа смерти" Е. Пытляковского, 1946).

Добавим, что среди разнообразных механизмов душевной жизни человека главными остаются ощущение, переживание и осмысление именно времени и пространства. Хронотоп оказывается своего рода жизненной матрицей, без которой невозможны сознание и память, т.е. невозможен реальный человек и его судьба. Переживание этих категорий на уровне потребностей повседневного существования или на метафизическом уровне оказывается и главной опорой того "психологического языка", которым пользуется человек в общении с миром и самим собой. В формировании его ведущая роль принадлежит литературе, дающей сценарии таких переживаний. Хотя десятилетия спустя вывод основателя синергетики И. Пригожина – "время не является чем-то готовым, предстоящим в завершенных формах перед гипотетическим сверхчеловеческим разумом /.../ Время – это нечто такое, что конструируется в каждый данный момент" – прозвучал научным откровением, литература "знала" и говорила об этом, используя свой психологический язык, гораздо раньше, исподволь прививая

общему сознанию переживание "времени как сущностной переменной" [1].

Зёнтек блестяще анализирует лагерную прозу Т. Боровского, в которой основополагающая, непреходящая сверхзадача свидетельства в наиболее совершенной форме синтезировалась с характерными особенностями жанра военных и первых послевоенных лет. Следует заметить, что парадоксальным образом рассказы Боровского – благодаря которым и сложился образ писателя-открывателя истин лагерного существования – в контексте литературы свидетельства полностью рассматриваются впервые. Также принципиально важно, что Зёнтек впервые в польском литературоведении ставит задачу освобождения интерпретации рассказов Боровского от более поздних наслоений биографического мифа, "черной легенды" писателя и находит необходимый теоретический ракурс, позволяющий это сделать – рассмотрение лагерной прозы польского писателя с точки зрения жанра свидетельства очевидца, поскольку именно такая позиция неизбежно возвращает исследователя к психологическим мотивациям создания текстов. При этом необходимо верно восстановить порядок их написания, так как только в этом случае возможно открытие заключенных в свидетельстве смыслов. Долгое время хронологической считали авторскую композицию: более поздние "Прощание с Марией" поставлено первым, поскольку касается долагерной жизни автора-повествователя; написанная же ранее "Грюнвальдская битва" оказывается в конце, поскольку повествует о послевоенном этапе и т.д. Хотя польское литературоведение еще в 60-е годы восстановило истинный порядок вещей, широкий читатель (в том числе, нередко и читатель в той или иной мере профессиональный) продолжает оставаться под воздействием концепции, порожденной окончательной композицией и рассматривает лагерные рассказы Боровского с точки зрения их эволюции к модели видения мира как "концентрационного универсума", а также развития от стыка с прозой документальной ко все более художественно структурированному литературному видению. Однако, с точки зрения Зёнтека, такая позиция не учитывает исключительности и разнородности времени создания рассказов (времени, выпадающего не только из нормального календаря, но и из уже самого по себе специфического времени оккупации) – исключительности, которая могла оказать на различия между этими текстами влияние более мощное, чем допускает сте-

реотипная схема творческой эволюции писателя. Особый интерес представляет анализ вызывавшей многочисленные споры проблемы нравственно-художественной позиции повествователя и важнейшей для понимания ее истинного значения связи с временной структурой текста.

В третьей главе ("Жажда реальности") рассматривается творчество Р. Капусциньского и Х. Кралль с точки зрения развития жанра репортажа и выхода за его рамки – в пространство художественной литературы. Зёнтек обращается к специфике возникновения и эволюции двух полюсов польского репортажа – исторического и общественно-бытового, их языку (исторических ассоциаций и аналогий в первом случае и освоения искусства натуралистического описания и психологического портрета – во втором). Возможности литературного развития репортажа в послевоенной Польше определяли не только обстоятельства, которые позволяли (или нет) говорить правду. Значимы также изменения в его литературном окружении, которые (как уже отмечалось) привели к значительному расшатыванию границ и критериев "литературности", что позволило репортажу оставаться собой, даже занимаясь собственно литературными проблемами. По словам Зёнтека, об эволюции положения репортажа в литературном процессе может свидетельствовать тот факт, что М. Ванькович, в конце концов, вышел за рамки репортажа, предприняв попытку эпического синтеза ("Материал", 1954), К. Прушинский – романа ("Путь лежал через Нарвик", 1945) и циклов военных повестей. Р. Капусциньскому же удалось остаться в границах репортажа даже при написании словно уже готового для постановки на сцене "Цезаря" (1978) благодаря сознательному использованию средств репортажа как литературного приема.

Зёнтек анализирует причины необыкновенного литературного успеха Капусциньского и Кралль, начинавших совсем не с той разновидности репортажа, которая принесла им славу, и приходит к выводу, что в обоих случаях этот перелом связан с обращением к военной проблематике. Автор книги определяет это явление как поиск литературного ответа на вызов жанра свидетельства. В 70-е годы в области военной прозы происходил процесс, названный критиком переходом от свидетельства военного опыта к свидетельствам истории или эпохи. Особую роль в эволюции "личных свидетельств" к "свидетельствам эпохи" сыграли книги, созданные на основе

многочасовых бесед, записанных на магнитофонную ленту (как, например, "Мой век" – беседы Ч. Милоша с А. Ватом) или сохраненных только в памяти, как тюремные беседы К. Мочарского с немецким генералом Штроопом ("Беседы с палачом", 1978). Они предлагали читателю драматическое сопоставление различных точек зрения и тяжелейший путь к истине (это были свидетельства, почти вырванные из гортан собеседника).

Приступая к беседам с Марекон Эдельманом ("Успеть перед Господом Богом", 1977), последним оставшимся в живых руководителем восстания в Варшавском гетто, Х. Кралль оказалась в самом центре процесса создания новой формы военного свидетельства как свидетельства истории. Наиболее интересна в этой связи метаморфоза главного героя, совершающаяся под влиянием собеседницы: Эдельман оказывается важен для Кралль и как человек, чья биография открывает возможности найти нечто позитивное в самом трагическом опыте. Некоторые сомнения вызывает вывод Зёнтека о том, что постановка такой сверхзадачи не была бы возможна за рамками репортажа. В то же время весьма ценными представляются наблюдения критика над попыткой Кралль перейти к собственно беллетристике ("Соседка", 1985; "Окна", 1987). Он указывает предположительную причину, по которой из Кралль не получился крупный романист. Подобно многим другим писателям-документалистам она не смогла настолько довериться наработанным беллетристическим приемам, чтобы использовать их как средство выявления правды. Решившись перешагнуть границы вымысла, писательница словно бы утратила ощущение действующих здесь законов достоверности. Все указывает на то, что "приключение с романом" носило в биографии Кралль эпизодический характер и было вызвано исключительностью времени, переживанием событий как исторических и потребностью запечатлеть их в слове. Кралль вернулась к репортажу, но ее позднейшие произведения обращены уже к иным сферам читательских чувств: это инструменты личной психотерапии и коллективной памяти и в какой-то мере они продолжают миссию свидетельства очевидца, миссию памяти, открытую когда-то писательницей в "Успеть перед Господом Богом".

Эволюцию творчества Кралль Зёнтек сопоставляет с изменениями в репортажах Р. Капусциньского, поскольку и они также – хотя и менее очевидным образом – были

связаны с принятием аналогичного вызова. Причиной этих изменений был отход писателя в середине 70-х годов от оптимистической историсофии, с позиций которой написаны первые его произведения. Переживание истории как сферы незаслуженных человеческих страданий привело к значительным метаморфозам творчества Капусциньского (от "Футбольной войны" 1978 г. до "Империи" 1993 г.). Зёнтек подробно рассматривает этот процесс: освобождение текста от первоначальных публицистических элементов, перенесение познавательной ценности в область записи личного опыта, приближение к форме свидетельства очевидца, стремление преодолеть ограниченность позиции профессионального свидетеля, ощущение своей художественной и человеческой миссии как свидетеля эпохи. В случае Кралль погружение в живые исторические события привело к выходу за рамки репортажа и выразилось в поиске романной формы. Выбор Капусциньского на первый взгляд противоположен. Именно в книгах, обращающихся к великим историческим переломам, он возвращается к форме классического репортажа, преодолевает ограничения точек зрения и свидетеля-участника событий, и наблюдателя-свидетеля эпохи, синтезируя их, что позволяет писателю войти в пространство беллетристики, не расставаясь с репортажем и используя отдельные переработанные его элементы (в первую очередь позицию репортера как организатора образа действительности). Самым значимым шагом Капусциньского в этом направлении оказался отказ от всего слоя сиюминутной, быстро утрачивающей актуальность информации, когда-то бывшей стержнем репортажа. В результате и участники событий, и автор (достоверный их свидетель) предстают читателю непосредственно на монументальном историческом фоне. Необходимые детали или помещены вне основного текста, или вводятся в него таким образом, чтобы прочтение их (а в особенности их выявление) оказывалось элементом всей тщательно выстроенной повествовательной конструкции.

Таким образом, крестьянская автобиография, свидетельство очевидца, репортаж формировали документальное измерение польской прозы XX в. и непосредственно – через внутреннюю эволюцию этих жанров к литературной зрелости; и опосредованно – влияя на поиски собственно беллетристики. Активное присутствие документа в польском литературном процессе изменило поло-

жение прозы: теперь стремление к точной записи действительности могло соотноситься не только непосредственно с ней, но и с текстами, претендующими на роль своего рода "общественного документа", устанавливающего новые критерии достоверности. Наиболее многогранным и полным ответом прозы на "вызов" со стороны автобиографии, свидетельства и репортажа Зёнтеку представляется творчество Игоря Неверли, которому и посвящена четвертая глава книги ("Жажда аутентичности"). Неверли не единственный писатель, который (не в состоянии выразить опыт XX в. средствами традиционного реализма, но не желая при этом отказываться ни от искусства повествования, ни от реальности пережитого) пришел к идее возрождения традиции XVIII в. Но он, — замечает Зёнтек, — возможно, единственный, кому эта традиция помогла установить связь с документалистикой.

Значимая для развития документального измерения польской прозы XX в. роль непрофессиональной биографии, свидетельства, репортажа — как и поиск ответа на их вызов со стороны беллетристики — уже феномен прошлого. Бурное развитие и стремительная литературная карьера этих трех документальных жанров были непосредственно связаны с военным опытом, некоторыми общественными процессами, убыстренным ритмом истории XX в. вообще, который каждый раз по-новому демонстрировал кажущуюся или реальную беспомощность художественной литературы и возрождал прозу документальную. Некоторое время казалось, что эта закономерность "сработает" и в годы военного положения, но после его отмены тем заметнее оказалось прочное разделение областей собственно документальной прозы и "документальности" прозы художественной — их взаимодействие практически прекратилось.

Пятая глава "Конец века документа?" синтетически рассматривает актуализацию и эволюцию проблем документальности в прозе, рожденной историческим и психологическим опытом Польши 80-х годов. События этих лет породили ожидания неких литературных результатов, сопоставимых с художественными последствиями других значимых переломов в новейшей истории Польши — начинавшихся, как правило, с появления или возрождения идеи документальной записи текущих событий и отказа от фабулы. Идентификация миссии литературы с достоверной записью исторического времени была естественным

импульсом критики после событий августа 1980 г. и особенно после декабря 1981 г. Казалось, что в форме дневников, свидетельств, хроник рождается новая литература. Однако надежды на обновляющее воздействие волны документальной прозы не оправдались. По мнению Зёнтека, документация переломных исторических событий 80-х годов не была перенесена в область беллетристики, не привела к возникновению нового эстетического качества, не стала для художественной литературы вызовом ни с точки зрения содержания, ни с точки зрения формы. Почему так случилось?

По мнению исследователя, весь опыт польской прозы XX в. показывает, что документальная проза, вызванная к жизни крупными общественными процессами и историческими потрясениями, влияла на эволюцию беллетристики только тогда, когда это было массовое, спонтанное непрофессиональное творчество и когда оно само предлагало художественной литературе новые критерии достоверности наблюдения, переживания или выражения (примерами служат свидетельства Первой мировой войны, октябрьской революции в России, польско-советской войны 1920 г., крестьянская автобиография и, наконец, свидетельства Второй мировой войны). Следовательно, если богатая документация последнего исторического перелома не привела к возникновению в художественной прозе новых явлений, если — более того — обновление прозы совершилось как бы помимо нее, это может означать, что отсутствовали новые возможности видения прошлого и настоящего исторического опыта. Зёнтек отмечает, что некоторые традиционные и привлекательные формы документальной прозы в это время даже деградировали (например, популярный жанр "беседы с...", "интервью-реки" возникший в 70-е годы, был перенят властью и сразу после отмены цензуры использован для путаных самооправданий; использовался он также и недавними диссидентами и быстро сменяющимися друг друга новыми участниками новых структур; таким образом, он превратился в бесплатную или даже доходную рекламу или средство предвыборной агитации и мог теперь послужить повествовательной моделью уже лишь для парадокментального романа политического манипулирования — как, например, "Чему научил меня Август" А. Боярской, 1995). Итак, согласно своей концепции, одну из причин небольшой — для беллетристики — привлекательности документальной прозы

80-х годов Зёнтек видит в сравнительно большом участии в ней профессиональных писателей (отсутствовал тот интерес к новой действительности, который заставил бы искать ее "необработанные" документы, стимулировать их создание и распространение). Действительно, символическим представляется факт, что главной хроникой этого времени оказались "Месяцы" К. Брандыса, сверхзадачей которых была не документация истории, но создание собственного, прежде всего, писательского имиджа, хотя и формируемого по горячим следам, день за днем.

Зёнтек подробно рассматривает различные способы документирования опыта военного положения, анализируя причины того или иного жанрового выбора (например, специфический жанр коллажа с героем новейшей истории в главной роли, соединявший элементы личного дневника, свидетельства очевидца и участника, часто очень яркого репортажа, архивных документов). Как правило, эти формы занимали место более "сырых" документов, подчиняя их, превращая во фрагменты замкнутых композиций и становясь в свою очередь свидетельствами замкнутой или драматически оборванной истории. Будучи законченным целым, они не могли взаимодействовать с беллетристикой в качестве исходного материала, удовлетворяющего ее потребность в живой документации действительности. Эта документальная проза могла бы найти свое продолжение в беллетристике через расширение, углубление или критическую рефлексию. Но писатели, обращавшиеся к этому периоду польской истории, по словам польского исследователя, оказались не в силах выполнить эту задачу, поскольку большей частью не вкладывали в такие попытки все свои творческие амбиции и возможности. Одни, как, например, Т. Яструн, А. Павляк, сознательно себя ограничивали (превращаясь из поэтов в хроникеров-документалистов), другие, оставаясь в пространстве беллетристики, лишь делали жест в сторону общественных идеалов (Я. Гловацкий, Я. Бохеньский). Характерно, что в этом случае прозаики не стремились к новым, самостоятельным общественным диагнозам, но лишь имитировали документальную достоверность привычными художественными средствами (что мастерски делал М. Новаковский).

В конце 80-х годов в прозе писателей, связывавших себя с событиями августа 1980 г., начинает нарастать усталость от прошлого общества, в котором угасают и вы-

рождаются представления о национальных атрибутах и олицетворяющих их биографиях. Потребность в новом слове о прошлом нашла выражение в личных формах свидетельства, не претендующих на панорамное изображение коллективного опыта, а также в обращении к собственной биографии (обычно на фоне истории рода как наиболее проверенного мерил подлинности коллективной биографии). Интересно наблюдение автора книги о том, что это немедленно разделило прозаиков на тех, кто родился до и после Второй мировой войны (Т. Конвицкий, А. Щипёрский, Х. Кралль, Я.М. Рымкевич с одной стороны и М. Нуровская, И. Смолька, Ст. Беньяш, З. Орышин, Д. Тераковская – с другой), поскольку военный опыт давал совершенно иную перспективу видения.

Зёнтек рассматривает опыт документальной и парадокментальной прозы 80-х годов и с точки зрения тех или иных художественных и психологических "ловушек" (ходульный пафос или общие места, поскольку опыт тюрьмы, конспирации, эмиграции тут же возродили устоявшиеся в польской культуре словесные формы; смакование "историчности" собственной биографии; иллюстрирование исторических переломов и т.д.). Потребность в новом прочтении собственного прошлого могла породить некое новое литературное качество лишь тогда, когда не исчерпывалась помещением себя в рамки послевоенного исторического опыта, но вела дальше – к постановке вопроса о самом механизме рождения коллективной памяти и тайне соприкосновения ее с памятью личной, неповторимо собственной.

В заключение автор обращается к романам Зб. Крушиньского ("Шведенкройтер", 1995 и "Исторические эскизы", 1996) и О. Токарчук ("Правек и другие времена", 1996) – наиболее, с его точки зрения, серьезным, хотя и диаметрально противоположным попыткам молодых писателей выразить собственное отношение к истории.

Повествование "Исторических эскизов" сплетено из различных языков, выработанных военным положением – языка демонстраций, конспирации, судебного процесса, допроса, следствия, тюремной переписки, сбора информации, обвинения, защиты, беседы в консульстве и т.д. Очень уместным представляется сопоставление сверхзадач Крушиньского и знаменитой вроцлавской "Оранжевой Альтернативы", иронические уличные хэппенинги которой открывали весь абсурд военного положения, демонстрировали элементы фальшивой,

костюмной, декоративной "историчности", с помощью пародии помогая человеку дистанцироваться от унижительных ситуаций. Если обращение к документу служит достоверной записи действительности, то у Крушинского мы находим точнейшее и уникальное отрицание этих задач. Здесь документальность служит, главным образом, литературной игре и сгущению литературности текста. В этих "исторических" ситуациях, из которых роман черпает повествовательные формы и языковые функции, писатель демонстрирует и усиливает до абсурда, до поэтической многозначности полицейскую и конспиративную неоднозначность слова. Маскировка повествователя, сведение его к коммуникационным ситуациям, демонстрация обманчивой, всеобъемлющей, угнетающей многозначности языка используется Крушинским и в другой его книге – романе об эмиграции. Говоря о языковой позиции молодого польского прозаика, Зёнтек обращает внимание на внутреннюю связь прозы Крушинского и В. Гомбровича.

Роман О. Токарчук, наиболее радикально в молодой польской прозе опирающийся на концепцию истории как разрушительной хаотической стихии, иллюстрирует крайне сгущенный в последнее десятилетие интерес польской литературы к пространственному измерению человеческого бытия. Проза, особенно молодая, демонстрирует крайнюю антипатию к историзму и истории как таковой, понятой как идеологизированные, навязанные людям и обществом крупные временные конструкции, на наших глазах распавшиеся и оставившие после себя руины

и пространственно-временную дезориентацию. В этой прозе произошла смена установки с времени на локальность существования. Это не исключает использования документа, но теперь это карта, топографический набросок, местная хроника. Зёнтек считает неправомерной интерпретацию интереса молодых писателей к "малой родине" лишь как бегство от идеологии (характерное для военного положения) и солидаризируется с польской исследовательницей Г. Борковской, которая видит в этом новый феномен прочтения и освоения исторически чуждых пространств.

Книга снабжена указателем имен и примечаниями, которые в ряде случаев дают читателю представление о степени отфлексированности тех или иных явлений научным сознанием, содержат полемику с другими исследователями или предлагают интереснейшие уточняющие формулировки.

"Век документа" З. Зёнтека, удачно использующий возможности и строго академического исследования, и элементов эссе, безусловно представляет большой интерес в ряду других литературоведческих работ, вызванных к жизни завершением XX столетия и посвященных рефлексии над происходившими на его протяжении литературными процессами.

© 2001 г. И. Адельгейм

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 47.

Славяноведение, № 1

O. RICHTEREK. Dialog kultur v uměleckém překladu. Hradec Králové, 1999.

O. РИХТЕРЕК. Диалог культур в художественном переводе

Новая книга Олдржиха Рихтерека, преподавателя Педагогического института в Градце Кралове (Чехия), вышла в свет в непростых исторических условиях. Не секрет, что в последнее время в странах бывшего социалистического лагеря практически сошел на нет интерес ко всему

русскому, в том числе и к русской литературе. О. Рихтерек большой друг нашей страны, исследователь и пропагандист русского языка и русской культуры. Рихтерек неоднократно предупреждал чешскую общественность о том, что долговременное игнорирование подлинно позитивных цен-

ностей русской культуры может нанести непоправимый ущерб традиционно открытой чешской культуре. Подобные суждения он высказывает и на страницах рецензируемой монографии.

Работа посвящена проблеме диалога русской и чешской культур, как он отражен в переводческой интерпретации нескольких произведений русской литературы; она затрагивает также ряд проблем сравнительного литературоведения. Данной проблематикой Рихтерек занимается давно, он автор более ста специальных статей и рецензий, опубликованных в журналах и научных сборниках, как в Чехии, так и за рубежом. В 1987 г. вышла его монография "Художественный стиль А.П. Чехова в интерпретации чешских переводчиков", ставшая событием как в чешской русистике, так в переводоведении.

Книга состоит из введения, четырех глав ("К диалогу чешской и русской культур", "Заметки о переводческой интерпретации драматургии А.П. Чехова", "Поэзия Сергея Есенина в интерпретации чешских переводчиков", "Художественная миссия Анны Ахматовой и чешская культура") и заключения.

Конкретному анализу переводов предшествует обзор чешско-русских культурных связей, где автор стремится сформулировать основные черты русского национального характера, русского менталитета и проследить их отражение в произведениях художественной литературы разных исторических периодов. Кроме того, Рихтерек делает попытку выявить отличительные черты русской национальной идентичности, способные при взаимодействии с чужой принимающей культурой выступить элементом межкультурного обогащения или стать для этой культуры инородным, отторгаемым явлением.

В главе, посвященной Чехову, автор от анализа специфики перевода драматургии

вообще постепенно переходит к разговору об особенностях чеховской драматургии и лишь потом приступает к разбору конкретных переводов, сопровождая их анализ рассказом о постановке пьес Чехова на чешской сцене.

В следующих главах предметом интереса исследователя стали переводческие интерпретации поэм С. Есенина ("Анна Снегина", "Черный человек") и А. Ахматовой ("Реквием", "Поэма без героя"). При анализе переводов особое внимание уделено проблеме поиска (в соответствии с учением И. Легова) "нормы эпохи" перевода русской литературы в контексте современной чешской литературы. При поиске "нормы эпохи" перевода отдельных артефактов русской литературы автор делает акцент на необходимости сохранять в амбивалентных образах произведений Чехова, Есенина и Ахматовой аутентичные высказывания о русской действительности, которые не следует элиминировать при ретроспективном взгляде на уходящий XX в.

Большой интерес представляет, на наш взгляд, разработка проблем семантических и стилистических сдвигов и создания единого семантического пространства художественного произведения. Плодотворной представляется также мысль автора о том, что для полноценного восприятия произведения переводной литературы необходимо более глубокое ознакомление читателя с другими областями иноязычной культуры (музыкой, изобразительным искусством, кинематографией), иными словами – комплексное знакомство с чужой культурой.

Монография О. Рихтерека – значительный вклад в разработку проблем межкультурного диалога, сравнительного литературоведения и теории и практики художественного перевода.

© 2001 г. *И. Беличева*

Международная конференция "Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века"

В Международной научной конференции "Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века", проходившей 11–13 апреля 2000 г. в Москве, приняли участие около 40 ведущих специалистов в области исторических дисциплин, филологии, социологии, информатики, представлявших такие российские научные центры, как Институт славяноведения РАН (ИС РАН), Институт всеобщей истории РАН (ИВИ РАН), Институт Европы РАН, Институт востоковедения РАН, Институт военной истории МО РФ, Московский государственный университет (МГУ), Государственный университет Саратова (ГУС), а также Институт истории Болгарской академии наук (ИИ БАН). При открытии конференции с приветствием к ее участникам обратились представитель посольства Республики Болгарии Вл. Паскалев, директор ИС РАН профессор В.К. Волков, сопредседатели Комиссии историков Болгарии и России, директор ИИ БАН профессор Г. Марков и академик Г.Г. Литаврин (ИС РАН). В работе конференции участвовал председатель Фонда российских греческих исследований Я. Николополус.

Актуальность тематики конференции определялась, помимо прочего, необходимостью конструктивного диалога между учеными России и Болгарии в связи с повышенной значимостью знаний по балканскому региону, особо заметной в последнее десятилетие XX в., когда Балканы вновь напомнили о себе как об одной из наиболее "горячих точек" на планете. Здесь в миниатюре переплелись многие глобальные проблемы – этнонациональные, этноконфессиональные, территориальные противоречия и споры между народами, проживающими там, долговременные геополитические, геостратегические, националь-

но-государственные интересы великих мировых держав.

Проведение данного научного мероприятия тесно связано с потребностью – на основе современных научных методов системного и функционального анализа и привлечения принципиально новой источниковой базы – вновь обратиться к глубинным процессам, раскрывающим причинно-следственные связи мировых конфликтов и кризисов XX в., проецировавшихся на судьбу отдельного балканского социума и в контексте особенностей цивилизационно-культурной модели данного региона. Подведение итогов исторического развития по указанным параметрам важно как с точки зрения поиска механизма предотвращения и разрешения кризисных ситуаций, так и для прогнозирования оптимальных условий, при которых каждому индивидууму было бы обеспечено право на жизнь, свободу и собственность в условиях глобальных изменений мирового порядка.

Исходя из указанных целей и задач конференции, ее организаторы предложили участникам сконцентрировать внимание на следующих проблемах: мироощущение и ментальность балканских народов, национальные идеалы, ценности и герои; демографическая и конфессиональная картина на Балканах на протяжении XX в.; Балканы – зона столкновений геостратегических интересов.

При обсуждении блока проблем, связанных с мироощущением и ментальностью балканских народов, российскими и болгарскими коллегами на конкретно-историческом материале отдельных периодов истории балканских народов раскрывались современное понимание и трактовка таких понятий, как этнос, нация, государство, национальное самосознание, национальный

интерес (Г.Г. Литаврин, Г. Марков). Большинство ученых сосредоточили внимание на выявлении взаимозависимости структурных изменений в обществе в рамках экономического и общественного прогресса, расширении связей региона с остальной Европой и миром в целом (совершенствование общественно-политической системы, развитие государственности, консолидация нации) и динамике восприятия и мироощущения представителей тех или иных общественных слоев отдельных балканских народов. Особо подчеркивалось проявление следующей дихотомии: повышенное стремление сохранить национальную аутентичность, самобытность, укрепить национальную государственность и тенденция "не отстать от Европы", приобщиться к цивилизационным благам. Эти явления обусловили определенное соперничество между отдельными балканскими нациями и государствами, стремление добиться для себя наибольших выгод от сближения с передовыми странами, подчас за счет соседа, что отнюдь не способствовало укреплению горизонтальных связей и формированию балканской культурно-цивилизационной общности и интегрального единства на региональном уровне. Подобные тенденции были отмечены во многих выступлениях, например, в научных сообщениях о состоянии сербского общества на рубеже XIX–XX вв. (д-р ист. наук А.Л. Шемякин, ИС РАН), о деятельности болгарского царя Фердинанда (канд. ист. наук О.Н. Исаева, ГУС), о политике греческой администрации Венизелоса в первой трети XX в. (канд. ист. наук Т.В. Никитина, МГУ). Особенности формирования национальных идеологий и национального сознания, как подчеркивалось на конференции, было формулирование "Великой идеи", воплощенной в таких национальных доктринах, как "Великая Греция", "Великая Болгария", "Великая Сербия", "Великая Албания" и в определенном смысле "Великая Югославия" при Й.Б. Тито, что характеризовало особый тип национализма, имевшего балканскую окраску и содержавшего элементы конфронтационности.

Значительное внимание в формате данного блока проблем уделялось новым тенденциям в сознании и мироощущении современного жителя Балкан, прежде всего в странах, охваченных бурными процессами "ухода" от социалистического прошлого. Например, междисциплинарный характер анализа места социума в Болгарии как главного субъекта глобальных потрясений конца XX в., связанных с крушением бипо-

лярного мира, отразил современный подход к проблемам ментальности и дал возможность показать болгарскую специфику восприятия постиндустриального общества и смены системы ценностей в период приобщения к западноевропейской цивилизационной модели "либерального постмодернизма" (д-р ист. наук Н.В. Коровицына, ИС РАН). Особенно рельефно эти вопросы прозвучали в выступлениях филологов, которые через призму болгарской литературы показали восприятие современными болгарскими хаотичного, кризисного и нестабильного периода современной жизни и поиска выхода из тупика на основе возвращения к общечеловеческим ценностям и нравственным принципам (канд. филол. наук З. Карцева, МГУ, канд. филол. наук В.В. Николаенко, ИС РАН).

Специальный блок тем конференции, посвященный актуальной ныне проблеме соотношения религии с многообразными общественно-политическими, национальными, демографическими аспектами жизни балканских народов, свидетельствовал о повышении значимости конфессионального подхода к изучению конкретно-исторических явлений. Это тем более важно, ибо фиксирует отход отечественных исследователей от идеологических атеистических клише, длительное время определявших отношение к религии как к сугубо негативному фактору. В научных сообщениях раскрывалась роль национальной церкви у сербов и черногорцев как доминирующего элемента национальной консолидации, сохранения культурных традиций, развития национального самосознания и укрепления государственности. В то же время подчеркивалась неоднозначная роль религии при наличии многоконфессиональности, например в Боснии и Герцеговине, в Болгарии, что затрудняло достижение национального единства (д-р ист. наук И.В. Чуркина, д-р ист. наук Р.П. Гришина, канд. ист. наук Л.В. Маркова, ИС РАН). На основе прозвучавших выступлений можно сделать вывод о взаимосвязи геополитического положения Балкан как перекрестка трех культурно-цивилизационных влияний (православного, католического, мусульманского) с проявлением деструктивных, конфронтационных элементов, влиявших на формирование национального менталитета отдельных балканских этносов. Именно в этом дает о себе знать негативная сторона разлома цивилизационных ветвей, проходящего по Балканам. Данный фактор во многом также определял внешнеполитическую ориен-

тацию отдельных балканских народов на Запад и Восток (Россию), а также на исламский мир. Поэтому нельзя недооценивать возможность использования подобных деструктивных элементов балканского региона внешнеполитическими силами в тех или иных целях. Примеры в истории тому есть, что, например, подтверждается использованием советским руководством религиозного (православного) фактора для укрепления позиций советского блока в начальный период "холодной войны" (д-р ист. наук Т.В. Волокитина, ИС РАН).

Особое внимание участников конференции привлек комплекс вопросов по тематике "Балканы – зона столкновений геостратегических интересов". Это свидетельствует об усилении внимания российских и болгарских ученых к методам современной конфликтологии, определяющим мотивацию и сущность международных конфликтов с точки зрения геополитики, – теории, согласно которой доктринальные основы деятельности государства опираются на географическо-природные факторы. При всем разнообразии точек зрения на конкретно-исторические события в рамках указанной тематики выявились общие подходы к оценке геополитического положения Балкан как потенциальной зоны конфликтности в силу не только особенностей внутреннего культурного, политического, экономического, этноконфессионального и т.д. развития, но, главное, – геополитического положения региона, призванного служить мостом между Западом и Востоком. Контроль над Балканами исторически означал контроль над Средиземноморским и Черноморским бассейнами. Балканы являлись региональным центром, где пересекались интересы многих держав.

С этих позиций рассматривалась эволюция геополитических взглядов российской правящей элиты в отношении Балкан на протяжении всего XX в. (д-р ист. наук А.А. Улуян, ИВИ РАН). Отмечалось, что как на персональном уровне, так и в масштабах социальных и политических институтов, в различные периоды истории российская оценка Балкан строилась на географических и геополитических реалиях с учетом тех или иных идеологических схем. Например, в период господства коминтерновской идеологии Балканы рассматривались как зона конфликтности с перспективой революционного взрыва и распространения революции, в дальнейшем данные схемы трансформировались в представления о Балканах как о геостратегическом рубеже

"мирового социалистического лагеря", а после второй мировой войны идея создания Балканской федерации соответствовала геостратегическим интересам СССР быть зоной его безопасности и отвечала идеологическим целям глобальной советской политики – "противостоять империализму" (Л.Я. Гибианский, ИС РАН, д-р ист. наук В. Тошкова, ИИ БАН).

Достаточно неоднозначные и негативные оценки были даны роли СССР и Германии в исторической судьбе Болгарии, в ее экономическом развитии, особенно СССР после второй мировой войны, когда Болгария в силу исторических обстоятельств должна была воспринять советскую модель экономического развития, что привело к коренным переменам в социально-структурном облике болгарского общества и стоило Болгарии многих экономических потерь (д-р Г. Никова, ИИ БАН).

В рамках той же тематики рассматривались актуальные вопросы, связанные с югославским этнополитическим конфликтом и гражданской войной 1990-х годов. Специалисты различных научных дисциплин были единодушны в необходимости всестороннего постижения глобального смысла данного конфликта, который явился следствием исчезновения биполярного мира, но в то же время был порожден внутренними особенностями югославского исторического развития и современными обстоятельствами, а также имел свою драматическую предысторию. Были высказаны различные точки зрения относительно геостратегических интересов тех или иных внешних сил. По мнению одних исследователей, кризис был использован Западом, и прежде всего США, для начала геополитического "передела мира" после их победы в "холодной войне". Согласно этому мнению (канд. ист. наук К.В. Никифоров, канд. ист. наук А.В. Жарасев, ИС РАН), в Боснии, а затем в Косово, США и страны НАТО, используя силовой компонент, стали применять "миротворчество нового типа" не в целях разъединения противоборствующих сторон и поддержания мира в зоне конфликта, а для установления собственного военного присутствия, занимая всю площадь подмандатной территории, на которой миротворческие войска фактически являются верховной властью. Таким образом, с помощью военной силы осуществлялся "экспорт демократии". Другие специалисты в подобных подходах усматривают отражение "антизападных стереотипов мышления" (канд. ист. наук П.Е. Кандель, Ин-т Европы РАН).

На основе анализа геополитической ситуации в балканском регионе (в свете планов расширения НАТО на Восток) на конференции поднимались вопросы внешнеполитических приоритетов России здесь, особенно с точки зрения ее национальной безопасности, говорилось о необходимости для России и новой Югославии развивать региональное сотрудничество, в том числе и с другими Балканскими странами, в целях достижения региональной стабильности. В то же время прогнозировались и негативные тенденции и последствия утраты Россией геостратегических позиций на Балканах.

В целом конференция продемонстрировала научную значимость и актуальность ее

тематики, явилась своеобразным итогом работы российских и болгарских ученых в последнее десятилетие XX в. в новых общественно-политических условиях. Она выявила тенденцию к глобализации исторических знаний, использованию учеными общих современных методов исследования, междисциплинарный характер изучения исторических явлений на основе методов системного и функционального анализа с применением современных информационных систем и моделирования общественно-исторических процессов.

© 2001 г. *Н.В. Васильева*

Славяноведение, № 1

Заседание Комиссии историков России и Болгарии

11–15 апреля 2000 г. в Москве состоялось заседание Комиссии историков России и Болгарии. Это была третья после возобновления работы этого научного органа встреча. Созданная в июне 1968 г., Комиссия историков СССР и НРБ на протяжении более чем двадцати лет вела активную разностороннюю работу по координации научных исследований в Советском Союзе и Болгарии, нередко инициировала исследовательские и публикаторские проекты, организовывала и поддерживала научные контакты и связи между учеными обеих стран. В начале 1990-х годов работа комиссии была прекращена, однако ненадолго: возобладал здравый смысл, ясное понимание обеими сторонами необходимости постоянных контактов и координации научных изысканий. В декабре 1995 г. на встрече российских и болгарских ученых в Софии было принято решение возобновить работу комиссии, переосмыслив накопленный опыт и восприняв все позитивное из прошлого. В 1997 г. состоялось заседание в болгарской столице.

Для участия в заседании в Москву приехали председатель Болгарской части комиссии, директор Института истории БАН профессор Г. Марков, члены комиссии д-р Г. Никова, д-р Л. Ревякина, д-р ист. наук, профессор В. Тошкова. Российскую часть

комиссии возглавлял ее председатель академик РАН Г.Г. Литаврин.

Основной целью встречи было обсуждение перспектив деятельности комиссии. Ее члены с удовлетворением констатировали, что несмотря на объективные трудности (в первую очередь финансовые), серьезно осложнявшие исследовательскую работу, книгообмен и контакты между научными институтами и организациями обеих стран осуществляются, в целом удалось выполнить план научных мероприятий. Обсудив историографическую, источниковую и кадровую ситуацию, участники встречи согласовали план деятельности комиссии на 2001–2004 гг.

Как и в предыдущие годы, магистральной, объединяющей исследователей обеих стран остается тема "Россия, Болгария и Балканы". Перспективными исследовательскими темами были названы следующие: "Церковь и государство на Балканах" и "Узловые события XX в. и общественное мнение Болгарии и России". Было принято предложение болгарской стороны о проведении в ближайшие два-три года в Софии научных конференций "Россия и болгарский национальный вопрос (вторая половина XIX – первая половина XX в.)" и "Российская белоэмиграция на Балканах". В ближайших планах комиссии также возоб-

новление работы над четвертым томом документальной серии "Россия и болгарское национальное Возрождение" (третий том в настоящее время подготовлен к публикации и будет издан в Софии). Кроме того, было решено продумать возможность подготовки совместными усилиями для опубликования в России сборника статей "Пути возрождения России в творчестве российских эмигрантов в Болгарии". Члены комиссии подтвердили свою готовность информировать друг друга о выходящей научной продукции, обмениваться изданиями. Традиционной формой

научных контактов будут и впредь оставаться конференции, совместные исследовательские проекты, участие в периодических научных изданиях и т.д. Согласованный план был внесен в подписанный руководителями комиссии протокол.

Помимо решения научно-организационных вопросов, важной составляющей работы комиссии явилась конференция "Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в."

© 2001 г. *Т. Волокитина*

Славяноведение, № 1

Международные лингвистические научные конференции в Ополе и Инсбруке

В сентябре-октябре 1999 г. состоялись два важных международных научных мероприятия, в которых довелось участвовать. Это конференция в Ополе – "Системное и функциональное сопоставление славянских языков", организованная Институтом польской филологии Опольского университета в Польше (23–25 сентября 1999 г.), и конференция – "Словообразование в его отношении к другим языковым уровням", проводившаяся под эгидой Института славистики университета в Инсбруке в рамках деятельности Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов (28 сентября – 2 октября 1999 г.).

Значимость обоих мероприятий (на заседаниях в качестве рабочего языка обычно использовался родной язык участников – чаще всего это был тот или иной славянский язык) для развития современной славистики весьма велика. Трудно переоценить и огромные, в буквальном смысле слова подвижнические, усилия организаторов обоих мероприятий – проф. Станислава Гайды, директора Института польской филологии Опольского университета и проф. Ингеборг Онхайзер, директора Института славистики университета в Инсбруке. Именно на них, а также на их коллег легло не только бремя научной и научно-организационной работы, связанной с подготовкой и проведением конференции, но и изыскание источников финансирования, позволивших принять зарубежных гостей.

Конференция в Ополе проводилась в рамках поэтапного осуществления между-

народной общеславянской программы, посвященной изучению новейшей истории славянских языков. Ее главный координатор – проф. Ст. Гайда. Работа по этой программе ведется в тесном контакте с Комиссией по изучению славянских литературных языков при Международном комитете славистов (председатель комиссии – Я. Босак).

Целью первого этапа программы была реализация проекта "Новейшая история славянских языков" (1945–1995)". В результате работы над проектом был подготовлен и опубликован цикл коллективных монографий, посвященных описанию современных славянских языков: "Сербский язык" (1996 г., под редакцией М. Радовановича); "Болгарский язык" (1997 г. – С. Димитровой); "Русский язык" (1997 г. – Е. Ширяева); "Серболужицкий язык" (1998 г. – Г. Фаски); "Чешский язык" (1998 г. – Я. Корженского); "Словенский язык" (1998 г. – А. Видович-Мухи); "Словацкий язык" (1998 г. – Я. Босака); "Хорватский язык" (1998 г. – М. Лончарича); "Белорусский язык" (1998 г. – А. Лукашанца, М. Пригодзича, Л. Сямешки); "Македонский язык" (1998 г. – Л. Миновой-Гюрковой). Мы намеренно перечисляем все эти публикации, поскольку, учитывая все коллизии современного научного развития и книжного обмена, данные работы, невзирая на всю их значимость, возможно, недостаточно известны широкой научной общественности. Издание

всей этой серии было осуществлено в Ополе под общей редакцией проф. Ст. Гайды.

Конференция в Ополе была связана с развертыванием второго этапа реализации международной программы. На этот раз в качестве главной задачи было выдвинуто системное и функциональное сопоставление славянских языков, осуществляемое в общем контексте современных их изменений. Подготовительная работа над вторым этапом программы началась еще в 1998 г. в Кракове во время XII Международного съезда славистов. Именно тогда на заседании тематического блока "Изменения в современных славянских языках (1945–1995)" и состоялась презентация упоминавшегося цикла монографий.

Внимание участников конференции было сосредоточено на обсуждении теоретико-методологических и организационных вопросов. В связи с этим центральное место на ней занимали концептуальные доклады руководителей авторских коллективов, которым предстоит работать над обобщающими томами будущего труда. Важно подчеркнуть тесную преемственность обоих этапов международной научной программы. Так, в частности, второй этап во многом будет представлять собой синтез ранее выполненных исследований.

В первый день работы конференции, после приветствия руководства университета, началось заседание, на котором были рассмотрены общие принципы работы над международной научной программой (доклад Ст. Гайды), а также социолингвистические проблемы, с акцентом на новейшие изменения в языковой ситуации славянских этносов. С докладами по последней проблематике выступили В. Любац, Г. Нецименко, Ст. Гайда. Кроме того, во второй половине этого же дня обсуждалась проблематика раздела, посвященного языковой картине мира у славян (доклады Е. Бартомиńskiego, В. Хлебды).

В программу второго дня конференции входили доклады, посвященные проблематике сопоставительного анализа отдельных уровней грамматической системы: фонетического (И. Савицкая), словообразовательного (И. Онхайзер), синтаксического (С. Кароляк). Проблемы лексики и фразеологии были представлены в докладах Т. Левашкевича, Б. Фалиньской и В. Мокенко. В докладе К. Гутшмидта рассматривалась проблематика раздела об именах собственных. Некоторые заявленные доклады по тем или иным объективным причинам не состоялись (например, Р. Ясковского – о морфологии, Э. Фелешко – по ономастике и др.).

Состав участников конференции был весьма репрезентативен, в ней принимали участие слависты разных стран (Австрии, Белоруссии, Болгарии, Германии, Македонии, Польши, России, Хорватии). Все они не только высококвалифицированные специалисты в своей области, но и связаны опытом многолетнего плодотворного научного сотрудничества. В результате дискуссия, проходившая на конференции по всем заслушанным докладам, была исключительно полезной и плодотворной. Публикацию произнесенных на конференции докладов Институт польской филологии взял на себя, так что со временем они станут доступны лингвистической общественности.

Несколько слов об Опольском университете: он относится к числу молодых учебных заведений Польской республики – университетский статус им был получен в 1994 г., после преобразования педагогического института, находившегося в Ополе с 1954 г. У истоков опольской полонистики стоят такие видные ученые, как Ст. Роспонд и Ст. Колбушевский. Институт польской филологии (основан в 1974 г.), проводивший конференцию, в последнее десятилетие играет весьма значительную роль не только в научной жизни Польши, но и в международной славистике вообще. Большая заслуга в этом, несомненно, принадлежит его директору (с 1990 г.) проф. Ст. Гайде.

Конференция в Инсбруке была посвящена проблемам словообразования и проводилась в рамках деятельности Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. Следует отметить, что в ряду 28 комиссий, существующих при МКС, данная комиссия является, по-видимому, самой "молодой", поскольку она образована лишь в 1996 г. (председатель – известный русист И.С. Улуханов). Впрочем, сама идея создания подобной комиссии возникла гораздо раньше, а именно – в 1984 г., во время Международного симпозиума по сопоставительному изучению славянского словообразования, организованного в Москве Институтом славяноведения и балканистики РАН. В состав комиссии входят 37 славистов из Австралии, Австрии, Армении, Белоруссии, Болгарии, Германии, Южной Кореи, Польши, России, Словакии, Словении, Украины, Франции, Чехии, Швеции и Югославии.

К настоящему времени состоялись четыре заседания комиссии: в Волгограде (1996), Магдебурге (1997), Кракове (1998 г. – во время работы XII Международного съезда славистов) и, наконец, Инсбруке; в 2000 г. по инициативе польских коллег планируется

проведение очередного заседания комиссии в Катовицах. Ориентировочно намечено и место проведения последующих заседаний (г. Халле в Германии и г. Прешов в Словакии).

Тематика конференции в Инсбруке предполагала изучение взаимоотношения словообразования с другими языковыми уровнями (кстати говоря, более удачным нам представляется немецкий эквивалент названия конференции: "Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand", т.е. "словообразование: его взаимодействие в языковой системе – его интердисциплинарность как объекта исследования"). Сам факт акцентирования интердисциплинарной сущности словообразования, содержащийся в немецком названии, чрезвычайно важен, так как он отражает не только направленность развития современной науки, но и специфику словообразования как лингвистической дисциплины, находящейся на стыке различных отраслей языкознания (морфологии, морфологии, синтаксиса, лексики и т.п.).

Проведение конференции в Инсбруке стало возможным благодаря спонсорскому участию Федерального министерства науки, правительства Земли Тироль, университета в Инсбруке, а также других организаций. В свою очередь, участие российских ученых спонсировалось также Институтом "Открытое общество" Фонда Сороса.

На открытии конференции выступили с приветствиями ректор Инсбрукского университета проф. Г. Мозер, председатель словообразовательной комиссии проф. И.С. Улуханов, а также директор Института славистики при университете в Инсбруке проф. И. Онхайзер. Последняя, в частности, остановилась на вопросе изучения славистики в Австрии и конкретно в Инсбруке. Следует отметить, что в Австрии традиционно уделяется большое внимание изучению славянских языков. Причина этого во многом – давние культурные, политические, экономические контакты со славянскими странами. Так, преподавание славянских языков ведется в шести университетах страны: два из них находятся в Вене, другие – в Граце, Инсбруке, Клагенфурте, Зальцбурге. Специальные институты славистики (равно как и институты, готовящие переводчиков) находятся и при названных выше университетах. Что касается Института славистики в Инсбруке, то он был организован в 1970 г. и готовит специалистов по русистике, полонистике, богемистике, по языкам южных славян. Большое внимание уделяется изучению истории, культуры славян.

Повестка дня конференции была очень насыщенной: было заслушано 26 докладов, по которым развернулась оживленная дискуссия. Кроме того, в рамках работы конференции проведено организационное заседание словообразовательной комиссии. На заключительном заседании были не только подведены итоги выполненной работы, но и намечены перспективы последующей работы комиссии, в частности, проблематика очередного заседания в Катовицах ("Словообразовательные и другие типы номинации"). Благодаря тому, что участники конференции жили и работали в одном и том же месте ("Дом встреч" Филантропического общества), они имели возможность практически непрерывного общения.

Первое заседание открыл И.С. Улуханов (Россия) докладом "Несловообразовательные ограничения словообразовательных процессов", цель которого – выявление ряда грамматических факторов, влияющих на деривационную комбинаторику. При этом особенно акцентировалась значимость частеречной характеристики мотивирующих существительных, а также вида мотивирующих глаголов; меньшую роль играет принадлежность к определенному типу склонения. Уделялось также внимание морфологическим, стилистическим и т.п. факторам. Оперировав понятием "супертип", выступавший прослеживал деривационную специфику русских существительных, прилагательных, глаголов и наречий. В докладе Ю. Фурдика (Словакия) ("Славянское словообразование с точки зрения общего языкознания") была затронута важная проблема значимости словообразовательных исследований. Как было подчеркнуто, во многом это зависит от характера исходного языкового материала: особенно благодарными в этом отношении являются славянские языки. Периферийность положения словообразования является лишь кажущейся, напротив, оно играет ведущую роль, "склеивая" уровни языковой системы, выполняя важные функции в процессе коммуникации. В какой-то мере сходная мысль была высказана и в докладе С. Менгель (Германия) ("Место словообразования среди уровней языковой системы") – автор полагает, что словообразование выполняет функцию своего рода соединительного "мостика" между грамматическим (морфология, синтаксис) и лексическим уровнями, т.е. является "структурирующим соединением". В докладе Е.С. Кубряковой (Россия) ("Словообразование и другие сферы языковой системы в структуре номинативного акта") аргументировалось положение о плодотворности рас-

смотрения связи словообразования с общими принципами организации языка и главными функциями языковой системы; подчеркивалась также значимость изучения номинации как акта семиозиса. И.Г. Милославский (Россия) выступил с докладом "Роль словообразования в обеспечении рецептивных и продуктивных речевых действий на русском языке как неродном", в котором была подчеркнута особая значимость практического приложения достижений теоретического языкознания, в частности, использования словарей русских морфем, а также словообразовательных словарей для активизации речевых навыков носителей русского языка. Доклад И. Онхайзер "Методологические подходы к сопоставительному изучению номинативных инноваций в славянских языках" восходил в своей основе к докладу, произнесенному ею на конференции в Ополе, поскольку именно И. Онхайзер – руководитель обобщающего тома, посвященного словообразованию. В связи с этим для нее было чрезвычайно важно услышать мнение коллег по всему кругу затрагиваемых вопросов, поскольку некоторые из них, возможно, станут потенциальными авторами будущего тома. Автор доклада придавала большое значение использованию понятия "тенденция" в качестве своего рода *tertium comparationis*. Изложенная И. Онхайзер концепция тома предусматривает учет тенденций и инноваций, характерных для XX в., а также изменения, происходящие в лексиконах современных славянских языков. По окончании заседания были рассмотрены вопросы, связанные с практической деятельностью словообразовательной комиссии.

29 сентября работа конференции была продолжена. В.Н. Виноградова (Россия) произнесла доклад на тему "Поэтическое словообразование и фонетика (звукопись, паронимическая аттракция)", в котором рассматривались экспрессивно насыщенные авторские неологизмы и окказионализмы с применением определенной звукописи. А. Нагурко (Польша – Германия) рассматривала взаимосвязи словообразования и морфонологии. В ее поле зрения находились такие важные вопросы словообразовательного анализа, как разграничение алломорфов и вариантов, случаи безаффиксного словообразования (усечения), экспрессивно варьирования и т.д. К этому докладу тематически тесно примыкает доклад Л. Селимского (Болгария – Польша) "О некоторых морфонологических альтернативах в болгарском языке в сопоставлении с другими славянскими языками". Опираясь фак-

тами ряда чередований в болгарском языке (например, по твердости и мягкости, вокализации слабых еров и т.д.), автор приходит к выводу о том, что специфика болгарского языка во многом обуславливается развитием в нем аналитизма. Г. Елите (Германия) произнес доклад "Понятие аналогии в морфологии и словообразовании". Поставленная им проблема была рассмотрена в историческом аспекте, причем было отмечено, что тенденция аналогии оказывает важное влияние и на развитие современных языков. В своем докладе М. Ферран (Франция) ставит вопрос: "может ли производное функционировать вне мотивировки основой?". В трактовке этой проблемы он так же, как и И.Г. Милославский, учитывает освоение иностранцами неродного (в данном случае – русского) языка. О.П. Ермаковой (Россия) был прочитан доклад на тему "Аффиксальное словообразование или нейтрализация на уровне морфологии?", где предмет внимания – десубстантивные наречия. В отличие от традиционной точки зрения, автор полагает, что при синхронном анализе данную лексику целесообразно квалифицировать как существительные, либо рассматривать как результат использования конверсии. А.А. Лукашанец (Белоруссия) выступил с докладом "Грамматический диапазон словообразования суффиксальных отглагольных существительных в белорусском языке", в котором рассматривался различный подход к изучению особенностей грамматической маркированности словообразовательных объектов, доказывалась эффективность использования при анализе данного материала количественных показателей. М. Соколова (Словакия) выступила с докладом «Определение статуса деривационной и модификационной морфемы в концепции "Морфемного словаря словацкого языка"», в котором учитывается опыт работы над названным словарем. Автор рассмотрела различные типы морфемных словарей (алфавитный; корневой; обратный), разграничивая модификационные и деривационные морфемы. Г. Кальб (Австрия), оперируя материалами сербского и хорватского языков, рассмотрел перспективы использования компьютера в сфере словообразовательной лексикографии.

Третий день работы конференции – 30 сентября – был открыт блоком докладов, рассматривающих проблему взаимосвязи между словообразованием и синтаксисом. Так, словацкая исследовательница К. Бузашивова сделала доклад на тему "Соотношение терминов *транспозиция*, *синтаксическая деривация*, *номинализация* как отра-

жение взаимосвязи между словообразованием и синтаксисом". При решении данной проблемы автор использовала структурно-функциональный и коммуникативный подходы, интересные наблюдения высказывались по поводу обсуждаемого в науке понятия "транспозиция". Доклад Й. Реке (Германия) – "К разграничению словообразования и синтаксиса" тематически примыкает к предыдущему докладу. В нем отмечалась как значительная близость обоих феноменов, так и, соответственно, правомерность применения синтаксических моделей к изучению словообразования. Ю. Балтова (Болгария) зачитала доклад на тему "Словообразование и синтаксис", в котором убедительно показала продуктивность использования предикатно-аргументных структур при описании семантики производного слова. Исследовательница констатировала наличие семантического изоморфизма между производным словом и предикативной синтагмой. К названным выше докладам тематически близок и доклад К. Клещовой (Польша) – "Влияние синтаксического уровня на форму и состав дериватов". Соглашаясь в принципе с целесообразностью использования при словообразовательном анализе синтаксического аппарата, она предлагает и иной подход – рассмотрение деривата как единицы текста. Исследовательница убедительно доказывает на большом материале, что анализ деривата на уровне текста эффективен как при исследовании генезиса дериватов, так и при определении их состава и формы.

Доклад Д. Паярда (Франция) – "Словообразование и высказывание" был посвящен семантическому анализу приставочных глагольных дериватов. В поле зрения Г.П. Нецименко (Россия) в докладе "Словообразование разговорного языка в свете тенденции вербальной экономии (на материале русского и чешского языков)" находилась проблема взаимодействия двух важнейших тенденций развития языковой материи: вариативности и языковой экономии. Привле-

чение большого языкового материала, иллюстрирующего обе тенденции, позволило выявить динамику современной вербальной коммуникации, в частности, эволюцию речевого этикета; "устнизацию" распространения информации. Наблюдаемые тенденции в своем большинстве носят конвергентный характер, хотя скорость развертывания процессов далеко не всегда идентична. В докладе Е. Коряковцевой (Россия – Польша) – "Словообразование в его отношении к лексической семантике" рассматривались важные аспекты словообразовательного анализа, в частности, перспективы использования компонентного анализа, проблема полимотивированности, выявления онтологического статуса деривационных компонентов. А.В. Никитевич (Белоруссия) в докладе "Устойчивые глагольно-именные сочетания и производные аффиксации как способы представления глагольной семантики (синхронно-диахронический аспект)" ознакомил участников конференции с результатами проделанного им сопоставительного, синхронно-диахронного анализа потенциала аффиксации и аналитизма в конкретном фрагменте деривационной системы. В докладе Б. Крейи (Польша) – "Проблемы генезиса словообразовательных типов польских фамилий" выявлялись словообразовательно мотивированные типы польских фамилий с определенными деривационными формантами. При этом приведен чрезвычайно интересный материал, иллюстрирующий функционирование суффиксов, представляющих собой интегральную часть имени собственного или нарицательного. Доклад Р. Беленчиков (Германия) был посвящен рассмотрению значимости словообразования для составления переводных словарей. Наблюдения проводились на основе двуязычного словаря новой русской лексики 1980-х и 1990-х годов, представляющего собой новый тип переводного словаря неологизмов.

© 2001 г. Г.П. Нецименко

К 70-летию Владимира Константиновича Волкова

15 декабря 2000 г. исполнилось 70 лет члену-корреспонденту Российской академии наук, профессору Владимиру Константиновичу Волкову – одному из виднейших российских историков, специалисту по истории славянских народов, стран Центральной и Восточной Европы, международных отношений и политики России и СССР в данном регионе. Достигнутый рубеж может стать достойным поводом для оценки пройденного пути, однако творческий век ученого не измеряется годами. Для людей, подобных Владимиру Константиновичу, служение науке – это непрерывное движение вперед, в ходе которого каждый прожитый год, каждый преодоленный этап не более чем очередная ступень, с высоты которой открываются новые горизонты в вечном процессе познания истины.

В.К. Волков – выпускник Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, вот уже более 40 лет он работает в Институте славяноведения Российской академии наук, в который пришел в 1956 г. и возглавляет его с 1987 г. Для него как исследователя характерны широта научных интересов, глубокая эрудиция, высокий уровень профессионального мастерства. Избран в качестве направления своей исследовательской работы новейшую историю Болгарии и Югославии, В.К. Волков и своих научных поисках остался и по сей день верен этой проблематике. Однако он не стал автором одной темы. Поиск новых областей исследования, формулирование актуальных задач всегда отличало его стиль научной работы. Наиболее значительные его труды 1960–1970-х годов были посвящены истории югославо-германских отношений и международной политики на Балканах и в Европе в целом в период между мировыми войнами. В то же время увидели свет работы Владимира Константиновича о восточной политике германского империализма XIX и XX вв., в которых, помимо глубокого осмысления проблематики истории международных отношений, автор выступил как специалист в области истории общественной мысли, политических учений, а также в области историографии, существенно, почти на столетие, расширив хронологические рамки своих научных разысканий.

Выдающийся вклад внес В.К. Волков в исследование истории народов и стран Центральной и Восточной Европы после Второй мировой войны, начиная с проблем истории становления политических режимов советского типа на востоке Европы и формирования "социалистического содружества", через исследование внутренних и международных кризисов возглавляемого СССР политического и военного блока и вплоть до событий антитоталитарных революций рубежа 1980–1990 гг. Много внимания было им уделено истории Украины и Белоруссии, когда после установления в 1991 г. их государственной самостоятельности Владимир Константинович положил начало специальным направлениям исторических исследований по всему комплексу проблем, связанных с названными странами.

Нельзя не упомянуть труды В.К. Волкова последних лет, непосредственно связанные с современным кризисом на Балканском полуострове: "Трагедия Югославии" (1995), "XX век и судьба Югославии" (1999) и др. В них не только были изучены истоки внутреннего конфликта народов и республик бывшей Югославии, но и

проанализированы соотношение сил и интересов как среди возникших на развалинах прежней югославской федерации новых государств, так и многих других стран, вовлеченных в конфликт, дан научный прогноз о возможных путях мирного урегулирования на Балканах. Большое внимание уделил В.К. Волков методологии исторических исследований, в частности, новым задачам отечественного славяноведения, месту славистики среди гуманитарных наук, проблемам анализа исторических форм славянской общности и трансформации представлений о славянском единстве, а также истории славяноведения.

Как директор Института славяноведения РАН, член Отделения истории РАН, заместитель председателя Национального комитета историков России В.К. Волков вносит большой личный вклад в организацию и развитие исторической науки и славистических исследований в нашей стране. Им опубликовано более 150 работ на русском и иностранных языках, в том числе целый ряд фундаментальных монографий, изданных в России, Чехословакии, Югославии. Широко известны публицистическая и переводческая деятельность В.К. Волкова, его работа в качестве университетского профессора по подготовке научных кадров, как популяризатора отечественной науки.

Поздравляя Владимира Константиновича с юбилеем, его коллеги и друзья в России, а также за рубежами нашей страны, желают ему новых достижений и выражают уверенность, что станут заинтересованными читателями его новых трудов.

Славяноведение, № 1

К 75-летию Геннадия Григорьевича Литаврина

6 сентября исполнилось 75 лет академику РАН, заведующему Отделом истории средних веков Института славяноведения РАН и сектором истории Византии Института всеобщей истории РАН Геннадию Григорьевичу Литаврину. Представляется излишним перечислять все по праву заслуженные титулы и ученые звания этого выдающегося российского византиниста и слависта, внесшего огромный вклад (и исследовательский, и организационный) в развитие отечественной и мировой исторической науки. Излишне это хотя бы потому, что сборник, посвященный предыдущему юбилею Г.Г. Литаврина, содержащий обстоятельную историографическую статью о нем, увидел свет всего лишь год назад (GENNADIOS. M., 1999).

Юбилею было посвящено заседание Ученого совета Института славяноведения. В чествовании Г.Г. Литаврина приняли самое широкое участие представители академических институтов и учебных заведений Москвы – всех желающих поздравить его не смогло вместить просторное помещение Отдела истории средних веков.

Свое 75-летие Геннадий Григорьевич встречает в прекрасной творческой форме. За прошедшие пять лет им опубликованы десятки статей по проблемам славистики и византиноведения. Вышли в свет подготовленное им комментированное издание византийского лечебника (1999) и монография "Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.)" (2000). Завершается подготовка нового, переработанного и дополненного в части комментариев, издания "Советов и рассказов Кекавмена" (первое издание – М., 1972 – давно уже стало библиографической редкостью). Прибавилось забот у юбиляра и в научно-организационной деятельности – вдобавок ко всем прочим обязанностям он возглавляет теперь редколлегия серии "Византийская библиотека" издательства "Алетейя". Зная Г.Г. Литаврина, можно не сомневаться, что это руководство носит не формальный характер.

Крепкого здоровья Вам, Геннадий Григорьевич, и успешной реализации всех творческих планов и начинаний!

© 2001 г. А.А. Турилов

Новые издания Института славяноведения РАН

В 1998–2000 гг. в Институте славяноведения РАН вышли следующие издания:

- * *Аншаков Ю.П.* Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998.
- * *Волокитина Т.В.* "Холодная война" и социал-демократия в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1998.
- Заборовский Л.В.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. М., 1998. Ч. 1.
- Мургулия М.П., Шушарин В.П.* Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М., 1998.
- * *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.* М., 1998. Ч. 1.
- * *Славянская идея: история и современность.* М., 1998.
- Славянские литературные языки эпохи национального возрождения.* М., 1998.
- * *Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого.* М., 1998. Т. II.
- * *Советский Союз и венгерский кризис 1956 г.* Документы. М., 1998.
- Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946.* Документы российских архивов. М., 1998.
- * *Февраль 1948 г. Москва и Прага. Взгляд через полвека.* М., 1998.
- * *Центральная Европа в новое и новейшее время.* М., 1998.
- * *Шемякин А.Л.* Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998.
- * *XVIII век: славянские и балканские народы и Россия.* М., 1998.
- * *Ю.И. Венелин в Болгарском возрождении.* М., 1998.
- * *Автопортрет славянина.* М., 1999.
- Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы). Центральноевропейские исследования.* М., 1999. Вып. 1.
- Васильев М.А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999.
- Власть и интеллигенция. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920–1950-е годы.* М., 1999. Вып. 3.
- * *Геннадис. К 70-летию академика Г.Г. Литаврина.* М., 1999.
- Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.
- * *Греческая культура в России. XVII–XX вв.* М., 1999.
- * *Дмитриев М.В., Заборовский Л.В., Турилов А.А., Флоря Б.Н.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в. Ч. II: Брестская уния 1596 г. Исторические последствия события. М., 1999.
- * *Коровицына Н.В.* Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX в. М., 1999.
- * *Лабынцев Ю.А., Шавинская Л.Л.* Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации. М., 1999.
- * *Македония: проблемы истории и культуры.* М., 1999.
- Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян.* М., 1999.
- * *Польша и Европа в XVIII в.* М., 1999.
- * *Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой.* М., 1999.

- *Славянский альманах. 1998. М., 1999.
- Фрейдзон В.И.* Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в. Дубна, 1999.
- **Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000.
- *А.С. Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000.
- **Белова О.В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2000.
- **Бернштейн С.Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000.
- *Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000.
- *Книга в пространстве культуры. М., 2000.
- Лабынцев Ю.А., Шавинская Л.Л.* Православная литература белорусов современной Польши. М., 2000.
- **Маркович Д.Ж.* Разговор с друзьями. М., 2000.
- *Международные организации и кризис на Балканах. Документы. М., 2000. Тома I, II.
- **Плотникова А.А.* Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии. М., 2000.
- *Политика и поэтика. Сб. статей. М., 2000.
- *Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000.
- **Хованова О.В.* Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. М., 2000.
- Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117344, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения РАН, комн. 921. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Grachev V.P.</i> (Moscow). The Serbian Question in the Negotiations in 1812 Between Russia and Turkey Presiding the Conclusion of the Bucharest Peace	3
<i>Below M.V.</i> (Nizhny Novgorod). Some Tendencies in the Historiography of the Serbian Aprising in 1804–1813	18
<i>Agapkina T.P.</i> (Moscow Paris). Jaroslaw Iwaszkiewicz's Russian Contacts. 1945–1950 (Based on the Archival Sources).....	28
<i>Neveklovsky G.</i> (Klagenfurt). Linguistic Situation on the Territory of the Former Serbo-Kroatian Language.....	39
<i>Bagdasarov A.R.</i> (Moscow). The Social-Political Aspects of the Functioning of the Contemporary Kroatian Language Lexical System (1990-ies)	51
<i>Yaklova A.</i> (Českú Budějovice). The Development of the Notion <i>Argot</i> in the Czech Linguistic	58

COMMUNICATIONS

<i>Kruming A.A.</i> (Moscow). "Psaltyr Rifmotvornaya" by Simeon Polotsky (1680) as Reprinted by Andrey Reshetnikov (1809 and 1811).....	63
<i>Stykalin A.A.</i> (Moscow). New Evidence of the Role of Soviet Factor in the Czech Events of 1968 (to the publication of General A.M. Mayorov' Memoires).....	76
<i>Lapteva L.P.</i> (Moscow). Merchin Noval-Nechoronsky: the Important Figure of Serbian-Luzhician Culture and National Life	86

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Nosov B.V.</i> M. Czepe. Kamaryla Pana z Dukli. Kształtowanie się obozu politycznego Jerzego Augusta Mniszcha 1750–1763	88
<i>Agapkina T.P.</i> G. Wiśniewski. Pięć polskich losów w Rosji	92
<i>Dostal M.Yu.</i> Fondy a sbirky Archivu Akademie věd České Republiky / Nana Barvíková, Helena Janderová, Václav Podaný.....	95
<i>Dostal M.Yu.</i> Listy L'udovíta Štura. IV. Dodatky / Na vydanie pripravil Vladimír Matula.....	96
<i>Mechkovskaya N.B.</i> M. Schoferowa. Grzedowie , opowieść z Zimnego Podola. Exodus , sztuka sceniczna.....	98
<i>Mechkovskaya N.B.</i> A.McMillin. Belarusian Literature in the 1950ies and 1960ies: Release and Renewal	101
<i>Adelheim I. Z.</i> Ziątek. Wiek dokumentu	106
<i>Belitcheva I. O.</i> Richterek. Dialog kultur v uměleckém překladu	112

SCIENTIFIC LIFE

<i>Vasilyeva N.V.</i> The International Conference "A Man on Balkans in the Epoch of Crises and Ethnic-Political Conflicts in XX Century"	114
<i>Volokitina T.</i> The Committee of Russian and Bulgarian Historians Meeting	117
<i>Neshchimenko G.P.</i> The International Linguistic Conferences in Opole and Insbruck	118

PERSONALIA

Toward the 70th Anniversary of Vladimir Konstantinovich Volkov	123
<i>Turilov A.A.</i> Toward the 75th Anniversary of Gennady Grigorievich Litavrin	124
New Publications of the Institute for Slavic Studies, RAS	125

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 09.10.2000 Подписано в печать 20.12.2000 Формат бумаги 70 × 100 ¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 6,2 тыс. Уч. изд. л. 12,2 Бум.л. 4,0
Тираж 587 экз. Зак. 4213

Свидетельство о регистрации № 0110184 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики РАН

Адрес издателя: 177864, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

2000

Индекс 70891